8Р
П763
511821

Прилуко-Прилуцкій

# КОРИФЕИ РУССКАГО СЛОВА

Выпускъ VI

# ПУШКИНЪ

Жизнь и творчество

Пр. 2010

511821

Н. Г. ПРИЛУКО-ПРИЛУЦКІЙ

# КОРИФЕИ РУССКАГО СЛОВА

СБОРНИКЪ КРИТИЧЕСКИХЪ И БІОГРАФИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ ДЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ И САМООБРАЗОВАНІЯ

ф 26958

# ПУШКИНЪ

## ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

511821

1936 г.

ПР-48

ВЫПУСКЪ ШЕСТОЙ

ЦѢНА 90 КОП.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО „ОРОСЪ"

С.-ПЕТЕРБУРГЪ — ВАРШАВА

8р
П 763

Пр. 1940

Типографія Акц. О-ва Тип. Дѣла въ СПб. (Герольдъ),
Изм. п., 7 рота, 26.

# ОГЛАВЛЕНІЕ.


Стр.

Біографическій очеркъ.—В. Стоюнина . . . . . 1
Западное вліяніе въ творчествѣ Пушкина.—Ал. Веселовскаго . . . 17
Художественное значеніе литературной дѣятельности Пушкина и національность его поэзіи.—В. Г. Бѣлинскаго . . . . . 31
Назначеніе Пушкина.—В. Г. Бѣлинскаго. . . . . 37
Свѣтская мудрость и простота Пушкина.—Д. С. Мережковскаго . . 42
Всемірная отзывчивость Пушкина и народность этой черты его генія.—Ѳ. М. Достоевскаго. . . . . 57
„Русланъ и Людмила“.—В. Г. Бѣлинскаго . . . . . 61
„Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ“.—Н. Г. Григорьева. . . . . 65
Элегіи Пушкина.—Н. Г. Григорьева . . . . . 67
Вѣчная противоположность культурнаго и первобытнаго человѣка, какъ одинъ изъ основныхъ мотивовъ поэзіи Пушкина.—Д. С. Мережковскаго . . . . . 73
Идея „Мѣднаго всадника“ и „Галуба“.—Н. Г. Григорьева. . . . . 81
„Полтава“.—Н. Г. Григорьева . . . . . 88
„Евгеній Онѣгинъ“.—В. Г. Бѣлинскаго . . . . . 99
Евгеній Онѣгинъ.—В. Сиповскаго . . . . . 102
Онѣгинъ и Пушкинъ.—Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. . . . . 115
Евгеній Онѣгинъ.—Л. Поливанова . . . . . 123
Удовлетворяетъ ли пушкинскій Годуновъ требованіямъ теоріи драмы?—Е. Воскресенскаго . . . . . 138
Татьяна Ларина.—В. Г. Бѣлинскаго . . . . . 145
Въ чемъ заключается трагизмъ Бориса Годунова?—В. Г. Бѣлинскаго . . . . . 153
Психологія злыхъ страстей.—Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. . . . . 171
Гриневы, отецъ и сынъ.—Черняева . . . . . 177
Женскіе типы Пушкина.—Н. Г. Григорьева. . . . . 189

## Біографическій очеркъ.

(Жизнь Пушкина. — Взглядъ на Петра Великаго. — Отношеніе къ родовитой знати. — Патріотизмъ. — Простой народъ въ произведеніяхъ Пушкина. — „Евгеній Онѣгинъ“).

Пушкинъ родился въ Москвѣ 26 мая 1799 г. Семейство его принадлежало къ высшему московскому кругу, вело жизнь свѣтскую и праздную, говорило, по обычаю времени, всегда по-французски, воспитывало дѣтей, по тогдашней модѣ, съ помощью иностранныхъ гувернеровъ; слѣдовательно, будущему русскому поэту приходилось развиваться не на родномъ языкѣ. Но этотъ важный недостатокъ нѣсколько исправляла, хотя и безсознательно, няня Пушкина, крѣпостная крестьянка Арина Родіоновна, о которой онъ не разъ вспоминалъ въ своихъ произведеніяхъ: она разсказывала своему питомцу русскія народныя сказки, пѣла народныя пѣсни и, такимъ образомъ, сближала его съ прекрасной народной рѣчью и въ то же время дѣйствовала на развитіе его фантазіи народными образами. Отецъ Пушкина былъ знакомъ съ тогдашними извѣстными писателями,—Карамзинымъ, Дмитріевымъ, Жуковскимъ, Батюшковымъ, любилъ бесѣдовать о русской литературѣ, хотя и на французскомъ языкѣ. При этихъ бесѣдахъ иногда присутствовалъ и маленькій сынъ его, такъ что мысль его съ самыхъ раннихъ лѣтъ уже настраивалась къ литературѣ. Какъ всѣ впечатлительныя дѣти, онъ рано пристрастился къ чтенію, конечно, на французскомъ языкѣ, и такъ какъ могъ свободно пользоваться отцовской библіотекой, наполненной произведеніями французской литературы XVII и XVIII стол., то и перечитывалъ большую часть изъ нихъ еще до десятилѣтняго возраста: при необычайной памяти онъ многое зналъ наизусть изъ того, что читалъ. Вмѣстѣ съ чтеніемъ явилась у него охота

самому подражать образцамъ, и вотъ ребенокъ составляетъ французскіе стихи то для басни, то для комедіи, то для поэмы.

Такимъ образомъ, дарованія его рано раскрывались подъ вліяніемъ благопріятныхъ условій. Но домашнее ученье его шло довольно плохо. Въ 1811 году мальчика привезли въ Петербургъ и опредѣлили въ лицей, который только что былъ основанъ въ Царскомъ селѣ. Здѣсь талантъ его развивался подъ вліяніемъ того литературнаго направленія, которымъ отличалось лицейское воспитаніе. Съ учениками изучали произведенія лучшихъ писателей, поощряли ихъ къ литературнымъ трудамъ, къ чтенію. Пушкинъ отъ французскихъ стиховъ перешелъ къ русскимъ и быстро сталъ совершенствоваться въ этомъ дѣлѣ, подражая всѣмъ тѣмъ поэтамъ, русскимъ и французскимъ, которые ему особенно нравились. Въ этихъ первыхъ юношескихъ опытахъ поэта мы видимъ вліяніе Карамзина, Державина, Жуковскаго, Батюшкова. Впечатлѣнія отъ окружающей жизни давали ему содержаніе для стихотворенія. Хотя иногда онъ предается юношескимъ мечтаніямъ, но фантазія его почти никогда не отрывается отъ дѣйствительности, чѣмъ особенно отличается и позднѣйшая его поэтическая дѣятельность. Уже съ 1815 года стихи его начинаютъ появляться въ разныхъ журналахъ, впрочемъ, безъ подписи имени, и хотя они не отличаются особенной выработкой, но все же по нимъ никто не могъ бы сказать, что автору не болѣе шестнадцати лѣтъ.

Въ кругу товарищей развился и прямой, открытый характеръ Пушкина, равно какъ его остроуміе и склонность къ насмѣшливости, которая выражается во множествѣ ѣдкихъ эпиграммъ. Но за всѣмъ этимъ учебныя занятія поэта и здѣсь шли весьма неудовлетворительно, такъ что онъ далеко не изъ первыхъ окончилъ курсъ въ 1817 г. Въ это время уже не только его товарищи смотрѣли на него, какъ на поэта по призванію, но и прославленные русскіе поэты признавали въ немъ самородный талантъ. Такъ, Державинъ еще въ 1815 г., прослушавъ на лицейскомъ экзаменѣ его стихотвореніе „Воспитаніе въ Царскомъ селѣ“, отозвался съ большой похвалой о немъ; а Жуковскій, знавшій его еще ребенкомъ, теперь поощрялъ его, называя своимъ ученикомъ и ожидая многаго отъ его таланта. Хотя Пушкинъ и не вынесъ изъ лицея много познаній, зато вынесъ много

пріятныхъ воспоминаній о своей юношеской жизни и много любви къ товарищамъ своего воспитанія. Все это и выразилось въ нѣкоторыхъ его прекрасныхъ произведеніяхъ позднѣйшаго времени.

Пушкинъ опредѣленъ былъ на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, но служба нисколько не привлекла и не занимала его. Онъ раздѣлялъ свое время между свѣтскими удовольствіями и литературными занятіями. Въ то время въ Петербургѣ сложилось нѣсколько литературныхъ кружковъ, которые способствовали образованію молодыхъ талантовъ. Между ними особенно замѣчательнымъ былъ кружокъ, назвавшій себя въ шутку Арзамасскимъ обществомъ, составившійся для противодѣйствія другому литературному обществу, имѣвшему названіе „Бесѣды любителей Россійскаго слова“, члены котораго держались старыхъ теорій, не хотѣли признавать заслугъ ни за Карамзинымъ, ни за Жуковскимъ. Въ противоположность ихъ торжественнымъ и важнымъ собраніямъ, собранія арзамасцевъ, по большей части молодыхъ писателей, отличались шутливостью, непринужденностью, но въ то же время и строгостью литературной критики. Пушкинъ былъ членомъ этого общества и вынесъ изъ него серьезный взглядъ на поэзію въ связи съ дѣйствительною жизнію. Между тѣмъ въ журналахъ печатались его мелкія стихотворенія, которыя нравились и публикѣ, и лучшимъ тогдашнимъ писателямъ, какъ, напр., Карамзину, Жуковскому, Батюшкову; живые поэтическіе образы, изящная форма, легкій и звучный стихъ сдѣлали имя его славнымъ уже въ первый періодъ дѣятельности поэта, когда сильный талантъ его начиналъ только развиваться. Въ то же время у него создавался большой фантастическій разсказъ „Русланъ и Людмила“, планъ котораго онъ обдумывалъ еще въ лицеѣ и который былъ напечатанъ въ 1820 году. Для насъ онъ не что иное, какъ легкая игривая сказка; въ ту же эпоху онъ былъ названъ романтической поэмой, потому что былъ написанъ не по правиламъ классической эпопеи и вводилъ чудесное изъ народнаго фантастическаго міра. Здѣсь Пушкинъ впервые сдѣлалъ заимствованія изъ сказокъ своей старой няни, смѣшавъ ихъ съ собственнымъ вымысломъ и относясь ко всему этому шутя, насмѣшливо въ самыхъ легкихъ и звучныхъ сти-

хахъ. Такая шутливость и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣлое отступленіе отъ прежнихъ правилъ героической поэзіи не понравились тѣмъ писателямъ, которые образовали свой вкусъ по старинным произведеніямъ. Въ новомъ направленіи они видѣли порчу вкуса, униженіе поэзіи и горячо вступились за ея достоинство, напавъ на Пушкина. Зато за него были всѣ лучшіе писатели: Жуковскій, Батюшковъ, Крыловъ, почти вся публика, которая съ восторгомъ читала „Руслана“. Произошелъ литературный споръ о классицизмѣ и романтизмѣ, длившійся нѣсколько лѣтъ; но Пушкинъ не принималъ въ немъ прямого участія, хотя душою и былъ на сторонѣ романтиковъ. Впрочемъ, въ годъ изданія „Руслана и Людмилы“ случилась съ нимъ бѣда, которая имѣла сильное вліяніе на всю его жизнь, а слѣдственно и на литературную его дѣятельность, такъ какъ она всегда была у него въ тѣсной связи съ впечатлѣніями дѣйствительной жизни. Онъ обратилъ на себя вниманіе правительства стихами, въ которыхъ выражались мысли, называемыя въ то время вольнодумствомъ. Стихи ходили по рукамъ въ рукописяхъ, и когда сдѣлалось извѣстнымъ имя ихъ автора, то ему готовилась тяжелая судьба; только заступничество Карамзина и Жуковскаго облегчило ее. Пушкинъ былъ удаленъ изъ Петербурга въ Екатеринославль, причисленный къ канцеляріи Главнаго попечителя колонистовъ южнаго края, генерала Инзова. Съ сожалѣніемъ и даже съ нѣкоторымъ озлобленіемъ покинулъ Пушкинъ Петербургъ, гдѣ у него оставалось много приманокъ. По пріѣздѣ въ Екатеринославль онъ заболѣлъ. Благодаря этой болѣзни онъ получилъ позволеніе отправиться на кавказскія минеральныя воды вмѣстѣ съ генераломъ Раевскимъ, который въ это время проѣзжалъ съ семействомъ черезъ городъ на Кавказъ, и съ сыномъ котораго Пушкинъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ онъ неожиданно попалъ на Кавказъ, откуда вмѣстѣ со своими спутниками переѣхалъ въ Крымъ; но возвращаться въ Екатеринославль ему уже не пришлось: канцелярія Инзова была переведена въ Бессарабію, въ городъ Кишиневъ, куда и прибылъ Пушкинъ въ концѣ 1820 года. Новая природа, новая жизнь, новыя впечатлѣнія оживили поэта, дали новую пищу его фантазіи и направили мысль къ болѣе серьезнымъ думамъ. Все это и выказалось въ его поэти-

ческихъ произведеніяхъ слѣдующаго года. Хотя объ его кишиневской жизни сохранилось много разсказовъ, въ которыхъ мы видимъ пылкую увлекающуюся его природу, видимъ безпрестанныя шалости молодого человѣка, иногда очень остроумныя, видимъ желаніе обратить на себя вниманіе странностью и оригинальностью, но тѣмъ не менѣе въ душѣ его не было пустоты, какую можно было ожидать отъ подобной жизни. Онъ успѣвалъ и много читать, а съ этимъ вмѣстѣ, конечно, и думать, успѣвалъ съ замѣчательной строгостью обрабатывать свои произведенія, выражая въ нихъ впечатлѣнія отъ жизни и природы въ самой изящной формѣ.

Въ это время онъ смотрѣлъ на себя, какъ на изгнанника, недовольнаго и „свѣтомъ, и собой, и жизнью, съ задумчивой душой". Въ это же время онъ опредѣлилъ и свое отношеніе къ прошедшему, что уже высказываетъ зрѣлость ума:

Врагу стѣснительныхъ условій и оковъ
Не трудно было мнѣ отвыкнуть отъ пировъ,
Гдѣ праздный умъ блеститъ, тогда какъ сердце дремлетъ
И правду пылкую приличій хладъ объемлетъ. .
. . . Сѣти разорвавъ, гдѣ бился я въ плѣну,
Для сердца новую вкушаю тишину.
Въ уединеніи мой своенравный геній
Позналъ и тихій трудъ, и жажду размышленій.
Владѣю днемъ моимъ, съ порядкомъ друженъ умъ;
Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ;
Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ
Богини мира, вновь явились Музы мнѣ
И независимымъ досугамъ улыбнулись;
Цѣвницы брошенной уста мои коснулись;
Старинный звукъ меня обрадовалъ; и вновь
Пою мои мечты, природу, и любовь,
И дружбу вѣрную, и милые предметы,
Плѣнявшіе меня въ младенческія лѣты...
Но дружбы нѣтъ со мной: печальный вижу я
Лазурь чужихъ небесъ, полдневные края;
Ничто не замѣнитъ единственнаго друга:
Ни Музы, ни труды, ни радости досуга...

Элегическій тонъ не рѣдко слышется въ его произведеніяхъ за это время: видно, что жизнь вполнѣ не удовле-

творяла его. Два европейскіе поэта въ ту пору особенно привлекали Пушкина и имѣли вліяніе на его поэзію: одинъ, французскій—Андре Шенье, котораго онъ называлъ „пѣвцомъ любви, дубравъ и мира, пѣвцомъ возвышенной мечты“ и который старался усвоить себѣ пластическую форму древнеклассической поэзіи; вліяніе его отразилось на антологическихъ произведеніяхъ Пушкина; другой былъ Байронъ, поэтъ англійскій, отличавшійся мрачнымъ, разочарованнымъ взглядомъ на жизнь цивилизованнаго человѣка, не умѣвшаго себѣ въ теченіе многихъ вѣковъ устроить счастія; недовѣріе къ этой цивилизаціи, недовѣріе къ человѣческой природѣ, горькая насмѣшка надъ жизнію выразилась въ его поэзіи. Этою-то стороною она и привлекла Пушкина, также въ то время недовольнаго жизнью и людьми. Вліяніе Байрона отразилось въ его поэмахъ „Кавказскій плѣнникъ“ и „Бахчисарайскій фонтанъ“, которыя онъ создалъ послѣ своего путешествія по Кавказу и Крыму. Вліяніе это касается изображенія характеровъ, которые и составляютъ слабую сторону его поэмъ. Зато его собственныя впечатлѣнія, изображеніе жизни и природы, какую онъ видѣлъ самъ, уже выказываютъ въ немъ замѣчательнаго художника. Обѣ эти поэмы еще болѣе увеличили славу Пушкина. Изъ Кишинева онъ ненадолго ѣздилъ въ Кіевъ, и плодомъ этой поѣздки была прекрасная „Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ“. Въ это же время онъ написалъ извѣстную оду „Наполеонъ“.

Въ 1823 году Пушкинъ былъ переведенъ на службу въ Одессу. Здѣсь онъ нашелъ еще болѣе развлеченій, которымъ, по своей природѣ, всегда предавался со страстью, что и выразилось въ нѣкоторыхъ его лирическихъ произведеніяхъ того времени. Здѣсь же онъ написалъ первую пѣсню романа „Евгеній Онѣгинъ“.

На слѣдующій годъ ему было приказано отправиться въ родительское помѣстье, сельцо Михайловское Псковской губерніи, и тамъ жить безвыѣздно. Прощаясь съ Одессою, онъ написалъ извѣстное стихотвореніе „Къ морю“, ярко выказавъ въ немъ особенности своего поэтическаго генія. Затѣмъ начинается для него новая жизнь, которой мы обязаны многими лучшими его произведеніями. Вотъ съ какими чувствами явился онъ для этой новой жизни:

. . . . Я еще
Былъ молодъ, но уже судьба
Меня борьбой неравной истомила:
Я былъ ожесточенъ. Въ уныньи часто
Я помышлялъ о юности моей,
Утраченной въ безплодныхъ испытаньяхъ.
О строгости заслуженныхъ упрековъ,
О дружбѣ, заплатившей мнѣ обидой,
За жаръ души довѣрчивой и нѣжной—
И горькія кипѣли въ сердцѣ чувства.

Эта жизнь важна для насъ въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, вдали отъ шумныхъ развлеченій поэтъ получилъ возможность глубже сосредоточиваться въ себѣ и заняться самообразованіемъ; во-вторыхъ, окруженный русскою природою и русской жизнію, принимая отъ нихъ впечатлѣнія, онъ долженъ былъ незамѣтно сдѣлаться поэтомъ народнымъ, по свойству своего таланта отзываться на всѣ явленія дѣйствительной жизни. И въ самомъ дѣлѣ, все это время жизнь Пушкина отличается особенно дѣятельностью духа. Здѣсь онъ кончаетъ произведенія, задуманныя еще прежде, какъ, напр., поэму „Цыганы“, какъ плодъ впечатлѣній отъ его жизни въ Бессарабіи, послѣднее отраженіе поэзіи Байрона. Здѣсь онъ продолжаетъ „Евгенія Онѣгина“, здѣсь задумываетъ и оканчиваетъ нѣсколько новыхъ произведеній, между прочими, „Бориса Годунова“; здѣсь же обдумываетъ планы, которые уже исполняетъ впослѣдствіи; кромѣ того, усердно занимаясь чрезвычайно разнообразнымъ чтеніемъ, останавливается на нѣкоторыхъ капитальныхъ произведеніяхъ и изучаетъ ихъ съ большимъ вниманіемъ, какъ, напр., драмы Шекспира, Тацитову исторію, русскія лѣтописи. Вниманіе его привлекаютъ и русскія народныя сказки, пѣсни, которыя пересказывать вновь заставляетъ онъ свою старую Арину Родіоновну, называя ее „доброю подружкой своей бѣдной юности, дряхлою голубкой“.

Не изъ одного любопытства онъ внимаетъ ея разсказамъ и записываетъ ихъ, нѣтъ, въ нихъ онъ изучаетъ духъ русскаго языка, обороты русской рѣчи. Такимъ образомъ, усиленнымъ трудомъ онъ дѣлается самостоятельнымъ народнымъ поэтомъ-художникомъ; онъ окончательно освобождается отъ вліянія иностранныхъ поэтовъ, и изъ-подъ его пера являются стихотворенія: „Зимній вечеръ“, „Зимняя

дорога", „Пророкъ", „19 октября", „Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ" и др. Въ послѣднемъ опредѣлился и взглядъ его на поэзію, взглядъ, выработанный жизнію и размышленіемъ. Здѣсь разрѣшая вопросъ, не унижаетъ ли себя поэтъ, продавая свои произведенія, Пушкинъ не хочетъ признавать за поэзіей никакой цѣли; поэту нужно не указывать цѣль, а дать свободу; съ нею онъ найдетъ предметъ, достойный поэзіи. Здѣсь Пушкинъ характеризуетъ свою собственную поэзію и себя самого, какъ художника или артиста.

Въ другомъ стихотвореніи Пушкинъ выразилъ такую мысль о поэзіи:

Служенье Музъ не терпитъ суеты,
Прекрасное должно быть величаво.

Въ 1826 году Пушкинъ получилъ позволеніе оставить деревню и жить, гдѣ ему вздумается. Сначала онъ отправился въ Москву, гдѣ пребывалъ тогда дворъ. По своей страстной, кипучей натурѣ онъ опять увлекся шумомъ свѣтской жизни и всѣми ея развлеченіями. До самаго 1831 г. у него нигдѣ не было постояннаго мѣстожительства: Москва, Петербургъ, деревня поперемѣнно видѣли его у себя. Въ 1829 году онъ путешествовалъ по Кавказу и Грузіи, откуда направился въ Арзерумъ, взятый у турокъ русскими войсками. Во все это время въ немъ замѣчаютъ тревожное состояніе духа: онъ все еще не былъ доволенъ ни жизнію, ни людьми, ни собою. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ онъ не нашелъ въ обществѣ многихъ изъ своихъ прежнихъ друзей и знакомыхъ, пострадавшихъ въ политическомъ волненіи 1825 г.; съ иными хотя и встрѣтился, но уже не сошелся въ образѣ мыслей. Въ уединеніи онъ выработалъ свои взгляды, осудилъ многія изъ своихъ прежнихъ увлеченій, убѣдился въ необходимости быть крайне осторожнымъ во всемъ, что касалось общественной жизни; отъ него же ожидали, что ея интересамъ онъ подчинитъ свою поэтическую дѣятельность, а онъ требовалъ для искусства полной свободы. Подтвержденіе своему взгляду онъ находилъ и въ новой нѣмецкой критикѣ, основанія которой стали высказываться и у насъ въ нѣкоторыхъ тогдашнихъ журналахъ: задача искусства состояла въ стремленіи къ самой возвышенной цѣли, независимой отъ требованій современности;

художникъ, какъ служитель изящнаго, не принадлежитъ толпѣ, не раздѣляетъ ея стремленій и не признаетъ ея нуждъ. Пушкинъ выразилъ такое направленіе искусства въ слѣдующихъ стихахъ:

Не для житейскаго волненья,
Ни для корысти, ни для битвъ,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

Согласно съ этимъ взглядомъ Пушкинъ написалъ нѣсколько стихотвореній, художественно обработанныхъ, гдѣ выражается и тревожное состояніе духа поэта среди людей, которые требуютъ отъ него не того, что онъ можетъ дать, и къ чему стремится его душа, таковы: „Чернь“, „Поэту“, „Эхо“. Въ это время Пушкинъ напечаталъ большую часть „Онѣгина“, „Полтаву“, наконецъ „Бориса Годунова“ и много прекраснѣйшихъ мелкихъ стихотвореній; но своею художественною стороною всѣ они оказались выше эстетическаго развитія общества. Очень немногіе могли оцѣнить ихъ; большинство же отнеслось къ нимъ холодно, не понимая ихъ достоинства. Это непониманіе высказали даже люди, спеціально занимавшіеся литературою и искусствомъ, артисты, отозвавшись объ „Евгеніи Онѣгинѣ“ и „Борисѣ Годуновѣ“ съ крайнимъ пренебреженіемъ и даже съ насмѣшкою. Очень естественно, что среди такихъ цѣнителей Пушкинъ долженъ былъ почувствовать себя одинокимъ. Въ немъ даже происходитъ какое-то раздвоеніе: поэтъ по призванію не въ силахъ отказаться отъ поэтической дѣятельности и подавлять въ себѣ тѣ художественные образы, которые возникали въ его фантазіи; онъ въ то же время какъ бы стыдится имени поэта, старается оправдывать свое участіе въ литературѣ самыми корыстными побужденіями и, заботясь о связяхъ съ высшимъ обществомъ, ролью свѣтскаго человѣка хочетъ прикрыть себя, какъ поэта. Не могъ онъ не чувствовать своего страннаго положенія въ то время, когда геній его созрѣлъ, обнаруживаясь въ самыхъ широкихъ замыслахъ, не могъ не чувствовать сердечной тревоги, не зная, для кого онъ будетъ творить, и кто будетъ понимать его.

Но не признавая связи между искусствомъ и временными интересами общественными, Пушкинъ не обратился

и къ безплодной мечтательности, и къ такимъ туманнымъ идеаламъ, у которыхъ нѣтъ ничего общаго съ дѣйствительною жизнію. Въ немъ былъ значительно развитъ практическій смыслъ русскаго человѣка. Онъ не могъ отдѣлиться отъ историческаго и дѣйствительнаго быта родины, и, не давая себѣ никакихъ программъ и спеціальныхъ задачъ, онъ отзывался на разныя явленія русской жизни. Нельзя сказать, что онъ не отвѣчалъ и потребностямъ русскаго общества. Малое эстетическое развитіе общества вызывало потребность большаго его развитія. Пушкинъ понялъ эту задачу и своими художественными произведеніями дѣйствительно послужилъ эстетическому развитію общества, что доказало молодое поколѣніе писателей тридцатыхъ годовъ. Онъ послужилъ высшимъ интересамъ общества, которые понялъ лучше другихъ, связалъ свою дѣятельность съ историческою жизнію народа; отъ этого и значеніе его въ нашей исторіи чрезвычайно важно. Не смотря на разныя требованія, которыя раздавались вокругъ него и которыя всегда волновали, раздражали и сердили его, онъ всегда оставался вѣренъ себѣ, твердо убѣжденный, что идетъ по истинному пути и что трудъ его не безплоденъ: и молодое поколѣніе оцѣнило его. Онъ имѣетъ даже воспитательное значеніе въ жизни этого поколѣнія.

Въ 1830 году Пушкинъ задумалъ жениться и для устройства дѣлъ своихъ передъ свадьбою провелъ осень въ Нижегородской деревнѣ Болдино, которую отецъ его отдалъ ему во владѣніе. Хотя вообще осень изъ всѣхъ временъ года наиболѣе располагала Пушкина къ работѣ, но въ эту осень у него создалось особенно много произведеній: онъ кончилъ „Евгенія Онѣгина“, написалъ повѣсть „Домикъ въ Коломнѣ“, пять повѣстей Бѣлкина, „Лѣтопись села Горохина“, драматическія сцены: „Скупой рыцарь“, „Моцартъ и Сальери“, „Пиръ во время чумы“, „Каменный гость“ и около тридцати мелкихъ стихотвореній. Конечно, не всѣ изъ нихъ тотчасъ же появились въ печати. Вообще, Пушкинъ не любилъ торопиться печатать свои произведенія; нѣкоторыя изъ нихъ лежали у него по нѣсколько лѣтъ. „Борисъ Годуновъ“ до 1831 года извѣстенъ былъ публикѣ лишь въ двухъ-трехъ напечатанныхъ сценахъ, и только въ этомъ году вышла вся драма. Иныя произведенія были на-

печатаны уже послѣ его смерти, хотя и были написаны задолго до нея. Къ мелкимъ стихотвореніямъ этого времени принадлежатъ нѣкоторыя особенно замѣчательныя по своей художественной отдѣлкѣ, какъ, напр., „Безумныхъ лѣтъ“, „Бѣсы“, „Мадонна“ и пр.

Послѣ свадьбы, въ 1831 году, Пушкинъ выбралъ для постояннаго своего мѣстожительства Петербургъ и, не смотря на сильныя заботы объ устройствѣ домашнихъ дѣлъ по имѣнію, чтобы по возможности обезпечить свою будущность, онъ остановился на мысли посвятить свои труды исторіи Петра Великаго. Для собиранія матеріаловъ ему былъ дозволенъ свободный входъ въ государственные архивы. Съ жаромъ предался онъ новой работѣ и, не выпуская изъ виду своей главной цѣли, онъ какъ бы мимоходомъ забиралъ и матеріалы, относящіеся къ другимъ эпохамъ русской исторической жизни. Такъ онъ написалъ исторію Пугачевскаго бунта, которая во время работы развила въ поэтѣ нѣсколько художественныхъ типическихъ личностей. Ихъ онъ тотчасъ же и изобразилъ въ прекрасномъ романѣ „Капитанская дочка“. Для вѣрнаго описанія природы и мѣстности, гдѣ ему приходилось представлять дѣйствіе, онъ нашелъ необходимымъ нарочно ѣхать въ Казанскую и Оренбургскую губерніи, чтобы самому видѣть историческія мѣста. Это доказываетъ, какъ дѣйствительность всегда связывалась съ работою его поэтическаго генія. Въ то же время онъ началъ писать историческую драму „*Русалка*“, которая осталась неоконченною. Но расположеніе къ эпическому труду, отличающемуся спокойнымъ созерцаніемъ жизни, въ эту пору въ немъ особенно начинаетъ преобладать надъ всѣмъ, о чемъ свидѣтельствуютъ его сказки — „Пѣсни западныхъ славянъ“, „Дубровскій“, „Мѣдный всадникъ“, „Пиковая дама“, много мелкихъ произведеній и нѣсколько начатыхъ разсказовъ. Всѣ они написаны въ эту эпоху жизни Пушкина. Фантазія его работаетъ неустанно изумительно много: она переносится отъ старорусскаго міра къ новому времени, отъ средневѣковой западной жизни („Сцены изъ рыцарскихъ временъ“) къ древне-римскому быту („Египетскія ночи“), или въ русскій сказочный міръ, или погружается въ сферу религіозной жизни—и отовсюду выводитъ яркіе, живые образы, отличаю-

щіеся новизной и глубиной задуманной идеи, посреди обстановки, вѣрной исторической дѣйствительности. Зато и сколько наслажденій находитъ въ нихъ читатель, эстетически развитый. Къ немногимъ лирическимъ стихотвореніямъ этого времени относятся: „Клеветникамъ Россіи“, „Бородинская годовщина“, „Эхо“, „Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума“, „Передъ гробницею святой“, „Полководецъ“, „Опять на родинѣ“, „Туча“, „Молитва“, „Памятникъ“.

Въ 1836 году Пушкинъ началъ издавать журналъ „Современникъ“ съ цѣлью развивать въ обществѣ серьезный взглядъ на литературу, и, конечно, лучшимъ украшеніемъ журнала были его собственныя произведенія и критическія замѣтки. Но не смотря на такія работы и на отлучки изъ Петербурга то въ деревню, то въ Москву, куда его призывали собственныя дѣла или собираніе историческихъ матеріаловъ, онъ находилъ еще время поддерживать обширное знакомство и принимать участіе въ свѣтскихъ развлеченіяхъ. Онъ даже прилагалъ особенное стараніе о своемъ видномъ положеніи въ свѣтѣ и велъ обширную переписку съ многими личностями, принадлежащими разнымъ сферамъ общества. Онъ ревностно отъ всѣхъ собираетъ историческія записки, преданія, изустные разсказы, историческіе анекдоты. Все это со временемъ, конечно, послужило бы матеріаломъ или для исторіи, или для поэтическаго разсказа, если бы никѣмъ нежданная смерть вдругъ не пресѣкла его молодой, здоровой и крѣпкой жизни. Онъ сдѣлался жертвою той щекотливости, съ какой относился къ свѣтской жизни. Его горячая натура не могла вынести пущенной въ свѣтъ жалкой сплетни, касавшейся чести его жены. Боязнь стать предметомъ свѣтскихъ нелѣпыхъ толковъ и, можетъ быть, насмѣшекъ, видѣть себя въ ложномъ положеніи среди общества, связями съ которымъ онъ дорожилъ, все это волновало его. Нашлись и такіе, которые намѣренно разжигали его еще болѣе. И слѣдствіемъ всего этого была несчастная дуэль нашего поэта съ сыномъ голландскаго посланника Гекерномъ. Пушкинъ былъ смертельно раненъ и черезъ два дня умеръ, 29 января 1837 года.

Въ поэзіи Пушкина отразилось все то, что было прожито русскимъ образованнымъ обществомъ. Оно считало своимъ основаніемъ преобразованія Петра Великаго, сбли-

звшія Россію съ Европою, считало, что идетъ по пути, имъ указанному, представляло его себѣ въ образѣ идеальнаго героя. Хотя въ литературѣ этого общества еще не было составлено исторіи Петра, но существовало столько преданій, разсказовъ, что на нихъ могла воспитываться фантазія русскаго человѣка и созданный ею образъ Петра обратить въ предметъ обожанія. Пушкинъ такъ же отнесся къ основателю новой и сильной Россіи и художественно разработалъ его образъ въ „*Полтавѣ*“, въ „*Пирѣ Петра перваго*“, въ „*Арапѣ Петра великаго*“, въ „*Мѣдномъ всадникѣ*“, въ стихотвореніи „*Въ надеждѣ славы и добра*“. Онъ такъ благоговѣйно относился къ этому образу, что изъ него создавалъ нравственный идеалъ для царей и считалъ оскорбленіемъ его памяти всякое слово укоризны, что ему представлялось не иначе какъ безуміемъ.

Онъ даже не довольствовался одной художественной работой надъ этимъ образомъ; онъ дошелъ до сознанія, что наконецъ настала пора и для историка—безпристрастно оцѣнить подвиги русскаго героя, очистивъ его отъ всего сказочнаго, чѣмъ въ теченіи столѣтія могла непамѣренно окружить его пристрастная русская фантазія. Поэтъ надѣялся, что и на историческомъ судѣ этотъ образъ не потеряетъ нисколько своего величія. Вотъ почему онъ и взялъ на себя трудъ историка, который къ сожалѣнію ограничился только собираніемъ матеріаловъ.

Русское образованное общество составляла часть дворянства; оно съ Петра непрерывно пополнялось лицами, получившими какое либо образованіе и съ нимъ право на государственную службу, которая давала *чинъ*, а съ чиномъ и дворянскій дипломъ. Въ средѣ высшаго дворянства или придворной знати въ теченіе всего XVIII стол. являлись лица, случайно возвысившіяся и занявшія первыя мѣста. Они начинали новые аристократическіе роды, сильные своимъ жалованнымъ богатствомъ и значеніемъ при дворѣ, но безъ всякихъ преданій о своемъ родѣ. Ихъ появленіе заставило родовитую знать припоминать о своемъ родѣ и ничливо сохранять преданія о немъ, хотя ихъ разсказы имѣли только одинъ семейный интересъ. Конечно, въ этотъ кругъ не входили тѣ молодые баре, которые отъ первыхъ лѣтъ воспитывались на рукахъ иностранцевъ или за пре-

дѣлами своего отечества. Они обращались въ крайнихъ космополитовъ и не дорожили ничѣмъ прошлымъ. Но большинство развивало въ себѣ патріотическія чувства семейными или сословными преданіями, которыя замѣняли ненаписанную еще исторію. Родъ Пушкина принадлежалъ къ древнему боярскому роду и былъ въ связи со многими другими родами. Всѣ ихъ преданія переходили и къ нему въ словесныхъ разсказахъ и въ семейныхъ запискахъ, интересовали его и служили матеріаломъ для его творческой фантазіи. Отдавъ дань своей первой молодости увлеченіемъ новыми идеями, признававшими законность равенства и братства, онъ въ болѣе зрѣлые годы сталъ цѣнить значеніе рода, и благодаря этому сочувствію фантазія его создала живые и вѣрные образы изъ исторической русской жизни, какъ, напр., въ „Арапѣ Петра великаго“, въ „Дубровскомъ“, въ „Капитанской дочкѣ“. Онъ не старался ихъ идеализировать или выставлять ихъ комическія стороны, но при спокойномъ отношеніи къ нимъ создалъ замѣчательные историческіе типы. Въ ихъ созданіи, конечно, важную роль играли сохранившіяся преданія.

Это пристрастіе къ роду, перешедшее къ Пушкину по наслѣдству, вызвало въ „*Борисѣ Годуновѣ*“ предка его Пушкина, также извѣстное стихотвореніе „*Моя родословная*“ или искреннее сожалѣніе въ стихахъ:

Мнѣ жаль, что тѣхъ родовъ боярскихъ
Блѣднѣетъ слѣдъ и меркнетъ духъ,
Мнѣ жаль, что нѣтъ князей Пожарскихъ,
Что о другихъ пропалъ и слухъ.

Но, цѣня древность рода, Пушкинъ не ограничивался однимъ боярскимъ патріотизмомъ: арапъ Ибрагимъ, дѣдъ его матери, является гордостью своего правнука-поэта. Фантазія его съ любовью занимается образомъ арапа, сдѣлавъ его героемъ романа. Поэтъ даже называетъ „*моею*“ родину этого арапа, Африку.

Это чувство связи со своею стариною не допустило Пушкина до крайняго космополитизма, въ который впали многіе, и, съ другой стороны, тѣ новыя европейскія идеи, въ которыхъ онъ воспитывался въ юности и представителемъ которыхъ является *Чацкій*, не позволили ему стать узкимъ патріотомъ, который смѣшиваетъ измѣнчивыя формы жизни

съ національнымъ духомъ, и стремясь навсегда удержать первыя, стѣсняетъ развитіе послѣдняго. Такой патріотизмъ уже послѣ Пушкина названъ *квасным*ъ. Патріотизмъ Пушкина можетъ быть названъ *политическим*ъ въ томъ смыслѣ, какъ Карамзинъ употребилъ это названіе. Онъ основывается не на нравственной связи со всѣмъ народомъ, не на общности интересовъ жизни, а на государственномъ могуществѣ Россіи, развитомъ ея счастливыми войнами и завоеваніями.

Собственно съ народомъ, какъ классомъ необразованнымъ, большая часть тогдашняго образованнаго общества не была связана никакими связями. Не имѣя близкаго съ нимъ соприкосновенія, воспитанные въ городѣ, а большинство даже въ закрытыхъ заведеніяхъ, они не знали народа; другая часть связывалась съ народомъ воспоминаніями о деревнѣ, гдѣ они проводили дѣтство или первую юность, слѣд., дѣтскими воспоминаніями, съ которыми вмѣстѣ съ представленіемъ личностей нянекъ и дворовыхъ людей соединялись разныя деревенскія забавы и увеселенія, не исключая и впечатлѣній отъ русской природы, сельскихъ работъ и, наконецъ, отъ народныхъ пѣсенъ. Всѣ эти впечатлѣнія у многихъ оставались живыми во всю жизнь и вызывали нѣкоторую любовь къ народу, названную также *патріотизмом*ъ. Пушкину была съ дѣтства близка деревня. Впечатлѣній отъ всѣхъ мелочей деревенской жизни у него было довольно: въ особенности же въ его поэзіи высказались впечатлѣнія отъ русской природы, и русской народной сказки и пѣсни, и разныхъ повѣрій. Вотъ что сближало его съ деревенскимъ людомъ и что у него высказывалось съ особенною теплотою какъ въ мелкихъ его стихотвореніяхъ („Бѣсы“, „Зимній вечеръ“, „Зимняя дорога“, „Гусаръ“), такъ и въ романѣ „Евгеній Онѣгинъ“, или въ сказкахъ, или въ драмѣ „Русалка“. Съ изображенія этихъ предметовъ собственно и начинается въ нашей литературѣ художественная разработка русской народной жизни. Къ самому народу поэтъ относился болѣе *исторически*, т. е. представилъ его прошлое, насколько для его времени оно могло имѣть историческое значеніе, какъ въ „Полтавѣ“, „Борисѣ Годуновѣ“, „Капитанской дочкѣ“. Тутъ онъ весьма просто, какъ истинный художникъ, относился къ русскому простому человѣку: не давалъ ему ложной идеализаціи съ намѣреніемъ возвысить его, не выставлялъ

въ немъ на показъ и слабыхъ его сторонъ; онъ умѣлъ схватывать коренныя типическія черты и въ нихъ выражать всѣ человѣческія движенія души. Иногда поэтъ касался и современной ему неестественной обстановки жизни мужика, вносившей зло въ нравственный его міръ, какъ, напр., въ балладѣ „Утопленникъ“.

Русская жизнь, современная поэту, выразилась въ его романѣ *„Евгеній Онѣгинъ“*. Здѣсь представляются два общества, тѣсно связанныя между собою: помѣщичье и свѣтское столичное. Первое начало у насъ развиваться съ указа о вольности дворянства, и первые его типы представлены Фонвизинымъ. Оно выпускало изъ своей среды людей на государственную службу и въ свою очередь принимало къ себѣ удалявшихся со службы какъ въ малыхъ, такъ и въ высокихъ чинахъ. Помѣщичьи семейства безпрестанно имѣли общеніе съ городами и даже столицами, слѣд., въ образованіи, въ смягченіи нравовъ, въ развитіи понятій мало отъ нихъ отставали, развѣ за исключеніемъ разныхъ захолустьевъ, съ которыми нашъ поэтъ не былъ знакомъ. При обиліи праздпаго времени чтеніе романовъ французскихъ, русскихъ и разныхъ переводныхъ доставляло имъ почти единственную умственную пищу. На нихъ и воспитывалась большая часть даровитыхъ личностей, особенно женщинъ. Подготовленные чтеніемъ сентиментальныхъ разсказовъ, они легко увлекались и новыми романтическими идеями или, лучше, героями, питая въ себѣ склонность къ излишней мечтательности, свойственной молодости. Это новое литературное вліяніе производило разладъ между ихъ внутреннимъ міромъ и дѣйствительностью, скованной преданіями старины. Хотя и нравственно очищенныя, эти лица въ своей средѣ являлись исключительными—жертвами своихъ мечтаній и несбыточныхъ надеждъ. Чтобы жить, они должны были или отказаться отъ нихъ, или уйти въ себя и оказаться лишними между другими. Вотъ что производила жизнь въ помѣщичьей сферѣ. Пушкинъ подробно занялся лишь романтическими личностями изъ этой сферы—Татьяной и Ленскимъ; другихъ же изобразилъ въ весьма легкихъ очеркахъ или въ силуэтахъ, но во всѣхъ ихъ намѣчены ясно типическія черты, развитыя русскою жизнью. Самъ Онѣгинъ—представитель другого, свѣтскаго, столичнаго общества. Въ немъ разладъ

съ дѣйствительностью произошелъ не вслѣдствіе романтическихъ мечтаній, до которыхъ свѣтское воспитаніе по устарѣвшему идеалу не допустило его; а вслѣдствіе того, что его даровитая натура утомилась этой праздной свѣтскостью и потребовала болѣе того, что та могла дать ему; а между тѣмъ самъ онъ не былъ приготовленъ къ этому большему и, почувствовавъ всю пустоту своей жизни, увидѣлъ и свое безсиліе. Евгеній Онѣгинъ былъ родоначальникомъ тѣхъ разочарованныхъ несчастливцевъ, которые въ слѣдующемъ поколѣніи у новыхъ поэтовъ стали любимыми типами.

*В. Стоюнинъ.*

---

## Западное вліяніе въ творчествѣ Пушкина.

(Вольтеръ. — Оссіанъ. — Грессе. — Парни. — Сталь, Шатобріанъ, Шенье, Беранже.—„Русланъ и Людмила“.—Политическіе мотивы.—Байронъ.—Экзотическая природа.—Сопоставленіе цивилизованныхъ и первобытныхъ людей.—Свободолюбіе.—Поверхностное примиреніе съ реакціей.—„Искусство для искусства“.—Гёте.—Шекспиръ.—Сила его вліянія на Пушкина.—Вальтеръ-Скоттъ и Бульверъ.—Мольеръ, Моцартъ, Гофманъ, Генслеръ, Вильсонъ и др.—Ассимиляція Пушкинымъ заимствованнаго и самостоятельное творчество.—Созданіе русской поэзіи.—Великій завѣтъ Пушкина грядущимъ поколѣніямъ).

51/82

Въ развитіи таланта Пушкина—очень большая и сложная смѣсь вліяній западной поэзіи и мысли. Ихъ рядъ открывается тѣми кумирами, которымъ онъ научился поклоняться еще въ кружкѣ своего отца, гдѣ эмигранты-роялисты сливались съ офранцуженными барчами. Ребенкомъ онъ подражалъ *Вольтеру* въ своихъ „поэмахъ“ и списывалъ Мольера въ своихъ дѣтскихъ комедіяхъ. Потомъ настала очередь *легковѣсныхъ французскихъ стихотворцевъ* 18-го вѣка, пѣвцовъ чувственности и „галантности“, увлекавшихъ всѣ свободныя лицейскія силы въ безконечное перетпраніе игривыхъ темъ. Даже Вольтеръ въ ту пору казался ему лишь главнокомандующимъ этой арміи шалуновъ-остроумцевъ, и великая освобождающая умы миссія его какъ будто не сознавалась вовсе. Изъ-за раннихъ любимцевъ, однако, понемногу выдвигаются важнѣйшіе дѣятели другихъ литературъ, сначала совсѣмъ невѣдомыхъ Пушкину. Дельвигъ

приноситъ въ дружескія бесѣды знакомство съ нѣмецкой поэзіей. Фантастическіе эффекты Оссіана не миновали и лицейской молодежи. Кюхельбекеръ и Чаадаевъ указали Пушкину на современную *французскую* словесность. Грессе съ братіею, и ихъ запоздалый преемникъ, особый любимецъ Пушкина, креолъ *Парни*, всю свою литературную жизнь отдавшій воспѣванію любви и закончившій ее скабрезной поэмой „La guerre des dieux“, уступаютъ мѣсто блестящимъ эссеямъ г-жи *Сталь*, романамъ *Шатобріана*, элегіямъ *Шенье* или политическимъ пѣснямъ *Беранже*. Въ разгаръ лицейскаго періода составляется, такимъ образомъ, столь разнообразная библіотека образцовъ, иностранныхъ и русскихъ, что самъ Пушкинъ не безъ труда перечисляетъ ихъ и подводитъ итотъ своей начитанности и увлеченіямъ европейскою поэзіею въ автобіографическомъ стихотвореніи *Городокъ*, написанномъ имъ еще по пятнадцатому году,—и столь же цѣнномъ въ этомъ отношеніи, какъ памятная записка юнаго Байрона, обозрѣвшая еще болѣе внушительный запасъ прочитанныхъ имъ въ школьное годы англійскихъ и иностранныхъ поэтовъ, историковъ, философовъ. Нестройное и хаотическое состояніе его творчества, почти не выходящаго изъ подражательности, начинаетъ уступать мѣсто болѣе художественнымъ произведеніямъ. *Русланъ и Людмила* стоитъ на грани новаго періода, внося въ поэзію свѣжій элементъ народной сказочной старины. Намъ понятно сильное впечатлѣніе, произведенное этой поэмой, понятны и негодующіе вопли, раздавшіеся изъ лагеря литературныхъ старовѣровъ. *Русланъ* (подобно виландову *Оберону* или *Сиду* Гердера) былъ дѣйствительно новинкой для русскаго читателя, заинтересовавшей его заброшеннымъ міромъ народности,—но, по ироніи судьбы, эта первая попытка найти русское содержаніе для поэмы была внушена Пушкину не народными сказками, а вольтеровскою „Pucelle“ и шутливымъ эпосомъ Аріоста и его школы, въ такой же прихотливой смѣси соединившимъ повѣсть о волшебныхъ дѣяніяхъ старины съ насмѣшливыми выходками и надъ ними, и надъ легковѣріемъ читателя.

Политическія эпиграммы, призывъ „свободы просвѣщенной“ и судъ надъ рабствомъ въ стихотвореніи „Деревня“, наконецъ „Ода вольность“ (новая варіація на тему радищев-

скаго стихотворенія, близкая къ нему и въ ходѣ мысли, и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, замѣнившая историческую справку о казни Карла I Людовикомъ XVI на эшафотѣ), заклинавшая „свободы гордую пѣвицу"—„открыть поэту благородный слѣдъ *возвышеннаго галла*, кому она сама средь грозныхъ бѣдъ внушала гимны смѣлые", т. е. Андре Шенье, являются признаками иного, еще болѣе важнаго поворота въ настроеніи недавно еще индифферентнаго молодого поэта. *Политическая поэзія* западной Европы уже успѣла завладѣть имъ,— а возлѣ стояли такія обаятельныя личности, соединявшія высокое развитіе со стремленіями общественными, какъ вдохновитель Пушкина въ идеяхъ гражданственности, Чаадаевъ, воспѣтый юношей въ цѣломъ родѣ стихотвореній, и Тургеневы.

Когда, въ первые же мѣсяцы ссылки на югъ, взволнованнаго и возмущеннаго несправедливостью поэта впервые коснулось вліяніе Байрона, почва для усвоенія протестующей поэзіи была уже подготовлена. По свидѣтельству Мицкевича, опиравшагося на признаніе своего друга, Пушкинъ, „прочитавъ байроновскаго *Корсара*, почувствовалъ себя поэтомъ". Начинается (съ элегіи „Погасло дневное свѣтило", 1820) многолѣтній періодъ его байронизма, богатый возбужденіями къ дѣятельности, разнообразіемъ темъ и характеровъ, указавшій поэту великое призваніе народнаго вождя и установившій его связь съ наиболѣе жизненными движеніями современности. Онъ не усвоилъ и не могъ усвоить себѣ всего содержанія байронизма,—ни личный характеръ, ни воспитаніе, ни среда, ни традиціи не развили въ немъ тѣхъ свойствъ, которыя выразились у Байрона въ дѣйствительно пережитомъ имъ титанизмѣ,—хотя въ первые, наиболѣе бурные годы своего невольнаго скитальчества онъ былъ, казалось, уже на пути къ такому усвоенію,—все же многимъ былъ онъ обязанъ въ своемъ литературномъ ростѣ вліянію любимаго поэта. Слѣдомъ за „Восточными поэмами" Байрона впервые ввелъ онъ въ русскую поэзію картины природы и быта странъ экзотическихъ, Кавказа, Крыма, дикой степной Бессарабіи, вмѣстѣ со своимъ образцомъ увлекаясь возможностью *сопоставлять цивилизованную, изломанную и ненормальную жизнь съ привольной жизнью дѣтей природы* и *свѣтскія цѣпи съ свободой, душевнымъ здоровьемъ и нравствен-*

*ной силой первобытныхъ племенъ*, грезившейся Байрону, вѣрному ученику Руссо. Сложное вліяніе *Беппо*, *Донъ-Жуана* и *Чайльдъ-Гарольда* внушило ему замыселъ *Онѣгина*; въ *Бахчисарайскомъ Фонтанѣ* гаремныя сцены живо напоминаютъ *Донъ-Жуана*, а характеръ Гирея—новый оттискъ съ байроновскаго клише Али-паши Янинскаго; *Корсаръ* и *Шильонскій узникъ* отразились въ *Братьяхъ-Разбойникахъ*. Разнороднѣйшіе оттѣнки байроновскаго творчества усвоивались и широко развивались въ поэзіи русскаго послѣдователя,—демоническая романтика, міровая гарольдовская скорбь, смѣлый юморъ „Донъ-Жуана“, лирическія отступленія въ поэмахъ, свободно обращенная къ читателю личная исповѣдь. На смѣну лицейскаго восхваленія счастливой лѣности и наслажденія жизнью, воспѣванія крѣпостныхъ актрисъ и царскосельскихъ мѣщанокъ подъ вычурными именами разныхъ Доридъ и Лилетъ является горячее изображеніе страстей и увлеченій, и рядъ изящно написанныхъ женскихъ головокъ, подстать къ байроновскимъ героинямъ; эпикурейца, жуира и blagueur'а смѣнила страдающая и сумрачная тѣнь непризнаннаго и разочарованнаго избранника,—сначала очень блѣдная въ *Кавказскомъ Плѣнникѣ*, потомъ оживающая въ Алеко, надѣленная кипучими страстями, презрѣніемъ къ людскимъ предразсудкамъ, стремленіемъ къ свободной жизни, къ опрощенію, и осужденная влачить за собой роковое наслѣдіе стараго соціальнаго строя.

Шире прежняго развился въ поэтѣ и живой интересъ къ современнымъ народнымъ движеніямъ; его новая политическая лирика оставила за собой неопытную еще реторику „Оды вольность“, и въ „Кинжалѣ“ (написанномъ подъ впечатлѣніемъ убійства Коцебу Карломъ Зандомъ, и связывающемъ съ нимъ память объ убійствѣ Марата), отразилось охватившее всю Европу народное броженіе; достойное Байрона сочувствіе къ угнетеннымъ прозвучало въ стихотвореніи „Возстань, о Греція, возстань“, въ горячемъ участіи, выказанномъ Пушкинымъ къ успѣху греческаго возстанія, затѣяннаго въ Молдавіи Александромъ Ипсиланти, въ симпатіи къ неаполитанскимъ инсургентамъ (стихотворное письмо къ В. Давыдову, возглашающее здоровье *тѣхъ* (итальянскихъ либераловъ) и *той* (свободы),—въ различныхъ планахъ произведеній на политическія темы вродѣ драмы и поэмы *Вадимъ*,

со старымъ, еще княжнинскимъ, сюжетомъ, но съ новыми дифирамбами новгородской вольности. Русская дѣйствительность была имъ глубже понята теперь, ближе принята къ сердцу, чѣмъ въ прежніе годы, когда все оцѣнивалось съ точки зрѣнія хлесткой эпиграммы. Прежніе друзья Пушкина, изъ партіи дѣйствія, помнили его петербургскимъ блестящимъ и непостояннымъ остроумцемъ, мѣткимъ политическимъ застрѣльщикомъ и потому не рѣшались открыться ему вполнѣ; инымъ человѣкомъ становится онъ на югѣ,—и горько сѣтовалъ на это недовѣріе. Но они не ошиблись. Его необыкновенно даровитая натура не пригодна была для продолжительнаго дѣйствія въ общественномъ смыслѣ; только на этой почвѣ могло потомъ состояться примиреніе съ николаевскимъ режимомъ „въ надеждѣ славы и добра“, преобразованій и улучшеній, которыя должны смѣнить собою пору террора,—примиреніе, обреченное на разочарованіе, укоры себѣ, раздвоеніе, наконецъ приведшее къ осужденію порядка вещей, „въ которомъ общественнаго мнѣнія не существуетъ, гдѣ всѣ равнодушны къ понятіямъ о долгѣ, справедливости, правдѣ, гдѣ цинически презираютъ мысль и человѣческое достоинство“ [1]). Самъ поэтъ произнесъ съ обычной своей откровенностью суровый приговоръ и своимъ сверстникамъ, оставшимся на этомъ берегу, и себѣ:

Но праведникъ изнеможденный,
Въ цѣпяхъ, на казни осужденный,
Съ лампадой, брежжущей во тьмѣ,
. . . . . .не склонитъ
На свитокъ вашъ очей своихъ,
И на стѣнѣ вашъ вольный стихъ
. . . . . .не начертитъ
Грядущимъ узникамъ въ привѣтъ...

Но изъ этого грустнаго признанія въ отсутствіи стойкости, изъ сравненія себя съ сѣятелемъ, вышедшимъ на посѣвъ слишкомъ рано, „до звѣзды“, и охладѣвшимъ къ безплодной работѣ, вовсе не вытекаетъ общепринятый взглядъ на раннее охлажденіе Пушкина къ любимѣйшему поэту его молодости, послѣ Шенье лучшему его наставнику въ свободолюбіи. Если съ виду довольно скоро, черезъ пять лѣтъ, волна байронизма смѣнилась другою, катив-

[1]) Письмо къ Чаадаеву, 19 окт. 1836 г.

шеюся плавно и спокойно, и подъ соединеннымъ вліяніемъ великихъ западныхъ образцовъ развилось самостоятельное творчество, то сочувствіе Байрону сохранилось навсегда, пережившъ примиреніе съ новымъ порядкомъ вещей, побѣду объективности, національное направленіе. Въ стихотвореніи *Андрей Шенье* (1825 г.) Байрону отведено мѣсто на ряду съ Дантомъ,—и самое это стихотвореніе, славящее мученичество непонятаго и оклеветаннаго поэта-гражданина, стоитъ на уровнѣ байроновскаго взгляда на поэзію; въ отказѣ Пушкина исполнить совѣтъ Вяземскаго и прославить смерть Байрона въ „Пятой пѣснѣ Чайльдъ-Гарольда“ (онъ видимо сбирался почтить его память обширнымъ стихотвореніемъ,—„цѣлую панихиду затѣялъ“, по его выраженію, но цензурныя неудобства остановили его,—„а про себя писать скучно“), чувствуется благоговѣніе передъ Байрономъ и трепетъ при мысли явиться продолжателемъ его поэмы. Статья о передѣлкѣ Олинымъ „Корсара“, 1827 г., называетъ поэзію Байрона „очаровательно-глубокою“, удивляется въ „Донъ-Жуанѣ“ „шекспировскому разнообразію“. Разборъ „Θракійскихъ элегій“ Теплякова, повторившихъ мотивы „Чайльдъ-Гарольда“, характеризуетъ подобный пріемъ „стремленіемъ пойти по слѣдамъ *генія*“. Перешедшее въ глубь новаго періода продолженіе *Онѣгина* сохранило байроническій отпечатокъ если не въ изображеніи главнаго характера, то въ тонѣ и складѣ повѣствованія,—„шутливая пародія“ на манію байронизма оставила неприкосновенною (по выраженію самого поэта) „великую и священную память“. „Полтава“ задумана была въ параллель съ „Мазепой“ (тогда какъ романическое освѣщеніе характера стараго гетмана напоминаетъ Марино Фальеро), „Нулинъ“—съ „Беппо“. Въ 1830 году въ посланіи „Къ вельможѣ“ лира Байрона, въ противоположность старымъ литературнымъ знаменитостямъ, все еще называется „новой, *чудной* лирой“; въ біографической статьѣ объ англійскомъ поэтѣ, написанной для „Современника“, Байронъ снова названъ *великимъ* поэтомъ. Созвучіе настроеній и мыслей съ Байрономъ никогда не покидало пушкинской лирики. Общественно-политическое содержаніе ея отклонилось отъ юношеской солидарности съ поэзіей протеста, но множество мотивовъ осталось общимъ съ творчествомъ „властителя

думъ",—сходились они и въ глубокой скорби своихъ элегій („Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье" сродно съ однимъ изъ лучшихъ мѣсть IV гл. „Чайльдъ-Гарольда"), и въ поэзіи природы. Съ другой стороны, ростъ „Донъ-Жуана", съ которымъ Пушкинъ знакомился послѣдовательно, глава за главой, наполнялъ его удивленіемъ передъ небывалой силой міровой сатиры.

Это ничѣмъ не охлажденное сочувствіе, полное возбужденій къ самостоятельной работѣ, вполнѣ совпадаетъ съ видимымъ поворотомъ къ художественному творчеству, идетъ рядомъ съ разработкой историческаго романа и трагедіи, съ изученіемъ народности и старины. Оно—новый матеріалъ для оцѣнки внутренняго разлада, который скрывался подъ измѣнившейся и, казалось, уравновѣшенной внѣшностью. „Говорятъ, что царь проститъ меня за трагедію,—писалъ Пушкинъ князю Вяземскому по поводу *Бориса Годунова*.—Наврядъ, мой милый; хоть она и въ хорошемъ духѣ написана, *да никакъ не могъ упрятать всѣхъ моихъ ушей подъ колпакъ юродиваго. Торчатъ!*"

И не одному лишь Байрону выпало на долю сохранить для него свѣтлое вліяніе юношескихъ идейныхъ впечатлѣній. Еще въ Одессѣ, гдѣ онъ сошелся съ „глухимъ англійскимъ атеистомъ", докторомъ Гэтчесономъ, и участвовалъ въ философскихъ и литературныхъ бесѣдахъ его дружескаго кружка, Пушкинъ впервые познакомился съ поэзіей Шелли и, конечно, въ ту пору не могъ не увлечься роскошными видѣніями молодого мечтателя, уносившагося на крыльяхъ грезы за предѣлы народовъ, религій, цивилизацій, въ царство свободы, братства и разума. Возвратовъ къ прошлому среди объективнаго успокоенія было не мало. Въ нихъ, какъ и во внезапныхъ вспышкахъ гуманнаго сочувствія къ гонимымъ подвижникамъ, въ заступничествѣ и тоскѣ о погибшемъ поколѣніи декабристовъ („Аріонъ", „Посланіе въ Сибирь" и др.), попыткахъ защитить и отстоять насущныя преобразованія, раскрывается немолчная работа ума выдающагося, заслуживавшаго иной участи, стиснутаго гнетомъ судьбы, но не сдававшагося ей [1]). Если, прощаясь

[1]) Смирнова передаетъ, будто однажды въ разговорѣ съ Николаемъ Павловичемъ поэтъ откровенно сказалъ, что ненавидитъ крѣпостное право.

съ порою своихъ увлеченій, Пушкинъ сложилъ стихотвореніе на смерть Наполеона, „свой послѣдній либеральный бредъ“, старался „закаяться“, видѣлъ въ себѣ неудачнаго сѣятеля свободы,—то когда на исходѣ жизни онъ захотѣлъ подвести итогъ своей дѣятельности въ „Памятникѣ“, онъ въ первой редакціи его поставилъ себѣ это сѣяніе свободы въ заслугу и назвалъ себя прямымъ потомкомъ Радищева:

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства новыя для пѣсней я обрѣлъ,
Что вслѣдъ Радищева (варіантъ: что въ мой
жестокій вѣкъ) возславилъ я свободу...

Эти возвраты къ прошлому среди упрочивавшагося повидимому съ каждымъ годомъ примиренія съ новымъ порядкомъ вещей необыкновенно характеристичны. Тщетно звалъ къ себѣ поэтъ и теперь, какъ еще въ эпиграфѣ къ „Кавказскому плѣннику“, свою молодость, умоляя ее вернуться,—и нашелъ исходъ недовольству собой и невольному отреченію отъ злобы дня въ гармонически спокойномъ, объективномъ, художественномъ творчествѣ; мысль устремилась къ народной старинѣ, къ жизни старой Европы, къ дальнему югу, за тридевять земель, лишь бы не касаться того, что происходило вокругъ. Въ свѣтлой области красоты не нужно было насиловать творческой свободы... Но необходимо было успокоить возникавшія въ душѣ сомнѣнія и найти оправданіе для служенія чистому искусству. Въ этомъ переходномъ состояніи снова пригодилось вліяніе западное. Кружокъ молодыхъ поклонниковъ новой нѣмецкой философіи и классической гётевской поэзіи только что основалъ тогда свой органъ „Московскій Вѣстникъ“. Поставивъ свое изданіе подъ покровительство великаго нѣмецкаго поэта, который прислалъ имъ даже сочувственное письмо, они подъ предводительствомъ Веневитинова развивали и пространно мотивировали теорію *искусства для искусства*, видѣли идеалъ поэта въ олимпійцѣ-Гёте („Телеграфъ“, наоборотъ, рѣшительно становился на сторону Шиллера), вызывали Пушкина вступить на то же славное поприще и одарить русскій народъ величавымъ, истинно художественнымъ творчествомъ,—и вѣрили, что ветеранъ нѣмецкой поэзіи, „плѣненный“ Пушкинымъ, „послѣднимъ жаромъ вдохновленный“,

Къ небу, съ пѣснію прощанья,
Стремя торжественный полетъ,
Въ восторгѣ дивнаго мечтанья
Тебя, о Пушкинъ, назоветъ.

Эстетико-философское оправданіе происходившаго въ немъ поворота пришло во-время на помощь томимому одиночествомъ поэту, среди охлажденія отпрянувшаго отъ него молодого поколѣнія и недовѣрчивости правящихъ классовъ. Покинутый „Телеграфомъ“, онъ сблизился съ кружкомъ Веневитинова, сходился съ нимъ въ чествованіи Гёте, отзывался о немъ благоговѣйно, ставилъ его чуть не во главѣ литературы, но не пошелъ далѣе отрывочнаго опыта разработки гётевской темы въ „Сценѣ изъ *Фауста*“, остановившагося лишь на мотивѣ хандры и пустоты жизни. Онъ отдавалъ въ „Московскій Вѣстникъ“ свои произведенія, и, часто затрогивая вопросъ о роли поэта по отношенію къ *черни*, перелагалъ въ стихотворной формѣ усвоенную имъ теорію. Но молодые друзья его—гётеанцы ошибались, возводя (какъ чудилось имъ) въ духѣ ихъ великаго образца въ идеалъ безстрастное священнодѣйствіе, отрѣшенное отъ всякой суеты земной, тогда какъ въ своемъ поэтическомъ завѣщаніи, второй части *Фауста*, поэтъ указалъ на самоотверженное служеніе народному благу, какъ на конечную цѣль и гармоническое разрѣшеніе всякихъ личныхъ стремленій. Связи съ народомъ, крѣпчавшія годъ отъ году, охранили и Пушкина отъ крайняго примѣненія доктрины; факты его собственной дѣятельности опровергли повторяемое имъ ученіе; *чернью*, раздражавшею его, доводившею до отчаянія, была не безвѣстная народная масса, которая лишь въ наши дни узнаетъ наконецъ его произведенія, не крестьянство, чей языкъ, бытъ, нравы, поэзію онъ съ возраставшимъ интересомъ изучалъ, чье безправное положеніе съ потрясающимъ юморомъ, словно предвѣщая салтыковскую сатиру, онъ изобразилъ въ „Исторіи села Горохина“, но та полуграмотная, самодовольная и въ то же время раболѣпная столичная чиновная и дворянская челядь, вдохновляемая Гречемъ и Булгаринымъ, которая ненавидѣла поэта и отравляла его жизнь.

Съ интересомъ къ Гёте у Пушкина въ эти годы совпалъ интересъ къ *Шекспиру*. Обоими онъ усиленно сталъ зани-

маться еще въ Одессѣ, признаваясь, между прочимъ, что хоть иногда и заглядываетъ въ библію, но что „предпочитаетъ ей Гёте и Шекспира“. Вліяніе англійскаго трагика было послѣднимъ сильнымъ внѣшнимъ импульсомъ; однако, на знакомство его съ шекспировскимъ творчествомъ во всемъ его объемѣ ничто не указываетъ, и „Гамлетъ“, повидимому, не захватилъ его вовсе. Пушкинъ заимствовалъ у Шекспира въ особенности новую въ нашей литературѣ форму драматическихъ хроникъ, свободное отношеніе къ единству времени и мѣста, „вольное и широкое изображеніе характеровъ“, „необыкновенное составленіе типовъ и простоту“, сочетаніе крупныхъ историческихъ личностей съ широко задуманными народными сценами. По его же словамъ, источниками для „Бориса Годунова“ были „Шекспиръ, Карамзинъ и наши старыя лѣтописи“ [1]). На первомъ мѣстѣ, конечно, слѣдуетъ поставить вліяніе *Генриха IV*. Въ характеръ Бориса поэтъ вложилъ сходныя черты съ Генрихомъ, въ особенности страстную заботу объ упроченіи въ своемъ потомствѣ власти, добытой преступнымъ путемъ; въ предсмертной бесѣдѣ Бориса онъ чрезвычайно близко повторилъ увѣщанія шекспировскаго героя своему сыну; въ той же трагедіи есть слѣды вліянія *Ричарда III* и *Генриха V*.

Изученіе Шекспира замѣтно, кромѣ того, въ большей или меньшей степени, и въ другихъ драматическихъ произведеніяхъ и поэмахъ Пушкина. Если еще въ 1825 году замыселъ *Графа Нулина* явился у него изъ шаловливаго желанія пародировать шекспировскую поэму „Лукреція“, то въ послѣдній періодъ *Анджело* былъ свободнымъ пересказомъ трагикомедіи „Мѣра за мѣру“; на циклѣ психологически глубокихъ одноактныхъ драмъ сказалось общее вліяніе міровыхъ трагедій Шекспира,—а найденные въ рукописяхъ очерки характеровъ Шэйлока, Анджело и Фальстафа, и разборъ „Ромео и Юліи“ показываютъ, какъ вѣрно понималъ онъ Шекспира; къ чтенію его онъ то и дѣло возвращался, испытывая такое же наслажденіе, какое выносилъ, когда перечитывалъ Данта, неразлучнаго съ нимъ

---

[1]) Къ нимъ можно, однако, прибавить „Athalie“ Расина, вліяніе которой на пушкинскую трагедію доказано Ѳ. Д. Батюшковымъ, „Пушкинъ и Расинъ“. СПб. 1900.

даже въ военной обстановкѣ „путешествія въ Эрзерумъ“, и вызвавшаго у него прекрасныя переложенія и подражанія.

А за звѣздами первой величины виднѣется множество привлекшихъ поэта разнородныхъ европейскихъ писателей. Увлеченіе *Вальтеръ-Скоттомъ*, совпавшее вначалѣ съ разливомъ байронизма, но пережившее его [1]), поддержало Пушкина въ художественномъ изученіи русской старины. Онъ вступилъ въ ряды послѣдователей „шотландскаго чародѣя“, надъ рвеніемъ которыхъ онъ такъ остроумно посмѣялся, видя, какъ, „подобно ученику Агриппы, они, вызвавъ демона старины, не умѣли имъ управлять и сдѣлались жертвой своей дерзости,“—но въ рукахъ поэта былъ, должно быть, чудесный талисманъ; строптивый духъ раскрылъ передъ нимъ тайны былого, и начало русской *исторической* повѣсти было положено. Но и бытовой романъ, какъ завершеніе разрозненныхъ повѣствовательныхъ попытокъ, повѣстей Бѣлкина и т. д., долженъ былъ выработаться по широкому плану, возникшему, въ силу нѣсколько прихотливаго выбора поэта, подъ вліяніемъ большого романа *Бульвера* „Pelham or adventures of a gentleman“; задуманный собственно въ видахъ противодѣйствія крайностямъ свѣтскаго байронофильства въ Англіи, романъ Бульвера привлекъ Пушкина рѣзкимъ разоблаченіемъ ничтожества и порочности господствующаго общественнаго слоя. Планъ пушкинскаго романа, которому предстояло выполнить такую же миссію въ русской средѣ, нѣсколько разъ передѣлывавшійся, имѣлъ цѣлью охватить жизнь русскаго общества за нѣсколько поколѣній, вывести рядъ подлинныхъ личностей (въ томъ числѣ Грибоѣдова, Всеволожскаго, Завадовскаго, Орлова и т. д.); „Русскій Пеламъ“ (въ одной изъ редакцій плана—Пелымовъ), отъ котораго уцѣлѣло лишь нѣсколько страницъ, показалъ бы, какъ чужеземный примѣръ могъ навести на мысль о русскомъ соціальномъ романѣ-хроникѣ, предвѣстникѣ „Войны и мира“. *Мольеръ* и *Моцартъ* вдохновили поэта къ обработкѣ легенды о *Донъ-Жуанѣ*; она манила его къ себѣ за много лѣтъ до созданія *Каменнаго гостя*, но окончательно осмыслилась подъ вліяніемъ оригинальнаго толкованія ея въ извѣстномъ фантастическомъ

[1]) Въ „Капитанскую дочку“ введенъ эпизодъ изъ „Робъ-Роя“.

этюдѣ Гофмана, гуманно объяснившаго ее неустаннымъ и безплоднымъ исканіемъ истиннаго счастья и идеальной женщины. Фантастическіе разсказы Гофмана оставили свою печать на *Пиковой дамѣ*, какъ на *Портретѣ* Гоголя и таинственныхъ „Русскихъ ночахъ“ Одоевскаго. Любимая когда-то русской публикой въ передѣлкѣ для нашей сцены „Дунайская Русалка“ (Donauweibchen) Генслера оставила замѣтный слѣдъ на замыслѣ и частностяхъ пушкинской „Русалки“. Въ рамку драматической поэмы Вильсона „Зачумленный городъ“ [1]) Пушкинъ ввелъ двѣ прекрасныя пѣсни. Альфьери, Шенье, Вольтеръ, Оссіанъ, Саути, Вордсвортъ [2]), Барри Корнуоллъ, Бэньянъ (переложеніе отрывка изъ Pilgrim's Progress) и мн. друг. нашли въ Пушкинѣ мастерскаго переводчика [3]). Иногда онъ любилъ наряжать свои произведенія въ иноземный нарядъ, назвавъ, напр., одно изъ личныхъ своихъ признаній охранительнаго характера, полное равнодушія къ политическимъ формамъ, какъ бы свободны онѣ ни были, переводомъ изъ оппозиціоннаго итальянскаго поэта Пиндемонте, или изобрѣтая несуществовавшаго англійскаго драматурга Шепстона, для того, чтобы приписать ему своего *Скупого рыцаря* (еще Галаховъ указалъ на то, что въ сюжетъ этой пьесы введенъ одинъ эпизодъ изъ „Пертской красавицы“ В. Скотта,— очевидно, впрочемъ, вліяніе на ту же пьесу ярко набросаннаго Байрономъ въ „Донъ-Жуанѣ“, пѣснь XII, образа всемогущаго скупого богача, царственнаго въ своихъ подвалахъ) [4]).

---

[1]) Собственно, лишь небольшого отрывка изъ нея (Пиръ во время чумы), который, возбудивъ въ читателѣ повышенное настроеніе, обрываетъ нить на одномъ изъ загадочныхъ моментовъ сюжета. Поэма Вильсона, одного изъ приверженцевъ „Озерной школы“, выдержавшаго немалую полемику съ Байрономъ, явилась въ 1816 г. (The City of the Plague and other poems).

[2]) Подъ вліяніемъ его стихотворенія написано, напр., „Я помню чудное мгновенье“.

[3]) Въ склонности къ переводамъ поэтическихъ произведеній съ различныхъ языковъ могъ служить ему примѣромъ Байронъ, любившій называть себя „гражданиномъ вселенной“ и оставившій много переводовъ изъ всевозможныхъ литературъ, даже португальской, армянской, новогреческой.

[4]) А. А. Чебышевъ, „Замѣтка о Скупомъ рыцарѣ“, въ сборн. „Памяти Л. Н. Майкова“, 1902, проводитъ параллель между пьесой Пушкина и драмой Генри Мильмана „Fazio“.

И свою поэзію и дѣятельность другихъ русскихъ писателей Пушкинъ любилъ вводить въ общеевропейскія рамки: замолвивъ въ первый разъ въ печати о Гоголѣ, онъ не могъ не вспомнить о Мольерѣ и Фильдингѣ, свои попытки создать русскій сонетъ ставилъ въ связь съ исторіей сонета, вспоминая Шекспира, Камоэнса, Петрарку, Данта („суровый Дантъ не презиралъ сонета“). Космополитизмъ его литературныхъ вкусовъ развивался съ годами все шире и достигъ полнаго развитія къ времени основанія *Современника*. Съ большимъ интересомъ слѣдилъ онъ за успѣхами новой французской поэзіи, привѣтствовалъ сильное дарованіе въ Альфредѣ де-Мюссе, съ особымъ удовольствіемъ печаталъ „Хронику русскаго въ Парижѣ“ Александра Тургенева, самъ готовился обозрѣвать всѣ новости западныя и горячо возсталъ противъ мнѣнія академика Лобанова о вредѣ изученія европейскихъ литературъ. Наконецъ, интересъ къ славянской и въ особенности русской народной поэзіи привелъ его къ переводу юго-славянскихъ пѣсенъ, оказавшихся потомъ искусной мистификаціей Проспера Мериме (сборникъ „La Guzla“), но доставившихъ Пушкину истинное удовольствіе.

Такъ въ важнѣйшихъ и мелкихъ вопросахъ, въ школьные годы и въ пору наибольшей славы, поэтъ находилъ *вѣрную опору въ европейской мысли и творчествѣ*. Оно указало ему достойныя его *цѣли*, пробудило и поддержало *серьезный взглядъ* на назначеніе поэзіи,—и тогда, когда онъ видѣлъ его въ служеніи народному благу, и въ ту пору, когда выше всего поставилъ развитіе въ ней художественныхъ красотъ. Онъ вступилъ на путь *народности*, поддержанный итальянскими воспоминаніями, Шекспиромъ, Скоттомъ и новыми французскими поэтами. Онъ создалъ *новую драму*, вытѣснившую классическій стиль трагедіи, при помощи великаго англійскаго трагика; ввелъ въ свои поэмы *непосредственную русскую дѣйствительность*, освѣщенную то юморомъ, то сатирическимъ негодованіемъ, опираясь на Байрона; руководимый блестящимъ примѣромъ его *поэтическаго изображенія природы*, привилъ родной поэзіи это выдающееся украшеніе; въ своей лирикѣ, безконечно измѣнчивой, отъ беззаботной шутливости къ тяжелому унынію, отъ вольнолюбивой политической оды къ гимну красотѣ,

выработалъ себѣ *свободу творчества*, руководясь обширнымъ знаніемъ лирической поэзіи всѣхъ временъ и народовъ. Чужеземное было переработано и вполнѣ ассимилировано, согрѣто и сплочено сильнымъ дарованіемъ; съ „подражаніемъ“ соединилась вторая двигательная сила (по терминологіи Тарда—„изобрѣтеніе“)—самостоятельное творчество, и на этомъ сложномъ пьедесталѣ воздвигалась русская поэзія, впервые достойная этого имени.

Пѣвецъ Петра Великаго и защитникъ его просвѣтительной реформы, строгій съ виду, но, несмотря на это, все же сочувственный критикъ Радищева, пристыдившій еще въ молодые годы Бестужева тѣмъ, что онъ въ обзорѣ литературы позволилъ себѣ пропустить имя автора „Путешествія“ („если о Радищевѣ мы забудемъ, такъ о комъ же намъ помнить?“ восклицалъ онъ), слѣдившій съ гётевской отзывчивостью за всѣми умственными движеніями въ Европѣ, находя, что „на поприщѣ ума нельзя намъ отступать“, Пушкинъ передалъ это коренное свое убѣжденіе всей своей школѣ. Его усвоили и сверстники, одновременно съ нимъ вступившіе въ ряды литературы, и тѣ младшіе ученики, совсѣмъ „молодое, незнакомое племя“, выросшее вокругъ него въ послѣдніе годы, не испытавъ разочарованія, которое отдалило его предшественниковъ, молодежь 1825—26 года, отъ Пушкина послѣ примиренія его со старымъ порядкомъ, и сгруппировавшееся вокругъ „Современника“ съ такою же симпатіей и такимъ же довѣріемъ, какое влекло ихъ преемниковъ къ Бѣлинскому. Баратынскій и Веневитиновъ, Вяземскій, В. Одоевскій и Козловъ, Дельвигъ и Полежаевъ, мелкія величины въ родѣ Туманскаго или байрониста Теплякова,—всѣ, кто уцѣлѣлъ отъ разгрома, снесшаго съ лица русской земли даровитое, идейное и мужественное поколѣніе декабристовъ, съ объединяющимъ ихъ единодушіемъ хранили лозунгъ уваженія къ европейской культурѣ.

*Алексѣй Веселовскій.*

## Художественное значеніе литературной дѣятельности Пушкина и національность его поэзіи.

Мѣсто Пушкина во всемірно-историческомъ развитіи человѣчества.—Пушкинъ—начало русской литературы.—Онъ вездѣ и во всемъ національный русскій поэтъ.—Задушевность, сердечность, мягкость и влажность его грусти.—Отсутствіе односторонности въ его поэзіи.—Естественность фантастическаго.—Превосходство поэзіи Пушкина надъ родственной ему поэзіей Батюшкова.—Все, что прежніе поэты имѣли каждый порознь, Пушкинъ имѣлъ одинъ.—Онъ—первый русскій поэтъ-художникъ.—Его стихъ—скульптура, живопись и музыка вмѣстѣ.—Поэзія его полна содержаніемъ.—Художественная добросовѣстность.—Строгая художественность формы.—Опредѣленность.—Изъ русскаго языка Пушкинъ сдѣлалъ чудо.—Многообъемлемость и многосторонность поэзіи Пушкина.—Національность его не только въ грусти, находящей себѣ мощный выходъ въ ощущеніи собственной силы,—но и во внѣшнемъ спокойствіи, при внутренней движимости.—Пушкинъ убилъ французскій псевдо-классицизмъ).

*Только съ Пушкина начинается русская литература*, ибо въ его поэзіи бьется пульсъ русской жизни. Это уже не знакомство Россіи съ Европой, но Европы съ Россіей.

Для насъ величайшее созданіе Пушкина—его „Каменный гость“. Но какое содержаніе этого произведенія? Оно родилось въ Испаніи и взлелѣяно ею; его воспроизводилъ великій Моцартъ въ музыкѣ, великій Байронъ въ поэзіи. Русскій поэтъ воспроизвелъ его чуть-ли еще не полнѣе и не глубже Байрона: но его великое созданіе—какое оно?—*европейское*.

„Бахчисарайскій фонтанъ“, „Цыгане“, „Скупой рыцарь“, „Моцартъ и Сальери“, „Египетскія ночи“ и проч.: все это созданія великія, міровыя и чисто-европейскія; но какому *народу*, какому *вѣку* принадлежатъ они?—*Человѣчеству и вѣчности!..*

Что такое Байронъ и Шиллеръ? Первый выразилъ собою *переходъ* отъ одного вѣка къ другому, другой былъ *провозвѣстникомъ* новаго вѣка. Тотъ и другой занимаютъ *извѣстное и опредѣленное мѣсто во всемірно-историческомъ развитіи человѣчества*, и ни тотъ, ни другой не могъ бы явиться въ другое время, а если-бъ и явился, то его поэзія носила-бы на себѣ другой характеръ, выразила-бы другую мысль, другое содержаніе.

Оба они стоятъ на порогѣ, раздѣляющемъ XVIII вѣкъ отъ XIX-го, и для обоихъ нѣтъ другого мѣста, другого момента времени. Поэзія того и другого — страница изъ исторіи человѣчества; *вырвите ее—и цѣлость исторіи исчезла*: останется пробѣлъ, ничѣмъ незамѣнимый.

*Гдѣ-же мѣсто Пушкина?* Какую страницу исторіи заняла его поэзія?... Не менѣе Байрона и Шиллера великій, *онъ, тѣмъ не менѣе, могъ не быть, какъ и былъ,—и въ исторіи человѣчества отъ этого не сдѣлалось-бы ни малѣйшаго пробѣла.*

Но Пушкинъ былъ въ то же время и поэтъ русскій по преимуществу, однакожъ не въ „Полтавѣ“ и не въ „Борисѣ Годуновѣ“, въ которыхъ сама исторія дала ему готовое содержаніе и готовое міросозерцаніе, а въ „Евгеніи Онѣгинѣ“. Здѣсь онъ исчерпалъ до дна современную русскую жизнь, но—Боже мой!—какое это грустное произведеніе!.. Весь этотъ романъ—поэма несбывающихся надеждъ, недостигающихъ стремленій,—и будь въ ней то, что̀ люди, не понимающіе дѣла, называютъ планомъ, полнотой и оконченностью,—она не была-бы великимъ созданіемъ великаго поэта, и Русь не заучила-бы ея наизусть...

Вотъ гдѣ видно начало русской литературы, но еще не русская литература. Она только что начинается, но ея еще нѣтъ,—и начинается она съ Пушкина, а *до него рѣшительно не было русской литературы*; вмѣсто ея была словесность—рядъ отдѣльныхъ, ничѣмъ не связанныхъ между собою явленій, вышедшихъ не изъ родной почвы русскаго духа, а изъ подражанія чужимъ образцамъ...

Все, что въ предшествовавшихъ Пушкину поэтахъ было или отдѣльной силой, или одностороннимъ элементомъ, или только успѣхомъ, или стремленіемъ,—въ немъ явилось *какъ разрѣшенная загадка, какъ уже обрѣтенное слово, какъ исполненіе, какъ единство, полнота и цѣлость разнообразнаго и многосторонняго.*

Въ *Державинѣ* часто проблескиваетъ русская натура, русская душа: *Пушкинъ вездѣ и во всемъ національно-русскій поэтъ*. Паренiе, возвышенность, сила,—все, что у Державина вспыхиваетъ по временамъ, часто заливаемое тотчасъ-же прѣсной водой риторики, у Пушкина горитъ свѣтлымъ, чистымъ и ровнымъ пламенемъ безъ треска, дыма и чада.

Грусть составляетъ одинъ изъ основныхъ звуковъ въ аккордѣ поэзіи Пушкина, и потому она придаетъ ей задушевность, сердечность, мягкость, влажность, а не преобладаетъ надъ ней: *это грусть души великой, знающей свою силу*; въ ней нѣтъ ничего общаго съ унынiемъ—болѣзнію слабыхъ душъ. Кромѣ того, въ грусти Пушкина такъ много *русскаго*, того самаго, что такъ сильно овладѣваетъ душой въ протяжной и разгульной русской пѣсни. И такъ какъ эта грусть составляетъ только одинъ звукъ въ аккордѣ поэзіи Пушкина, а не цѣлый аккордъ,—то *поэзія Пушкина* и *чужда всякой монотонности, всякой односторонности.*

*Фантастическое* иногда является и въ поэзіи Пушкина, но оно у него естественно, такъ, какъ бываетъ въ самой дѣйствительности: вспомните сонъ Татьяны, балладу „Женихъ“. А между тѣмъ, хотя и трудно показать слѣды вліянія Жуковскаго на Пушкина, однакожъ нельзя отрицать, чтобъ Жуковскій не имѣлъ вліянія на Пушкина, когда онъ самъ называетъ его „наставникомъ, пѣстуномъ и хранителемъ своей вѣтреной музы“.

Не менѣе, если еще не болѣе, любилъ Пушкинъ *сладостные стихи Батюшкова*: вліяніе этой любви ярко замѣтно на первыхъ произведеніяхъ Пушкина. И не могло быть иначе: Пушкинъ былъ по преимуществу *артистическая натура;* слѣдовательно, Батюшковъ былъ ему родственнѣе всѣхъ другихъ русскихъ поэтовъ. Но что такое стихъ Батюшкова, пластика и виртуозность его поэзіи передъ стихомъ, пластикой и виртуозностью поэзіи Пушкина! Какъ поэзія Батюшкова, поэзія Пушкина вся основана на дѣйствительности; но какая-же безконечная разница въ объемѣ, глубинѣ и значеніи той и другой поэзіи! Ужъ нечего и говорить о томъ, что поэзія Батюшкова чужда національности, тогда какъ поэзія Пушкина по преимуществу русская.

*Все, что прежніе поэты имѣли каждый порознь, все это Пушкинъ имѣлъ одинъ, имѣя еще много и своего, чего ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ;* всѣмъ, что обладало прежними поэтами,—всѣмъ этимъ спокойно владѣлъ Пушкинъ. Вотъ почему мы отъ него ведемъ русскую поэзію и называемъ его *первымъ русскимъ поэтомъ.*

Это совсѣмъ не значитъ, чтобъ до него не было поэтовъ, и притомъ еще достойныхъ вниманія, уваженія, любви,

извѣстности и славы; но значитъ только, что въ нихъ выразились постепенныя усилія русской поэзіи, начиная отъ Кантемира и Ломоносова,—*изъ искусственной и подражательной сдѣлаться естественной и самобытной*, стремленіе *изъ книжной* сдѣлаться *живой*, общественной, сблизиться съ жизнью и обществомъ; а въ Пушкинѣ выразились *торжество и побѣда этихъ усилій и стремленій*.

Пушкинъ—*художникъ въ полномъ значеніи этого слова*; это его преобладающее значеніе, его высочайшее достоинство и, можетъ быть, его недостатокъ, вслѣдствіе котораго онъ чѣмъ болѣе становился художникомъ, тѣмъ болѣе отклонялся отъ современной жизни и ея интересовъ и принималъ аскетическое направленіе; наконецъ охладившее къ нему общество, которое дотолѣ безусловно обожало его.

Кажется, въ этой натурѣ не было капли прозаической крови, но все былъ *чистый огонь поэзіи*. Къ чему ни прикасался онъ,—всему давалъ поэтическіе образы, полные жизни и очарованія, всему, даже самымъ уже по существу своему прозаическимъ предметамъ.

*Его стихъ—это скульптура, живопись и музыка вмѣстѣ*. Къ нему безусловно можно приложить его-же собственные стихи объ Овидіи:

Имѣлъ онъ пѣсенъ дивный даръ
И голосъ, шуму водъ подобный...

*Никто такъ не былъ связанъ исторически съ преданіями русской литературы, какъ Пушкинъ*. Онъ изучилъ старинныхъ писателей, которыхъ теперь никто не читаетъ; онъ бралъ эпиграфы изъ Хераскова и Княжнина. Изъ лицейскихъ его стихотвореній видно, что онъ былъ ученикъ не только Державина, Дмитріева, Жуковскаго и Батюшкова, но и дяди своего В. Пушкина,—и первые дѣтскіе опыты его являютъ въ немъ стихотворца первыхъ годовъ девятнадцатаго столѣтія, хотя онъ родился только въ послѣдній годъ восемнадцатаго. Особенно любопытны и поучительны тѣ изъ его лицейскихъ пьесъ, которыя онъ потомъ передѣлалъ: какое искусство иногда однимъ словомъ, однимъ эпитетомъ передѣлать стихъ такъ, что не узнаешь. *Какой тонкій художественный тактъ* въ знаніи того, что можно оставить безъ перемѣны, что надо исправить и изъ чего нельзя ничего сдѣлать!

Удивительно-ли, что этотъ человѣкъ какъ-будто *перестроилъ вновь и языкъ, и версификацію*, съ такимъ успѣхомъ уже перестроенные Карамзинымъ и Дмитріевымъ, Жуковскимъ и Батюшковымъ!

*Стихъ Пушкина—это вѣковѣчный образецъ, неумирающій типъ русскаго стиха: не было и не будетъ лучшаго.*

Достоинство пушкинскаго стиха состоитъ не въ одной *легкости*—легкость одно изъ второстепенныхъ качествъ его; нѣтъ, достоинство этого стиха заключается въ его *художественности*, въ этой *органической живой соотвѣтственности между содержаніемъ и формой, и наоборотъ*.

Въ этомъ отношеніи стихъ Пушкина можно сравнить *съ красотой человѣческихъ глазъ, оживленныхъ чувствомъ и мыслью*: отнимите у нихъ оживляющее ихъ чувство и мысль,—они останутся только красивыми, но ужъ не божественно-прекрасными глазами. Теперь многіе пишутъ стихи и гладкіе; но пушкинскій стихъ напомнила намъ только муза Лермонтова... Поэзія Пушкина полна, насквозь пронизнута *содержаніемъ*, какъ граненый хрусталь лучомъ солнечнымъ: у Пушкина нѣтъ ни одного стихотворенія, которое не вышлобы изъ жизни и было написано вслѣдствіе желанія такъ что-нибудь написать, въ чаяніи, что авось-де это будетъ недурно...

Это обстоятельство рѣзкой чертой отдѣляетъ Пушкина отъ всѣхъ поэтовъ предшествовавшихъ періодовъ.

*Художническая добросовѣстность* Пушкина была до него безпримѣрнымъ явленіемъ въ нашей литературѣ: онъ высылалъ изъ міра души своей только *выношенныя, вызрѣвшія поэтическія фантазіи*, которыя сами рвались наружу. Этимъ онъ совершенно избѣжалъ *риторики, декламаціи и общихъ мѣстъ*: ихъ слѣды замѣтны только развѣ въ его ученическихъ произведеніяхъ.

Слѣдствіемъ глубоко истиннаго содержанія, всегда скрывающагося въ произведеніяхъ Пушкина, была ихъ *строго-художественная форма*. Каждое его стихотвореніе есть отдѣльный міръ, замкнутый въ самомъ себѣ, полный собственныхъ силъ, чуждый всякихъ несвойственныхъ ему элементовъ, всего посторонняго и лишняго, свободно движущійся въ своей сферѣ. Какъ вѣрна у Пушкина всякая мысль, всякое чувство, всякое ощущеніе, такъ вѣренъ у него и всякій

образъ, каждая фраза, каждое слово. Все на своемъ мѣстѣ, все полно, *ничего недоконченнаго, темнаго, неточнаго, неопредѣленнаго.*

*Опредѣленность* есть свойство великихъ поэтовъ, и Пушкинъ вполнѣ обладалъ этимъ свойствомъ.

*Изъ русскаго языка Пушкинъ сдѣлалъ чудо.* Онъ ввелъ въ употребленіе *новыя слова, старымъ далъ новую жизнь;* его *эпитетъ* столь-же смѣлъ, оригиналенъ, какъ и рѣзко точенъ, математически опредѣленъ.

*Многообъемлемость и многосторонность* также принадлежатъ къ числу качествъ, которыя *срослись* съ поэзіей Пушкина. Грусть у него смѣняется шуткой, эпиграммой, тяжелая скорбь неожиданно разрѣшается освѣжающимъ душу юморомъ. Его нельзя назвать ни поэтомъ грусти, ни поэтомъ веселья, ни трагикомъ, ни комикомъ исключительно: *онъ все...*

*Самое простое ощущеніе звучитъ у него всѣми струнами своими и потому чуждо монотонности; это всегда полный аккордъ...*

Трудно было-бы опредѣлить общее направленіе поэзіи Пушкина; но можно сказать утвердительно, что имя романтика навязано на него не совсѣмъ впопадъ, такъ-же, какъ невпопадъ отнято оно у Жуковскаго. Характеръ чисто романтической поэзіи всегда болѣе или менѣе односторонній и исключительный. *Поэзія Пушкина—самый разнообразный міръ, гдѣ примирены самые разнообразные и противорѣчащіе элементы, гдѣ простая и вмѣстѣ роскошная форма спокойно и равновѣсно овладѣла своимъ многосложнымъ содержаніемъ...*

Наконецъ, Пушкинъ—*вполнѣ національный поэтъ*, заключившій въ духѣ своемъ всѣ національные элементы. Это видно не только изъ тѣхъ произведеній, гдѣ чисто русское содержаніе выражалъ онъ въ чисто народной формѣ, и гдѣ не имѣлъ онъ себѣ соперника; но еще болѣе изъ тѣхъ произведеній, которыя ни по содержанію, ни по формѣ, кажется, не могутъ имѣть ничего русскаго.

Я не знаю лучшей и опредѣленнѣйшей характеристики національности въ поэзіи, чѣмъ та, которую сдѣлалъ Гоголь въ этихъ короткихъ словахъ, врѣзавшихся въ моей памяти: „Истинная національность состоитъ не въ описаніи сарафана, а въ самомъ духѣ народа. Поэтъ даже можетъ быть и тогда

національнъ, когда описываетъ совершенно сторонній міръ, но глядитъ на него глазами своей національной стихіи, глазами своего народа: когда чувствуетъ и говоритъ такъ, что соотечественникамъ его кажется, будто это чувствуютъ и говорятъ они сами".

Мнѣ кажется, что *кромѣ грусти, какъ основного мотива Пушкинской поэзіи, и бодраго, мощнаго выхода изъ нея* не въ какое-нибудь тепленькое утѣшеньице, а *въ ощущеніе собственной силы*, какъ самой характеристической черты ея,—*національность ея состоитъ еще во внѣшнемъ спокойствіи, при внутренней движимости, въ отсутствіи одолѣвающей страстности.*

У Пушкина диссонансъ и драма всегда внутри, а *снаружи все спокойно*, какъ будто ничего не случилось, такъ что грубая, невоспріимчивая или неразвитая натура не можетъ тутъ видѣть ни силы, ни борьбы, ни величія...

Замѣтьте, что *герои Пушкина никогда не лишаютъ себя жизни*, по силѣ трагической развязки, но остаются жить... Пушкинъ въ этой чертѣ бываетъ страшно великъ... *Не бывало еще на Руси такой колоссальной творческой силы, и такъ національно, такъ русски проявившейся...*

Ни одинъ поэтъ не имѣлъ на русскую литературу такого многосторонняго сильнаго и плодотворнаго вліянія.

Пушкинъ *убилъ на Руси незаконное владычество французскаго псевдо-классицизма*, расширилъ источники нашей поэзіи, обратилъ ее къ національнымъ элементамъ жизни, показалъ безчисленныя новыя формы, сдружилъ ее впервые съ русской современностью, обогатилъ идеями, пересоздалъ языкъ до такой степени, что и безграмотные не могли уже не писать хорошими стихами, если хотѣли писать.

*В. Г. Бѣлинскій.*

---

## Назначеніе Пушкина.

(Насажденіе въ Россіи поэзіи, какъ искусства).

Наша русская поэзія до Пушкина была *позолоченною пилюлею, подслащеннымъ лѣкарствомъ*. И потому въ ней истинная, вдохновенная и творческая поэзія только проблескивала временами въ частностяхъ, и эти проблески тонули въ массѣ риторической воды. Много было сдѣлано для языка, для

стиха, кое-что было сдѣлано и для поэзіи; но поэзіи, какъ поэзіи, то-есть такой поэзіи, которая, выражая то или другое, развивая такое или иное міросозерцаніе, прежде всего была-бы поэзіей,—такой поэзіи еще не было!

Пушкинъ былъ призванъ быть *живымъ откровеніемъ ея тайны на Руси.* И такъ какъ *его назначеніе было завоевать, усвоить навсегда русской землѣ поэзію, какъ искусство,* такъ, чтобъ русская поэзія имѣла потомъ возможность быть выраженіемъ всякаго направленія, всякаго созерцанія, не боясь перестать быть поэзіею и перейти въ риѳмованную прозу—то естественно, что Пушкинъ долженъ былъ явиться исключительно художникомъ.

Еще разъ: до Пушкина были у насъ поэты, но не было ни одного поэта-художника; Пушкинъ былъ *первымъ русскимъ поэтомъ-художникомъ.* Поэтому, даже самыя первыя, незрѣлыя, юношескія его произведенія, каковы: „Русланъ и Людмила“, „Братья-разбойники“, „Кавказскій плѣнникъ“ и „Бахчисарайскій фонтанъ“, отмѣтили своимъ появленіемъ новую эпоху въ исторіи русской поэзіи. Всѣ, не только образованные, даже многіе просто грамотные люди, увидѣли въ нихъ не просто новыя поэтическія произведенія, но совершенно новую поэзію, которой они не знали на русскомъ языкѣ не только образца, но на которую они не видали никогда даже намека. И эти поэмы читались всею грамотною Россіею: онѣ ходили въ тетрадкахъ, переписывались дѣвушками, охотницами до стишковъ, учениками на школьныхъ скамейкахъ, украдкою отъ учителя, сидѣльцами за прилавками магазиновъ и лавокъ. И это дѣлалось не только въ столицахъ, но даже и въ уѣздныхъ захолустьяхъ.

Тогда-то поняли, что *различіе стиховъ отъ прозы заключается не въ риѳмѣ и размѣрѣ только, но что и стихи въ свою очередь могутъ быть и поэтическіе, и прозаическіе.*

Это значило *уразумѣть поэзію,* уже не какъ что-то внѣшнее, но *въ ея внутренней сущности.*

Явись теперь на Руси поэтъ, который былъ-бы неизмѣримо выше Пушкина,—его появленіе уже не могло-бы надѣлать столько шума, возбудить такой общій страшный энтузіазмъ, потому что, послѣ Пушкина, поэзія уже не невиданная, не неслыханная вещь. И по тому-же самому теперь уже слишкомъ слабый успѣхъ могъ получить поэтъ, кото-

рый, не уступая Пушкину въ талантѣ, даже превосходя его въ этомъ отношеніи, былъ бы, подобно ему, преимущественно художникомъ.

Если въ поименованныхъ нами первыхъ поэмахъ Пушкина видно такъ много этого художества, которымъ такъ рѣзко отдѣлились онѣ отъ произведеній прежнихъ школъ, то *еще болѣе художества въ самобытныхъ пьесахъ Пушкина.*

Поэмы, о которыхъ мы говорили, уже много потеряли для насъ своей прежней прелести; мы уже пережили и, слѣдовательно, обогнали ихъ, но *мелкія пьесы Пушкина, ознаменованныя самобытностью его творчества, и теперь такъ же обаятельно прекрасны, какъ и были во время появленія ихъ въ свѣтъ.* Это понятно: поэма требуетъ той зрѣлости таланта, которую даетъ опытъ жизни,—и этой зрѣлости нѣтъ нисколько въ „Русланѣ и Людмилѣ“, „Братьяхъ-разбойникахъ“ и „Кавказскомъ плѣнникѣ“, а въ „Бахчисарайскомъ фонтанѣ“ замѣтенъ только успѣхъ въ искусствѣ; но юность—самое лучшее время для лирической поэзіи. Поэма требуетъ знанія жизни и людей, требуетъ созданія характеровъ, слѣдовательно, своего рода драматизировки; лирическая поэзія требуетъ богатства ощущеній,—а когда-же грудь человѣка наиболѣе богата ощущеніями, какъ не въ лѣта юности?

Тайна пушкинскаго стиха была заключена не въ искусствѣ „сливать послушныя слова въ стройные размѣры и замыкать ихъ звонкою рѳмой“, но въ тайнѣ поэзіи.

Душѣ Пушкина присуща была прежде всего *та поэзія, которая не въ книгахъ, а въ природѣ, въ жизни,*—присуще художество, печать котораго лежитъ на „полномъ твореніи славы“.

Разумъ, это—духъ жизни, душа ея; *поэзія, это—улыбка жизни, ея свѣтлый взглядъ, играющій всѣми переливами быстро смѣняющихся ощущеній.*

Бываютъ женщины, одаренныя отъ природы рѣдкою красотою, но которыхъ строго правильныя черты лица поражаютъ какою-то сухостью, а движенія лишены граціи; такія женщины могутъ быть, по-своему, ослѣпительно блестящими и возбуждать удивленіе; но ихъ появленіе не заставитъ ни чье сердце забиться отъ невѣдомаго волненія, ихъ красота не родитъ любви, а красота, не сопутствуемая

харитою любви, лишена жизни, лишена поэзіи. Такъ точно и природа, и жизнь возбуждали-бы только холодное удивленіе, если-бъ онѣ не были насквозь проникнуты поэіею; не любовью—небеснымъ огнемъ жизни, а холодною сыростью могилы вѣяло-бы отъ нихъ. Пусть свѣтила небесныя образуютъ собою стройные міры: не тѣмъ только возвышаютъ они душу созерцающаго ихъ человѣка, но поэзіею своего таинственнаго мерцанія, но дивною красотою живой игры своихъ блѣдно-огнистыхъ лучей; въ ихъ стройномъ ходѣ Пиѳагоръ видѣлъ не одну математику въ фактѣ, но и слышалъ гармонію міровъ... Если-бъ солнце только грѣло и свѣтило, оно было-бы не болѣе, какъ огромный фонарь, огромная печка; но оно проливаетъ на землю яркій, весело дрожащій, радостно играющій лучъ,—и земля встрѣчаетъ этотъ лучъ улыбкою, а въ этой улыбкѣ—невыразимое очарованіе, неуловимая поэзія...

Природа полна не однѣхъ органическихъ силъ,—она полна и поэзіи, которая наиболѣе свидѣтельствуетъ о ея жизни: въ ея вѣчномъ движеніи, въ колыханіи ея лѣсовъ, въ трепетѣ серебристаго листа, на которомъ любовно играетъ лучъ солнца, въ ропотѣ ручья, вѣяніи вѣтра, волнующаго золотистую жатву, разлитъ для человѣка таинственный блескъ и слышатся ему живые голоса, то грустные и одинокіе, какъ звуки эоловой арфы, то веселые и радостные, какъ пѣснь взвивающагося подъ небеса жаворонка...

Человѣкъ еще болѣе исполненъ поэзіи.

Отчего вамъ такъ хочется расцѣловать этого ребенка, шумно играющаго на лугу; отчего такъ плѣняютъ васъ и его блестящіе чистою радостью глаза, его дышащая блаженствомъ улыбка, живость и рѣзвость его движеній?

Что общаго между вами, измученнымъ жизнью, опытомъ и житейскими заботами,—вами, человѣкомъ пожилымъ и мудрымъ, и между нимъ, ничего не понимающимъ, почти безсознательнымъ существомъ? Зачѣмъ-же, торопливо бѣжа по важному дѣлу, съ озабоченнымъ видомъ, вы вдругъ остановились на лугу, забывъ ваши важныя дѣла, и, съ улыбкой умиленія, смотрите на это дитя, и чело ваше разгладилось и прояснѣло, забота на мигъ слетѣла съ него, и улыбка счастія на мгновеніе освѣтила ваше угрюмое лицо, какъ лучъ солнца, проникнувшій сквозь щель въ

мрачное подземелье и трепетно заигравшій на сыромъ его полу?..

Отъ того, что видъ этого дитяти пахнулъ на васъ поэзіею жизни...

Вотъ прекрасная, молодая женщина: въ чертахъ лица ея вы не находите никакого опредѣленнаго выраженія—это не олицетвореніе чувства, души, доброты, любви, самоотверженія, возвышенности мыслей и стремленій,—словомъ, ничто не говоритъ вамъ въ этомъ лицѣ ни о какомъ рѣзко выпечатавшемся нравственномъ качествѣ: оно только прекрасно, мило, одушевлено жизнью — и больше ничего; вы не влюблены въ эту женщину и чужды желанія быть любимымъ ею; вы спокойно любуетесь прелестью ея движеній, граціею ея манеръ,—и въ то-же время, въ ея присутствіи, сердце ваше бьется какъ-то живѣе, и кроткая гармонія счастія мгновенно разливается въ душѣ вашей...

Отчего это, если не оттого, что *красота сама по себѣ есть качество и заслуга, и притомъ еще великая?*

Прекрасна и любезна истина и добродѣтель, но и красота также прекрасна и любезна, одно другого стоитъ; одно другого замѣнить не можетъ, но то и другое въ одинаковой степени составляютъ потребность нашего духа. Вотъ почему древніе греки, въ своемъ поэтическомъ политеизмѣ обожествили не только истину, знаніе, могущество, мудрость, доблесть, справедливость, цѣломудріе, но и красоту, сопровождаемую харитами любви и желанія... По ихъ религіозному созерцанію, исполненному поэзіи и жизни, богиня красоты обладала таинственнымъ поясомъ,—

> . . . . всѣ обаянія въ немъ заключались:
> Въ немъ и любовь и желанія, въ немъ и знакомства и просьбы,
> Льстивыя рѣчи, не разъ уловлявшія умъ и разумныхъ.

Чтобъ выразить всю силу неотразимаго вліянія на душу и сердце человѣка поэзіи Гомера, греки говорили, что онъ похитилъ поясъ Аѳродиты...

Пушкинъ первый изъ русскихъ поэтовъ овладѣлъ поясомъ Киприды. Не только стихъ, но каждое ощущеніе, каждое чувство, каждая мысль, каждая картина исполнены у него невыразимой поэзіи. Онъ созерцалъ природу и дѣйствительность подъ особеннымъ угломъ зрѣнія, и этотъ уголъ былъ *исключительно поэтическій.*

Муза Пушкина—это дѣвушка-аристократка, въ которой обольстительная красота и граціозность непосредственности сочетались съ изяществомъ тона и благородною простотою, и въ которой прекрасныя внутреннія качества развиты и еще болѣе возвышены виртуозностью формы, до того усвоенной ею, что эта форма сдѣлалась ей второю природою.

*В. Г. Бѣлинскій.*

---

## Свѣтская мудрость и простота Пушкина.

(Отзывъ Гоголя объ умѣ Пушкина.—Слова императора Николая Павловича.—Записки Смирновой.—Неоконченность пушкинскаго творчества.—Смерть Пушкина—результатъ борьбы генія съ варварскимъ отечествомъ.—Одиночество Пушкина въ современномъ ему русскомъ обществѣ.—Потребность „высшей свободы“.—Пушкинъ единственный даже среди величайшихъ міровыхъ поэтовъ по своей простотѣ.—Онъ ясенъ, какъ древніе эллины, оставаясь сыномъ своего вѣка.—Тихость и безпорывность его произведеній.—Вдохновеніе безъ восторга и веселіе въ мудрости.—Отсутствіе въ Пушкинѣ литературнаго педантизма и тщеславія.—Пушкинъ говоритъ о смерти спокойно, какъ люди близкіе къ природѣ).

„Пушкинъ есть явленіе чрезвычайное—пишетъ Гоголь въ 1832 году — и, можетъ быть, единственное явленіе русскаго духа: это русскій человѣкъ въ его развитіи, въ какомъ онъ, можетъ быть, явится черезъ двѣсти лѣтъ. Въ немъ русская природа, русская душа, русскій языкъ, русскій характеръ отразились въ той же чистотѣ, въ такой очищенной красотѣ, въ какой отражается ландшафтъ на выпуклой поверхности оптическаго стекла“. Въ другомъ мѣстѣ Гоголь замѣчаетъ: „въ послѣднее время набрался онъ много русской жизни и говорилъ обо всемъ такъ мѣтко и умно, что хоть записывай всякое слово: оно стоило его лучшихъ стиховъ; но еще замѣчательнѣе было то, что строилось внутри самой души его и готовилось освѣтить передъ нимъ еще больше жизнь“.

Императоръ Николай Павловичъ, въ 1826 году, послѣ перваго свиданія съ Пушкинымъ, которому было тогда 27 лѣтъ, сказалъ гр. Блудову: „Сегодня утромъ я бесѣдовалъ съ самымъ замѣчательнымъ человѣкомъ въ Россіи“. Впечатлѣніе огромной умственной силы Пушкинъ, повидимому, производилъ на всѣхъ, кто съ нимъ встрѣчался и спосо-

бенъ былъ его понять. Французскій посолъ Барантъ, человѣкъ умный и образованный, одинъ изъ постоянныхъ собесѣдниковъ кружка А. О. Смирновой, говорилъ о Пушкинѣ не иначе, какъ съ благоговѣніемъ, утверждая, что онъ— „великій мыслитель“, что „онъ мыслитъ, какъ опытный государственный мужъ“. Такъ же относились къ нему и лучшіе русскіе люди, современники его: Гоголь, кн. Вяземскій, Плетневъ, Жуковскій. Однажды, встрѣтивъ у Смирновой Гоголя, который съ жадностью слушалъ разговоръ Пушкина и отъ времени до времени заносилъ слышанное въ карманную книжку, Жуковскій сказалъ: „Ты записываешь, что говоритъ Пушкинъ. И прекрасно дѣлаешь. Попроси Александру Осиповну показать тебѣ ея замѣтки, потому что каждое слово Пушкина драгоцѣнно. Когда ему было восемнадцать лѣтъ, онъ думалъ, какъ тридцатилѣтній человѣкъ: умъ его созрѣлъ гораздо раньше, чѣмъ его характеръ. Это часто поражало насъ съ Вяземскимъ, когда онъ былъ еще въ лицеѣ“.

Впечатлѣніе ума, дивнаго по ясности и простотѣ, болѣе того — впечатлѣніе истинной *мудрости* производитъ и образъ Пушкина, нарисованный въ „Запискахъ Смирновой“.

Воспроизводимый ею образъ Пушкина-мыслителя какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ образу, который таится въ необъясненной глубинѣ законченныхъ созданій поэта и отрывковъ, намековъ, замѣтокъ, писемъ, дневниковъ. Смирнова открываетъ намъ глаза на Пушкина, разоблачаетъ въ немъ то, что мы, такъ сказать, видя—не видѣли, слыша— не слышали. Передъ нами возникаетъ не только живой Пушкинъ, какимъ мы его знаемъ, но и Пушкинъ будущаго, Пушкинъ недовершенныхъ замысловъ, — такой, какимъ мы его предчувствуемъ по геніальнымъ откровеніямъ и намекамъ. Дѣлается понятнымъ, откуда и куда онъ шелъ, открывается высшая ступень просвѣтлѣнія, которой онъ не достигъ, но уже достигалъ. Еще шагъ, еще усиліе—и Пушкинъ поднялъ и вынесъ бы русскую поэзію, русскую культуру на міровую высоту. Въ это мгновеніе завѣса падаетъ, голосъ поэта умолкаетъ навѣки, и въ сущности вся послѣдующая исторія русской литературы есть исторія довольно робкой и малодушной борьбы за пушкинскую культуру съ нахлынувшею волною демократическаго варварства, исторія

могущественнаго, но односторонняго воплощенія его идеаловъ, медленнаго угасанія, паденія, смерти Пушкина въ русской литературѣ.

Трудность обнаружить міросозерцаніе Пушкина заключается въ томъ, что нѣтъ одного, главнаго произведенія, въ которомъ поэтъ сосредоточилъ бы свой геній, сказалъ міру все, что имѣлъ сказать, какъ Данте—въ „Божественной комедіи“ какъ Гёте—въ „Фаустѣ“. Наиболѣе совершенныя созданія Пушкина не даютъ полной мѣры его силъ: внимательный изслѣдователь отходитъ отъ нихъ съ убѣжденіемъ, что поэтъ выше своихъ созданій. Подобно Петру Великому, съ которымъ онъ чувствовалъ глубокую связь, Пушкинъ былъ не сколько совершителемъ, сколько начинателемъ русскаго просвѣщенія. Въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ закладываетъ онъ фундаменты будущихъ зданій, пролагаетъ дороги, рубитъ просѣки. Романъ, повѣсть, лирика, поэма, драма—всюду онъ изъ первыхъ или первый, одинокій или единственный. Ему такъ много надо совершить, что онъ торопится, переходитъ отъ замысла къ замыслу, покидаетъ недоконченными величайшія созданія. „Мѣдный всадникъ“, „Русалка“ „Галубъ“, Драматическія сцены — только геніальные наброски. „Евгеній Онѣгинъ“ обрывается— и заключительные стихи недаромъ полны предчувствіемъ безвременнаго конца:

Блаженъ, кто праздникъ жизни рано
Оставилъ, не допивъ до дна
Бокала полнаго вина,
Кто не дочелъ ея романа,
И вдругъ умѣлъ разстаться съ нимъ,
Какъ я съ Онѣгинымъ моимъ.

Передъ смертью Пушкинъ хотѣлъ вернуться къ „Онѣгину“—не потому, чтобы этого требовалъ сюжетъ поэмы, но онъ чувствовалъ, что слишкомъ многое оставалось невысказаннымъ. Иногда, нѣсколькими строками чернового наброска, намекаетъ онъ на цѣлую невѣдомую сторону души своей, на цѣлый міръ, ушедшій съ нимъ навѣки. Пушкинъ— не Байронъ, которому достаточно 25 лѣтъ, чтобы прожить человѣческую жизнь и дойти до предѣловъ бытія. Пушкинъ—Гёте, спокойно и величественно развивающійся, медленно зрѣющій; Гёте, который умеръ бы въ 37 лѣтъ, оста-

вивъ міру „Вертера“ и несвязные отрывки первой части „Фауста“. Вся поэзія Пушкина—такіе отрывки, membra disjecta, разбросанные гармоническіе члены, обломки міра, создатель котораго умеръ.

Теперь стою я, какъ ваятель
Въ своей великой мастерской.
Передо мной—какъ исполины,
Недовершенныя мечты!
Какъ мраморъ, ждутъ онѣ единой
Для жизни творческой черты...
Простите жъ, пышныя мечтанья!
Осуществить я васъ не могъ!..
О, умираю я, какъ богъ
Средь начатаго міросданья!

Смерть Пушкина—не простая случайность. Драма съ женою, очаровательною Nathalie, и ея милыми родственниками—не что иное, какъ въ усиленномъ видѣ драма всей его жизни: борьба генія съ варварскимъ отечествомъ. Пуля Дантеса только довершила то, къ чему постепенно и неминуемо вела Пушкина русская дѣйствительность. Онъ погибъ, потому что ему некуда было дальше идти, некуда расти. Съ каждымъ шагомъ впередъ къ просвѣтлѣнію, возвращаясь къ сердцу народа, все болѣе отрывался онъ отъ такъ называемаго „интеллигентнаго“ общества, становился все болѣе одинокимъ и враждебнымъ тогдашнему среднему русскому человѣку. Для него Пушкинъ весь былъ непонятенъ, чуждъ, даже страшенъ, казался „кромѣшникомъ“, какъ онъ самъ себя называлъ съ горькою ироніей. Кто знаетъ?—если бы не защита государя, можетъ быть, судьба его была бы еще болѣе печальной. Во всякомъ случаѣ, преждевременная гибель — только послѣднее звено роковой цѣпи, начало которой надо искать гораздо глубже, въ первой молодости поэта.

Когда читаешь жизнеописаніе Гёте, убѣждаешься, что подобное творчество есть взаимодѣйствіе народа и генія. Здѣсь сказалась возвышенная черта германскаго народа: умѣнье чтить великаго, лелѣять и беречь его, уравнивать ему всѣ пути. Пушкина Россія сдѣлала величайшимъ изъ русскихъ людей, но не вынесла на міровую высоту, не отвоевала ему мѣста рядомъ съ Гёте, Шекспиромъ, Данте, Гомеромъ—мѣста, на которое онъ имѣетъ право по внутрен-

нему значенію своей поэзіи. Можетъ быть, во всей русской исторіи нѣтъ болѣе горестной и знаменательной трагедіи, чѣмъ жизнь и смерть Пушкина.

Политическія увлеченія его были поверхностны. Впослѣдствіи онъ искренне каялся въ нихъ, какъ въ заблужденіяхъ молодости. Въ самомъ дѣлѣ, Пушкинъ менѣе всего былъ рожденъ политическимъ бойцомъ и проповѣдникомъ. Онъ дорожилъ свободою, какъ внутренней стихіей, необходимою для развитія генія. Тѣмъ не менѣе, въ страшныхъ испытанныхъ имъ гоненіяхъ поэтъ имѣлъ случай познать мѣру того варварства, съ которымъ ему суждено было бороться всю жизнь. Лѣтомъ 1824 года, Пушкинъ пишетъ изъ Одессы, въ порывѣ отчаянія: „Я усталъ подчиняться хорошему или дурному пищеваренію того или другого начальника; мнѣ надоѣло видѣть, что на моей родинѣ обращаются со мною менѣе уважительно, нежели съ любымъ англійскимъ балбесомъ, пріѣзжающимъ предъявлять намъ свою пошлость, неразборчивость и свое бормотаніе“. Въ черновомъ наброскѣ письма изъ ссылки къ императору Александру Благословенному, письма, написаннаго въ серединѣ 1825 года и не отосланнаго, Пушкинъ объясняетъ государю: „Въ 1820 году разнесся слухъ, будто я былъ отвезенъ въ канцелярію и высѣченъ. Слухъ былъ общимъ и до меня дошелъ до послѣдняго. Я увидалъ себя опозореннымъ передъ свѣтомъ. На меня нашло отчаяніе; я метался въ стороны, мнѣ было 20 лѣтъ. Я соображалъ, не слѣдуетъ ли мнѣ прибѣгнуть къ самоубійству... Я рѣшился высказать столько негодованія и наглости въ своихъ рѣчахъ и своихъ писаніяхъ, чтобы, наконецъ, власть вынуждена была обращаться со мною, какъ съ преступникомъ. Я жаждалъ Сибири или крѣпости, какъ возстановленія чести“.

Сохранилась оффиціальная бумага Пушкина къ псковскому губернатору, генералу фонъ-Адеркасъ: „Рѣшаюсь для спокойствія моего отца и своего собственнаго просить его императорское величество, да соизволитъ меня перевести въ одну изъ своихъ крѣпостей. Ожидаю сей послѣдней милости отъ ходатайства вашего превосходительства“.

Въ самомъ дѣлѣ, Пушкинъ находился на краю гибели.

Было бы совершенно несправедливо на основаніи этихъ данныхъ дѣлать изъ него политическаго страдальца, тай-

наго революціонера. Многое въ тогдашнихъ увлеченіяхъ его и крайностяхъ слѣдуетъ приписать юношеской силѣ воображенія, необузданной страстности темперамента. Но, съ другой стороны, нельзя сказать, чтобы русская дѣйствительность встрѣтила величайшаго изъ русскихъ людей привѣтливо. Вотъ кстати изъ біографіи поэта одна подробность, которая можетъ казаться мелочной, но вѣдь изъ такихъ ничтожныхъ культурныхъ подробностей слагается та окружающая среда, въ которой геній растетъ или погибаетъ. У Пушкина была болѣзнь сердца; слѣдовало сдѣлать операцію. Онъ молилъ, какъ милости, позволенія уѣхать за границу. Ему отказали, предоставивъ лѣчиться у В. Всеволодова—автора „Сокращенной патологіи скотоврачебной науки"—„очень искуснаго по ветеринарной части и извѣстнаго въ ученомъ свѣтѣ по книгѣ о лѣченіи лошадей", замѣчаетъ Пушкинъ. Представьте себѣ Гёте, которому пришлось бы лѣчиться отъ аневризма у ветеринара.

Изъ первой борьбы съ русскимъ варварствомъ поэтъ вышелъ побѣдителемъ. Въ романтическихъ скитаніяхъ по степямъ Бессарабіи, по Кавказу и Тавридѣ находитъ онъ новые невѣдомые звуки на своей лирѣ. Теперь онъ чувствуетъ жажду безпредѣльной внутренней свободы, которую противополагаетъ пустотѣ и ничтожеству всѣхъ внѣшнихъ политическихъ формъ:

Зависѣть отъ властей, зависѣть отъ народа—
Не все ли намъ равно? Богъ съ ними!.. Никому
Отчета не давать; себѣ лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совѣсти, ни помысловъ, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ,
Дивясь божественнымъ природы красотамъ,
И предъ созданьями искусствъ и вдохновенья
Безмолвно утопать въ восторгахъ умиленья—
Вотъ счастье! Вотъ права!

Потребность этой „высшей свободы" привела Пушкина ко второму столкновенію съ русскимъ варварствомъ, менѣе страстному и бурному, чѣмъ его политическія увлеченія, но болѣе глубокому и безысходному,—столкновенію, которое было главною внутреннею причиной его преждевременной гибели. Многозначительны въ устахъ Пушкина слѣдующія слова, даже если они вырвались въ минуту необдуман-

наго раздраженія: „Я конечно презираю отечество мое съ головы до ногъ, но мнѣ досадно, если иностранецъ раздѣляетъ со мной это чувство“. (Письмо къ Вяземскому изъ Пскова, 1826).

А вотъ другое, болѣе хладнокровное, но не менѣе безотрадное сужденіе объ условіяхъ русской культуры. Эти строки, прямо идущія отъ сердца, пишетъ онъ о своемъ другѣ Баратынскомъ, хотя невольно чувствуется, что Пушкинъ говоритъ здѣсь и о себѣ самомъ: „Поэтъ отдѣляется отъ нихъ (отъ читателей) и мало-по-малу уединяется совершенно. Онъ творитъ для себя, и если изрѣдка еще обнародываетъ свои произведенія, то встрѣчаетъ холодность, невниманіе и находитъ отголосокъ своимъ звукамъ только въ сердцахъ нѣкоторыхъ поклонниковъ поэзіи, какъ онъ, уединенныхъ въ свѣтѣ“. Пушкинъ отмѣчаетъ отсутствіе критики и будущаго мнѣнія у русской публики: „У насъ литература не есть потребность народная. Писатели получаютъ извѣстность посторонними обстоятельствами, публика мало ими занимается; классъ писателей ограниченъ, и имъ управляютъ журналы, которые судятъ о литературѣ, какъ о политической экономіи, о политической экономіи, какъ о музыкѣ, т. е. наобумъ, по наслышкѣ, безъ всякихъ основательныхъ правилъ и свѣдѣній, а большею частью по личнымъ разсчетамъ... Правда, что довольно легко презирать ребяческую злость и площадныя насмѣшки,—тѣмъ не менѣе ихъ приговоры имѣютъ рѣшительное вліяніе“.

Лучшимъ показателемъ той культурной атмосферы, въ которой приходилось дѣйствовать Пушкину, можетъ служить его отношеніе къ типическому представителю русской пошлости въ журналистикѣ, Булгарину. Поэтъ пишетъ Плетневу о „Повѣстяхъ Бѣлкина“, которыя считаетъ болѣе благоразумнымъ печатать анонимно: „подъ моимъ именемъ нельзя будетъ, ибо Булгаринъ заругаетъ. И такъ, русская словесность головою выдана Булгарину и Гречу!“—По поводу неуспѣха романа Булгарина „Выжигинъ“ поэтъ восклицаетъ съ недоумѣніемъ: „Выжигинъ приплылъ и въ Москву, гдѣ, кажется, приняли его довольно сухо. Что за дьяволщина? Неужели мы вразумили публику? Или сама догадалась, голубушка? А кажется, Булгаринъ такъ для нея созданъ, а она для него, что имъ вмѣстѣ жить, вмѣстѣ и умирать“.

Борьба приняла особенно мучительныя формы, когда духъ пошлости вошелъ въ его собственный домъ въ лицѣ родственниковъ жены. У Наталіи Гончаровой была наружность Мадонны Перуджино и душа созданная, чтобы услаждать долю петербургскаго чиновника тридцатыхъ годовъ. Пушкинъ чувствовалъ, что приближается къ развязкѣ, къ послѣднему дѣйствію трагедіи.

Незадолго передъ смертью онъ говорилъ Смирновой, собиравшейся за границу: „увезите меня въ одномъ изъ вашихъ чемодановъ, вашъ же бояринъ Николай меня соблазняетъ. Не далѣе какъ вчера онъ совѣтовалъ мнѣ поговорить съ государемъ, сообщить ему о всѣхъ моихъ невзгодахъ, просить заграничнаго отпуска. Но все семейство подниметь гвалтъ. Я смотрю на Неву, и мнѣ безумно хочется доплыть до Кронштадта, вскарабкаться на пароходъ... Если бы я это сдѣлалъ, что бы сказали? Сказали бы: онъ корчитъ изъ себя Байрона. Мнѣ кажется, что мнѣ сильнѣе хочется уѣхать *очень, очень далеко,* чѣмъ въ ранней молодости, когда я просидѣлъ два года въ Михайловскомъ, одинъ на одинъ съ Ариной, вмѣсто всякаго общества. Впрочемъ, у меня есть предчувствія, я думаю, что уже недолго проживу. Со времени кончины моей матери, я много думаю о смерти, я уже въ первой молодости много думалъ о ней“.

19 октября 1836 года, придя на свой послѣдній лицейскій праздникъ, Пушкинъ извинился, что не докончилъ обычнаго годового стихотворенія и самъ началъ читать его:

Была пора: нашъ праздникъ молодой
Сіялъ, шумѣлъ и розами вѣнчался,
И съ пѣснями бокаловъ звонъ мѣшался,
И тѣсною сидѣли мы толпой.
Тогда, душой безпечные невѣжды,
Мы жили всѣ и легче, и смѣлѣй,
Мы пили всѣ за здравіе надежды
И юности, и всѣхъ ея затѣй.
Теперь не то...

Онъ не кончилъ—слезы полились изъ глазъ его, и стихи были дочитаны однимъ изъ товарищей. Тѣ, кто могутъ себѣ представить его необычайную бодрость, ясность духа, никогда не измѣнявшую ему жизнерадостность, должны понять, что̀ значатъ эти предсмертныя слезы Пушкина.

Народъ и геній такъ связаны, что изъ одного и того же свойства народа проистекаетъ и слабость, и сила производимаго имъ генія. Низкій уровень русской культуры— причина недовершенности пушкинской поэзіи — въ то же время благопріятствуетъ той особенности его поэтическаго темперамента, которая дѣлаетъ русскаго поэта *въ извѣстномъ отношеніи единственнымъ даже среди величайшихъ міровыхъ поэтовъ*. Эта особенность—*простота*.

Высокая степень культуры можетъ быть опасной для источниковъ поэтическаго чувства, удаляя насъ отъ того ночного, безсознательнаго и непроизвольнаго, во что погружены, чѣмъ питаются корни всякаго творчества. Музы любятъ утреннія сумерки, подстерегаютъ первое пробужденіе народовъ къ сознательной жизни. Для возникновенія великаго искусства необходима нѣкоторая свѣжесть и первобытность впечатлѣній, молодость, даже дѣтскость народнаго генія.

Пушкинъ—поэтъ такого народа, только что проснувшагося отъ варварства, но уже чуткаго, жаднаго ко всѣмъ формамъ культуры, несомнѣнно предназначеннаго къ участію въ міровой жизни духа.

Гёте чувствовалъ потребность освободиться отъ всѣхъ искажающихъ призмъ, отъ тысячелѣтней пыли человѣческой культуры, вернуться къ первобытной ясности созерцанія. Вотъ почему старался онъ приблизиться къ простотѣ древнихъ грековъ; конечно, это — чистѣйшая призма, но всетаки—призма.

*Пушкинъ*—единственный изъ новыхъ міровыхъ поэтовъ— *ясенъ, какъ древніе эллины, оставаясь сыномъ своего вѣка*. Въ этомъ отношеніи онъ едва ли не выше Гёте, хотя не должно забывать, что Пушкину приходилось сбрасывать съ плечъ гораздо болѣе легкое бремя культуры, чѣмъ германскому поэту.

„*Сочиненія Пушкина*,—говоритъ Гоголь,—гдѣ дышетъ у него русская природа, *такъ же тихи и безпорывны, какъ русская природа*. Ихъ только можетъ совершенно понимать тотъ, чья душа такъ нѣжно организована и развилась въ чувствахъ, что способна понять неблестящія съ виду русскія пѣсни и русскій духъ; потому что чѣмъ предметъ обыкновеннѣе, тѣмъ выше нужно быть поэту, чтобы извлечь изъ него не-

обыкновенное и чтобы это необыкновенное было, между прочимъ, совершенная истина".

Встаетъ заря во мглѣ холодной;
На нивахъ шумъ работъ умолкъ;
Съ своей волчихою голодной
Выходитъ на дорогу волкъ;
Его почуя, конь дорожный
Храпитъ—и путникъ осторожный
Несется въ гору во весь духъ;
На утренней зарѣ пастухъ
Не гонитъ ужъ коровъ изъ хлѣва,
И въ часъ полуденный въ кружокъ
Ихъ не зоветъ его рожокъ;
Въ избушкѣ, распѣвая, дѣва
Прядетъ, и, зимнихъ другъ ночей,
Трещитъ лучина передъ ней.

Съ такою именно простотою описываетъ Гомеръ картины эллинской жизни, также не заботясь о прекрасномъ,—разсказывая, какъ его герои ѣдятъ, спятъ, умываются, какъ царская дочь Навзикая полощетъ бѣлье на рѣчкѣ, —и все выходитъ прекраснымъ, какъ изъ рукъ Творца. Не все ли равно: унылые и уютные зимніе пейзажи русской деревни или цвѣтущіе острова Іоническаго моря?—оба художника смотрятъ на міръ дѣтскими, полными любопытства глазами. Для нихъ нѣтъ нашего раздѣленія на прозу и поэзію, на будни и праздники, на красивое и некрасивое. Все прекрасно, все необычайно: земля и небо какъ будто только-что созданы. И легкіе узоры мороза на стеклахъ, и веселыя сороки на дворѣ, и горы, устланныя блистательнымъ ковромъ зимы, и крестьянская лошадка, плетущаяся рысью, и ямщикъ въ тулупѣ, и мальчикъ, посадившій Жучку въ салазки,—все это даетъ ощущеніе такой *свѣжести*, такой *радости*, какія бываютъ только *въ первоначальномъ дѣтствѣ*. Въ поэзіи Пушкина и Гомера чувствуется спокойствіе природы. Здѣсь и вдохновеніе—не восторгъ, а послѣднее безмолвіе страсти, послѣдняя тишина сердца. Пушкинъ, какъ мыслитель, хорошо сознавалъ эту необходимость спокойствія во всякомъ творчествѣ, и эти слова, въ которыхъ онъ противополагаетъ вдохновеніе восторгу, можетъ быть, даютъ ключъ къ самому сердцу его музы: „Критикъ смѣшиваетъ вдохновеніе съ восторгомъ. Вдохновеніе есть расположеніе души къ живѣйшему принятію впечатлѣній и

соображенію понятій, слѣдственно, и объясненію оныхъ. Вдохновеніе нужно въ геометріи, какъ и въ поэзіи. Восторгъ исключаетъ спокойствіе, необходимое условіе прекраснаго. Восторгъ не предполагаетъ силы ума, располагающаго частями въ отношеніи къ цѣлому. Восторгъ непродолжителенъ, непостояненъ, слѣдовательно, не въ силахъ произвесть истинное, великое совершенство. Гомеръ неизмѣримо выше Пиндара. Ода стоитъ на низшихъ ступеняхъ творчества. Она исключаетъ постоянный трудъ, безъ коего нѣтъ истинно-великаго".

Въ XIX вѣкѣ, наканунѣ шопенгауэровскаго пессимизма, проповѣди усталости и буддійскаго отреченія отъ жизни, Пушкинъ въ своей простотѣ—явленіе единственное, почти невѣроятное. Въ наступающихъ сумеркахъ, когда лучшими людьми вѣка овладѣваетъ ужасъ передъ будущимъ и смертельная скорбь, *Пушкинъ одинъ преодолѣваетъ дисгармонію Байрона, достигаетъ самообладанія, вдохновенія безъ восторга и веселія въ мудрости—этого послѣдняго дара боговъ.*

Что смолкнулъ веселія гласъ?
Раздайтесь, вакхальны припѣвы!..
. . . . . .
Ты, солнце святое, гори!
Какъ эта лампада блѣднѣетъ
Предъ яснымъ восходомъ зари,
Такъ ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ
Предъ солнцемъ безсмертнымъ ума.
Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!

Вотъ *мудрость* Пушкина. Это—не аскетическое самоистязаніе, жажда мученичества, во что бы то ни стало, какъ у Достоевскаго; не покаянный плачъ о грѣхахъ передъ вѣчностью, какъ у Льва Толстого; не художественный нигилизмъ и нирвана въ красотѣ, какъ у Тургенева; *это—здравная пѣсня Вакху во славу жизни, вѣчное солнце, золотая мѣра вещей—красота.* Русская литература, которая и въ дѣйствительности вытекаетъ изъ Пушкина и сознательно считаетъ его своимъ родоначальникомъ, измѣнила главному его совѣту: „да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!" Какъ это странно! Начатая самымъ свѣтлымъ, самымъ жизнерадостнымъ изъ новыхъ геніевъ, русская поэзія сдѣлалась поэзіей мрака, самоистязанія, жалости, страха смерти. Шестидесяти лѣтъ не прошло со дня кончины Пушкина—

и все измѣнилось. Безнадежный мистицизмъ Лермонтова и Гоголя; самоуглубленіе Достоевскаго, похожее на бездонный, черный колодезь; бѣгство Тургенева отъ ужаса смерти въ красоту, бѣгство Льва Толстого отъ ужаса смерти въ жалость—только рядъ ступеней, по которымъ мы сходили все ниже и ниже, въ „страну тѣни смертной".

Такимъ онъ былъ и въ жизни: *простой, веселый*, менѣе всего походившій на суроваго проповѣдника или философа,—этотъ безпечный арзамасскій „Сверчокъ", „Искра",—маленькій, подвижный, съ безукоризненнымъ изяществомъ манеръ и сдержанностью свѣтскаго человѣка, съ негритянскимъ профилемъ, съ голубыми глазами, которые сразу мѣняли цвѣтъ, становились темными и глубокими въ минуты вдохновенья. Такимъ описываетъ его Смирнова. Тихія бесѣды Пушкинъ любитъ обрывать смѣхомъ, неожиданною шуткою, эпиграммою. Между двумя разговорами объ исторіи, религіи, философіи, всѣ члены маленькаго избраннаго общества веселятся, устраиваютъ импровизованный маскарадъ, бѣгаютъ, шалятъ, смѣются, какъ дѣти. И самый рѣзвый изъ нихъ, зачинщикъ самыхъ веселыхъ школьническихъ шалостей—Пушкинъ. Онъ всѣхъ заражаетъ смѣхомъ. „Въ тотъ вечеръ—записываетъ однажды Смирнова—Сверчокъ (т. е. Пушкинъ) такъ смѣялся, что Марья Савельевна, разливая чай, объявила ему, что когда будетъ умирать—для храбрости пошлетъ за нимъ".

Въ немъ нѣтъ и слѣда литературнаго педантизма и тщеславія, которымъ страдаютъ иногда и очень сильные таланты. *Пушкинъ всегда недоволенъ своими произведеніями:* онъ признается Смирновой, что всего прекраснѣе ему кажутся тѣ стихи, которые случается видѣть во снѣ и которыхъ невозможно запомнить. Онъ работаетъ надъ формой, гранитъ ее, какъ драгоцѣнный камень. Но, когда стихотвореніе кончено, не придаетъ ему особенной важности, мало заботится о томъ, что̀ скажутъ оцѣнщики. Искусство для него—вѣчная игра. Онъ лелѣетъ неуловимые звуки — неписанныя строки. Поверхностнымъ людямъ, привыкшимъ воображать себѣ генія въ торжественномъ ореолѣ, такое отношеніе къ искусству кажется легкомысленнымъ. Но людей, знающихъ умъ и сердце Пушкина, эта дѣтская простота очаровываетъ. „Пушкинъ прочиталъ намъ стихи,—говоритъ Смирнова,—которые я и

передамъ государю, когда они будутъ переписаны, а пока онъ кругомъ нарисовалъ чертиковъ и каррикатурные портреты. Я никого не встрѣчала, кто бы придавалъ себѣ меньшее значеніе. Онъ напишетъ образцовое произведеніе, а на поляхъ нарисуетъ чертенка и собственную каррикатуру въ видѣ негра въ память предка Ганнибала".

Этою веселостью проникнуты и сказки, подслушанныя поэтомъ у старой няни Арины, и письма къ женѣ, и эпиграммы, и посланія къ друзьямъ, и *Евгеній Онѣгинъ*. Нѣкоторые критики считали величайшій изъ русскихъ романовъ подражаніемъ байронову *Донъ-Жуану*. Несмотря на внѣшнее сходство формы, я не знаю произведеній болѣе отличныхъ другъ отъ друга по духу. *Веселая мудрость Пушкина не имѣетъ ничего общаго съ ѣдкою иронією Байрона.* Веселость Пушкина—лучезарная, играющая, какъ пѣна волнъ, изъ которыхъ вышла Афродита. Въ сравненіи съ нимъ, всѣ другіе поэты кажутся тяжкими и мрачными—онъ одинъ, свѣтлый и легкій, почти не касаясь земли, скользитъ по ней, какъ эллинскій богъ...

Онъ вѣчно тотъ же, вѣчно новый,
Онъ звуки льетъ—они кипятъ,
Они текутъ, они горятъ,
Какъ поцѣлуи молодые,
Всѣ въ нѣгѣ, въ пламени любви,
Какъ зашипѣвшаго аи
Струя и брызги золотые.

Пушкинъ не закрываетъ глазъ на уродство и пошлость обыкновенной жизни. Описавъ смерть Ленскаго, поэтъ задумывается надъ участью безвременно погибшаго романтика, котораго

Быть можетъ, на ступеняхъ свѣта
Ждала высокая ступень.

Но Пушкинъ никогда не кончаетъ лиризмомъ; тотчасъ же показываетъ онъ другую сторону жизни:

А можетъ быть и то: поэта
Обыкновенный ждалъ удѣлъ.

Этотъ ужасъ обыкновенной жизни русскій поэтъ переодолѣваетъ не брезгливымъ, холоднымъ презрѣніемъ, подобно Гёте, не желчной иронією, подобно Байрону, — а все тою же *свѣтлою мудростью, вдохновеніемъ безъ восторга, непобѣдимымъ веселіемъ*:

Такъ, полдень мой насталъ, и нужно
Мнѣ въ томъ сознаться, вижу я.
Но, такъ и быть, простимся дружно,
О, юность легкая моя!
Благодарю за наслажденья,
За грусть, за милыя мученья,
За шумъ, за бури, за пиры,
За всѣ, за всѣ твои дары
Благодарю тебя. Тобою
Среди тревогъ и въ тишинѣ
Я насладился... и вполнѣ, —
Довольно! Съ *ясною душою*
Пускаюсь нынѣ въ новый путь
Отъ жизни прошлой отдохнуть.

Вотъ какъ выражается то же настроеніе въ переводѣ на будничную прозу: „Опять хандришь—пишетъ онъ Плетневу изъ Царскаго Села въ 1831 году.—Эй, смотри: хандра хуже холеры, одна убиваетъ только тѣло, другая убиваетъ душу. Дельвигъ умеръ, Молчановъ умеръ; погоди, умретъ и Жуковскій, умремъ и мы. Но жизнь все еще богата; мы встрѣтимъ еще новыхъ знакомцевъ, новые созрѣютъ намъ друзья, дочь у тебя будетъ расти, выростетъ невѣстой. Мы будемъ старые хрычи, жены наши старыя хрычовки, а дѣтки будутъ славные, молодые, веселые ребята; мальчики будутъ повѣсничать, а дѣвчонки сентиментальничать, а намъто и любо. Вздоръ, душа моя... Были бы мы живы, будемъ когда-нибудь и веселы“.

Цѣна всякой человѣческой мудрости испытывается на отношеніи *къ смерти*.

Вотъ другой великій писатель. Всю жизнь отдалъ онъ одной цѣли. Дѣлалъ неимовѣрныя усилія надъ собой; надъ всѣми соблазнами міра, писалъ страшныя слова: „*Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ*“; разрушалъ всѣ милыя, легкія преграды жизни, чтобы заглянуть въ лицо смерти; подобно древнимъ аскетамъ, отрекался не только отъ мяса, вина, женщинъ, славы, денегъ, но и отъ искусства, науки, отечества, отъ всякой человѣческой дѣятельности, отъ всякаго движенія воли; заставилъ участвовать міръ въ своей агоніи. Сколько поколѣній заразилъ онъ своимъ ужасомъ, измучилъ своими терзаніями! И что же? Купилъ ли онъ евангельскую жемчужину? Побѣдилъ ли онъ смерть? Мы не знаемъ. Но каждый разъ, какъ онъ говоритъ людямъ: „вотъ мудрость, другой

нѣтъ,—не ищите; я успокоился, я не боюсь больше смерти, и вы не бойтесь"—каждый разъ, сквозь утѣшительныя слова, все яснѣе ощущается холодъ ужаса. Все безобразнѣе нечеловѣческій крикъ предсмертной агоніи Ивана Ильича. И, несмотря на всѣ успокоенія, евангельскія притчи, буддійскія кармы,—смерть, которую возвѣщаетъ онъ людямъ, становится все проще, все страшнѣе.

*Пушкинъ говоритъ о смерти спокойно*, какъ люди, близкіе къ природѣ, какъ древніе эллины и тѣ русскіе мужики, безстрашью которыхъ Толстой завидуетъ. „Правъ судьбы законъ. Все благо: бдѣнія и сна приходитъ часъ опредѣленный. Благословенъ и день заботъ, благословенъ и тьмы приходъ".

„Я много думаю о смерти", признается онъ Смирновой. Объ этомъ же говорится въ одномъ изъ лучшихъ его стихотвореній:

День каждый, каждую годину
Привыкъ я думой провожать,
Грядущей смерти годовщину
Межъ нихъ стараясь угадать.

Но постоянная дума о смерти не оставляетъ въ сердцѣ его горечи, не нарушаетъ ясности его души:

Пируйте же, пока еще мы тутъ,
Увы, нашъ кругъ часъ отъ часу рѣдѣетъ,
Кто въ гробѣ спитъ, кто дальный сиротѣетъ,
Судьба глядитъ; мы вянемъ; дни бѣгутъ;
Невидимо склоняясь и хладѣя,
Мы близимся къ началу своему.
. . . . . .
Покамѣстъ упивайтесь ею,
Сей легкой жизнію, друзья!..

*Онъ не жертвуетъ для смерти ничѣмъ живымъ*. Онъ любитъ красоту, и сама смерть плѣняетъ его „красою тихою, блистающей смиренно", какъ осени „унылая пора, очей очарованье". Онъ любитъ молодость, и молодость для него торжествуетъ надъ смертью:

Здравствуй, племя
Младое, незнакомое... Не я
Увижу твой могучій, поздній возрастъ,
Когда переростешь моихъ знакомцевъ
И старую главу ихъ заслонишь...

Онъ любитъ славу, и слава не кажется ему суетной, даже передъ безмолвіемъ вѣчности:

Безъ непримѣтнаго слѣда
Мнѣ было-бъ грустно міръ оставить.
Живу, пишу не для похвалъ,
Но я бы, кажется, желалъ
Печальный жребій свой прославить.
Чтобъ обо мнѣ, какъ вѣрный другъ,
Напомнилъ хоть единый звукъ.

Онъ любитъ родную землю:

И хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать,
Но ближе къ милому предѣлу
Мнѣ все-бъ хотѣлось почивать.

Онъ любитъ страданія, и въ этомъ его любовь къ жизни достигаетъ послѣдняго предѣла:

Но не хочу, о други, умирать:
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать.

Среди скорбящихъ, бьющихъ себя въ грудь, проклинающихъ, дрожащихъ передъ смертью, какъ будто изъ другого міра, изъ другого вѣка, доносится къ намъ божественное дыханіе пушкинскаго героизма и веселія:

И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.

Если предвѣстники будущаго Возрожденія, не обманываютъ насъ, то человѣческій духъ отъ старой, плачущей, перейдетъ къ этой новой *мудрости, ясности и простотѣ*, завѣщаннымъ искусству Гёте и Пушкинымъ.

*Д. Мережковскій.*

---

## Всемірная отзывчивость Пушкина и народность этой черты его генія.

(Въ Зап. Европѣ не было генія съ такой отзывчивостью.—Пушкинъ одинъ обладаетъ свойствомъ перевоплощаться вполнѣ въ чужую національность.—Образцы.—Внутренній смыслъ Петровской реформы.—Великая тайна, унесенная Пушкинымъ въ могилу).

Въ европейскихъ литературахъ были громадной величины художественные геніи—Шекспиры, Сервантесы, Шил-

леры. Но укажите хоть на одного изъ этихъ великихъ геніевъ, который бы обладалъ такою способностью всемірной отзывчивости, какъ нашъ Пушкинъ.

И эту-то способность, главнѣйшую способность нашей національности, онъ именно раздѣляетъ съ народомъ нашимъ, *и тѣмъ, главнѣйше, онъ и народный поэтъ.*

Самые величайшіе изъ европейскихъ поэтовъ никогда не могли воплотить въ себѣ съ такой силой геній чужого, сосѣдняго, можетъ быть, съ ними народа, духъ его, всю затаенную глубину этого духа и всю тоску его призванія, какъ могъ это проявлять Пушкинъ.

Напротивъ, обращаясь къ чужимъ народностямъ, европейскіе поэты чаще всего перевоплощали ихъ въ свою же національность и понимали по своему.

Даже у Шекспира его италіанцы, напримѣръ, почти сплошь тѣ же англичане.

Пушкинъ лишь *одинъ изо всѣхъ міровыхъ поэтовъ обладаетъ свойствомъ перевоплощаться вполнѣ въ чужую національность.* Вотъ сцены изъ *„Фауста“*, вотъ *„Скупой Рыцарь“* и баллада *„Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный“*. Перечтите *„Донъ-Жуана“*, и если бы не было подписи Пушкина, вы бы никогда не узнали, что это написалъ не испанецъ. Какіе глубокіе фантастическіе образы въ поэмѣ: *„Пиръ во время чумы!“* Но въ этихъ фантастическихъ образахъ слышенъ геній Англіи; эта чудесная пѣсня о чумѣ героя поэмы, эта пѣсня Мэри со стихами:

Нашихъ дѣтокъ въ шумной школѣ
Раздавались голоса,

это англійскія пѣсни, это тоска британскаго генія, его плачъ, его страдальческое предчувствіе своего грядущаго. Вспомните странные стихи:

Однажды странствуя среди долины дикой.

Это почти буквальное переложеніе первыхъ трехъ страницъ изъ странной мистической книги, написаной въ прозѣ, одного древняго англійскаго религіознаго сектатора,—но *развѣ это только переложеніе?*

Въ грустной и восторженной музыкѣ этихъ стиховъ чувствуется самая *душа сѣвернаго протестантизма*, англійскаго ересіарха, безбрежнаго мистика, съ его тупымъ, мрач-

нымъ и непреоборимымъ стремленіемъ и со всѣмъ безудержемъ мистическаго мечтанія.

Читая эти странные стихи, вамъ какъ бы слышется духъ вѣковъ реформаціи, вамъ понятенъ становится этотъ воинственный огонь начинавшагося протестантизма, понятна становится, наконецъ, самая исторія, и не мыслью только, а какъ будто вы сами тамъ были, прошли мимо вооруженнаго стана сектантовъ, пѣли съ ними ихъ гимны, плакали съ ними въ ихъ мистическихъ восторгахъ и вѣровали вмѣстѣ въ то, во что́ они повѣрили.

Кстати: вотъ съ этимъ религіознымъ мистицизмомъ религіозныя же строфы *изъ корана* или „Подражаніе корану“: *развѣ тутъ не мусульманинъ*, развѣ это не самый духъ корана и мечъ его, простодушная величавость вѣры и грозная кровавая сила ея?

А вотъ и древній міръ, вотъ „*Египетскія ночи*“, вотъ эти земные боги, сѣвшіе надъ народомъ своимъ богами, уже презирающіе геній народный и стремленія его, уже не вѣрящіе въ него болѣе.

Нѣтъ, положительно скажу, *не было поэта съ такою всемірною отзывчивостью, какъ Пушкинъ*, и не въ состояніи одной только отзывчивости тутъ дѣло, а *въ изумляющей глубинѣ ея, а въ перевоплощеніи своего духа въ духъ чужихъ народовъ*, — перевоплощеніи почти совершенномъ, а потому и чудесномъ, потому что нигдѣ ни въ какомъ поэтѣ цѣлаго міра такого явленія не повторилось.

Это только у Пушкина, и въ этомъ смыслѣ, повторяю, онъ,—*явленіе невиданное и неслыханное*, а по-нашему, *и пророческое*, ибо... *тутъ-то и выразилась наиболѣе его національная русская сила, выразилась именно народность его поэзіи, народность въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, народность нашего будущаго, таящагося уже въ настоящемъ, и выразилась пророчески.*

Ибо что такое сила духа русской народности, какъ не стремленіе ея въ конечныхъ цѣляхъ своихъ ко всемірности и ко всечеловѣчности? Ставъ вполнѣ народнымъ поэтомъ, Пушкинъ тотчасъ же, какъ только прикоснулся къ силѣ народной, такъ уже и предчувствуетъ великое грядущее назначеніе этой силы. Тутъ онъ угадчикъ, тутъ онъ пророкъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое для насъ Петровская ре-

форма, и не въ будущемъ только, а даже и въ томъ, что уже было, произошло, что уже явилось воочію? Что означала для насъ эта реформа? Вѣдь не была же она только для насъ усвоеніемъ европейскихъ костюмовъ, обычаевъ, изобрѣтеній и европейской науки. Вникнемъ, какъ дѣло было, поглядимъ пристальнѣе.

Да, очень можетъ быть, что Петръ первоначально только въ этомъ смыслѣ и началъ проводить ее, т.-е. въ смыслѣ ближайше-утилитарномъ, но впослѣдствіи, въ дальнѣйшемъ развитіи имъ своей идеи, Петръ несомнѣнно повиновался нѣкоторому затаенному чутью, которое влекло его въ его дѣлѣ къ цѣлямъ будущимъ, несомнѣнно огромнѣйшимъ, чѣмъ одинъ только ближайшій утилитаризмъ.

Такъ точно и русскій народъ не изъ одного только утилитаризма принялъ реформу, а несомнѣнно уже ощутивъ своимъ предчувствіемъ почти тотчасъ же нѣкоторую дальнѣйшую, несравненно болѣе высшую цѣль, чѣмъ ближайшій утилитаризмъ, — ощутивъ эту цѣль, опять-таки, конечно, повторяю это, безсознательно, но однако же и непосредственно, и вполнѣ жизненно. Вѣдь мы разомъ устремились тогда къ самому жизненному возсоединенію, къ единенію всечеловѣческому! Мы не враждебно (какъ, казалось, должно бы было случиться), а дружественно, съ полною любовью приняли въ душу нашу геній чужихъ націй, всѣхъ вмѣстѣ, не дѣлая преимущественныхъ племенныхъ различій, умѣя инстинктомъ, почти съ самаго перваго шагу, различать, снимать противорѣчія, извинять и примирять различія, а тѣмъ уже выказали готовность и наклонность нашу, намъ самимъ только-что объявившуюся и сказавшуюся, ко всеобщему общечеловѣческому возсоединенію со всѣми племенами великаго арійскаго рода.

Для настоящаго русскаго Европа и удѣлъ всего арійскаго племени такъ же дороги, какъ сама Россія, какъ и удѣлъ своей родной земли, потому что нашъ удѣлъ и есть всемірность, и не мечомъ пріобрѣтенная, а силой братства и братскаго стремленія нашего къ возсоединенію людей.

Впослѣдствіи, я вѣрю въ это, мы, т.-е., конечно, не мы, а будущіе грядущіе русскіе люди, поймутъ уже всѣ до единаго, что стать настоящимъ русскимъ и будетъ именно значить: стремиться внести примиреніе въ европейскія противо-

рѣчія уже окончательно, указать исходъ европейской тоскѣ въ своей русской душѣ, всечеловѣчной и всесоединяющей, вмѣстить въ нее съ братскою любовью всѣхъ нашихъ братьевъ, а, въ концѣ-концовъ, можетъ быть, и изречь окончательное слово, великой, общей гармоніи, братскаго окончательнаго согласія всѣхъ племенъ.

Пусть наша земля нищая, но эту нищую землю „въ рабскомъ видѣ исходилъ, благословляя, Христосъ“. Почему же намъ не вмѣстить послѣдняго?

По крайней мѣрѣ, мы уже можемъ указать *на Пушкина, на всемірность и всечеловѣчность его генія.* Вѣдь могъ же онъ вмѣстить чужіе геніи въ душѣ своей, какъ родные. Въ искусствѣ, по крайней мѣрѣ, въ художественномъ творчествѣ онъ проявилъ эту всемірность стремленія русскаго духа неоспоримо, а въ этомъ уже великое указаніе.

Если бы жилъ онъ дольше, можетъ-быть, явилъ бы, безсмертные и великіе образы души русской, уже понятные нашимъ европейскимъ братьямъ, привлекъ бы ихъ къ намъ гораздо болѣе и ближе, чѣмъ теперь; можетъ-быть, успѣлъ бы имъ разъяснить всю правду стремленій нашихъ, и они уже болѣе понимали бы насъ предугадывать, перестали бы на насъ смотрѣть столь недовѣрчиво и высокомѣрно, какъ теперь еще смотрятъ.

Жилъ бы Пушкинъ долѣе, то и между нами было бы, можетъ-быть, менѣе недоразумѣній и споровъ, чѣмъ видимъ теперь.

Но Богъ судилъ иначе.

Пушкинъ умеръ въ полномъ развитіи своихъ силъ и, безспорно, унесъ съ собою въ гробъ нѣкоторую великую тайну.

*Ѳ. М. Достоевскій.*

---

## „Руслань и Людмила“.

(Восторгъ и негодованіе современниковъ.—Причина энтузіазма: предчувствіе новаго міра творчества.—Безпричинность возмущенія.—Поэма—шалость сильнаго, еще незрѣлаго таланта).

Нельзя ни съ чѣмъ сравнить восторга и негодованія, возбужденныхъ первой поэмой Пушкина—„Русланъ и Людмила“. Слишкомъ немногимъ геніальнымъ твореніямъ уда-

валось производить столько шуму, сколько произвела эта дѣтская и нисколько не геніальная поэма. Поборники новаго увидѣли въ ней колоссальное произведеніе, и долго послѣ того величали они Пушкина забавнымъ титуломъ „пѣвца Руслана и Людмилы“. Представители другой крайности, слѣпые поклонники старины, были оскорблены и приведены въ ярость появленіемъ поэмы. Они увидѣли въ ней все, чего въ ней нѣтъ—чуть не безбожіе, и не увидѣли въ ней ничего изъ того, что̀ именно есть въ ней, то-есть хорошихъ, звучныхъ стиховъ, ума, эстетическаго вкуса и, мѣстами, проблесковъ поэзіи.

Причиной энтузіазма, возбужденнаго „Русланомъ и Людмилой“, было, конечно, и предчувствіе новаго міра творчества, который открывалъ Пушкинъ всѣми своими первыми произведеніями, но еще болѣе это было просто обольщеніе невиданной дотолѣ новинкой.

Какъ бы то ни было, но нельзя не понять и не одобрить такого восторга: русская литература не представляла ничего подобнаго „Руслану и Людмилѣ“. Въ этой поэмѣ все было ново: и стихи, и поэзія, и шутка, и сказочный характеръ вмѣстѣ съ серіозными картинами.

Но бѣшенаго негодованія, возбужденнаго сказкой Пушкина, нельзя было бы совсѣмъ понять, еслибъ мы не знали о существованіи старовѣровъ, дѣтей привычки. На что̀ озлились они? На нѣсколько вольныя картины въ эротическомъ духѣ?—Но они давно уже знакомы были съ ними черезъ Державина и въ особенности черезъ Богдановича... Притомъ же они никогда не ставили этихъ вольностей въ вину, напримѣръ, Аріосту, Парни, несмотря на то, что вольности въ „Русланѣ и Людмилѣ“—сама скромность, само цѣломудріе въ сравненіи съ вольностями этихъ писателей. Это были писатели старые: къ ихъ славѣ давно уже всѣ привыкли, и потому имъ было позволено то, о чемъ не позволялось и думать молодому поэту.

Забавнѣе всего, что „Душенька“ Богдановича была признаваема старовѣрами за произведеніе классическое, то-есть такое, которое уже выдержало пробу времени и высокое достоинство котораго уже не подвержено никакому сомнѣнію. Судя по этому, имъ-то бы и надобно было особенно восхититься поэмой Пушкина, которая во всѣхъ от-

ношеніяхъ была неизмѣримо выше „Душеньки“ Богдановича. Стихъ Богдановича прозаиченъ, вялъ, водянъ, языкъ обветшалый и сверхъ того до-нельзя искаженный такъ называвшимися тогда „пінтическими вольностями“; поэзіи почти нисколько; картины блѣдны, сухи. Словомъ, несмотря на всю незначительность „Руслана и Людмилы“, какъ художественнаго произведенія, смѣшно было бы доказывать неизмѣримое превосходство этой поэмы передъ „Душенькой“.

Сверхъ того, она навѣяна была на Пушкина Аріостомъ, и русскаго въ ней, кромѣ именъ, нѣтъ ничего; романтизма, столь ненавистнаго тогдашнимъ словесникамъ, въ ней тоже нѣтъ ни искорки; романтизмъ даже осмѣянъ въ ней, и очень мило, и остроумно, въ забавной выходкѣ противъ „Двѣнадцати спящихъ дѣвъ“. Короче: поэма Пушкина должна была составить торжество псевдо-классической партіи того времени. Критики-старовѣры особенно оскорбились въ „Русланѣ и Людмилѣ“ тѣмъ, что̀ показалось имъ въ этой поэмѣ колоритомъ мѣстности и своевременности въ отношеніи къ ея содержанію. Но именно этого-то совсѣмъ и нѣтъ въ сказкѣ Пушкина: въ ней русскаго—одни только имена, да и то не всѣ. И этого руссизма нѣтъ такъ же и въ содержаніи, какъ и въ выраженіи поэмы Пушкина. Очевидно, что она—плодъ чуждаго вліянія и скорѣе пародія на Аріоста, чѣмъ подражаніе ему, потому что надѣлать нѣмецкихъ рыцарей изъ русскихъ богатырей и витязей—значитъ исказить равно и нѣмецкую, и русскую дѣйствительность.

О прологѣ къ „Руслану и Людмилѣ“ дѣйствительно можно сказать: „Тутъ русскій духъ, тутъ Русью пахнетъ“; но этотъ прологъ явился только при второмъ изданіи поэмы, то-есть черезъ восемь лѣтъ послѣ перваго ея изданія, стало-быть,—тогда, когда Пушкинъ уже настоящимъ образомъ вникъ въ духъ народной русской поэзіи.

Первые семнадцать стиховъ, которыми начинается „Русланъ и Людмила“, отъ стиха „Дѣла давно минувшихъ дней“ до стиха „Низко кланяюсь гостямъ“, дѣйствительно „пахнутъ Русью“, но ими начинается и ими же кончается *русскій духъ* всей этой поэмы; больше въ ней его слыхомъ не слыхать, видомъ не видать.

Какъ бы то ни было, только поэма эта—шалость сильнаго, еще незрѣлаго таланта, который, кипя жаждой дѣя-

тельности, схватился безъ разбору за первый предметъ, мысль о которомъ какъ-то промелькнула передъ нимъ въ веселый часъ. Весь тонъ поэмы—шуточный. Поэтъ не принимаетъ никакого участія въ созданныхъ его фантазіей лицахъ. Онъ просто чертилъ арабески и потѣшался ихъ забавной странностью. Оттого, какъ самъ Пушкинъ справедливо замѣчалъ впослѣдствіи, она холодна. Въ самомъ дѣлѣ, въ ней много граціи, игривости, остроумія; есть живость, движеніе и еще больше блеска, но очень мало жара. Въ эпизодѣ о Финнѣ проглядываетъ чувство; оно вспыхиваетъ на минуту въ воззваніи Руслана къ усѣянному костьми полю, но это воззваніе оканчивается нѣсколько риторически. Все остальное—холодно.

Восторги, возбужденные „Русланомъ и Людмилой“, равно какъ и необыкновенный успѣхъ этой поэмы, несмотря на всю *дѣтскость* ея достоинствъ, гораздо естественнѣе и понятнѣе, чѣмъ яростныя нападки на нее критиковъ-сатириковъ. Не говоря уже о томъ, что всякая удачная новость ослѣпляетъ глаза, въ „Русланѣ и Людмилѣ“ русская поэзія дѣйствительно сдѣлала огромный шагъ впередъ, особенно со стороны технической. Всѣ восхищались ея прекраснымъ языкомъ, стихами, всегда легкими и звучными, а иногда и истинно-поэтическими, граціозной шуткой, разсказомъ плавнымъ, увлекательнымъ, живымъ и быстрымъ, всей этой игривой затѣйливостью, шаловливостью и причудливостью арабесковъ въ характерахъ и событіяхъ, и никому не приходило въ голову требовать отъ этой поэмы народности, къ которой обязывало ея заглавіе и самое содержаніе, естественности, поэтической мысли, вполнѣ художественной отдѣлки. Образца для нея не было на русскомъ языкѣ, а если и были прежде попытки въ этомъ родѣ, то такія ничтожныя, что сравненіе съ ними не могло бы сбавить цѣны съ „Руслана и Людмилы“.

Эпилогъ къ „Руслану и Людмилѣ“ исполненъ элегической поэзіи; но, какъ и прологъ къ этой же поэмѣ, онъ, если не ошибаемся, былъ написанъ послѣ нея; при ней же явился только по второмъ ея изданіи, въ 1828 году.

*В. Г. Бѣлинскій.*

## „Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ".

(Лѣтописный разсказъ.—Содержаніе баллады.—Сѣдая глубина русской исторіи.—Языкъ произведенія.—Типъ волхва).

Въ основу баллады положенъ лѣтописный разсказъ о смерти Олега, который, согласно съ предсказаніемъ кудесника, умеръ, укушенный змѣей, свившей себѣ гнѣздо въ черепѣ его любимаго коня. Незамысловатый, простой и нѣсколько глухой разсказъ Пушкинъ сумѣлъ воплотить въ прекрасныхъ образахъ, чрезвычайно художественно и вѣрно въ бытовомъ отношеніи.

Олегъ отправлялся въ походъ противъ хозаръ, которые произвели буйный набѣгъ на русскую землю. Должно быть, набѣгъ былъ ужъ очень опустошительный, потому что Олегъ горѣлъ желаніемъ мести и клялся не оставить камня на камнѣ во всей землѣ хозарской.

Когда дружина подъѣзжала къ лѣсу, ей на встрѣчу вышелъ изъ лѣсу старикъ-кудесникъ, обладающій способностью проницать будущее, такъ какъ Перунъ отмѣтилъ его своимъ духомъ и часто ниспосылалъ на него вдохновеніе.

Олегъ ѣхалъ драться не на жизнь, а на смерть,—естественно, ему хотѣлось узнать свою судьбу: суждено ли ему вернуться домой или онъ падетъ на полѣ битвы, на радость своимъ врагамъ.

Онъ остановился и попросилъ кудесника высказать ему всю правду, безъ утайки, не боясь его, и, чтобы ободрить его, обѣщалъ ему въ награду лучшаго своего коня.

Но волхвъ оскорбился тѣмъ, что Олегъ могъ предположить, чтобы волхвы боялись кого бы то ни было, хотя бы даже Вѣщаго Олега, и скрывали правду. Онъ говорилъ, что волхвы разсказываютъ только то, что внушаютъ имъ боги, а потому ихъ вѣщій языкъ всегда правдивъ и свободенъ. Хотя будущее сокрыто отъ глазъ человѣческихъ, но волхвъ вдохновеннымъ окомъ можетъ проникнуть въ его тайны и снять завѣсу съ невѣдомаго.

Кудесникъ предсказывалъ Олегу блестящую судьбу. Онъ говорилъ, что Олегу предстоитъ совершить еще много подвиговъ, и обѣщалъ ему, что его щитъ будетъ красоваться на вратахъ Цареграда. Враги будутъ зеленѣть отъ

зависти, но Олегу не надо ничего бояться: онъ не умретъ насильственной смертью: волны не дерзнутъ его коснуться, стрѣлы въ бою будутъ миновать его голову и даже кинжалъ измѣнника не подымется на него. У него есть и добрый другъ, — конь, который легко переноситъ всѣ трудности военнаго времени и не разстается со своимъ хозяиномъ. Но этотъ конь будетъ причиной его смерти.

Заключеніе было неожиданное, и на губахъ Олега невольно скользнула усмѣшка. Но онъ вскорѣ одумался: вѣдь это говорилъ кудесникъ, а кудеснику нельзя не вѣрить. Тѣнь покрыла лицо Олега. Печальный и грустный, онъ сошелъ съ коня и, трогательно попрощавшись съ нимъ, передалъ его слугамъ, приказывая по прежнему холить и кормить его до самой смерти.

Прошло много времени. Олегъ пировалъ съ посѣдѣвшей дружиной.

При звонѣ веселомъ стакана
Они поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

Во время разговора Олегъ естественно вспомнилъ о своемъ любимомъ конѣ и полюбопытствовалъ, что съ нимъ. Но конь ужъ давно покоился непробуднымъ сномъ.

Олегъ съ упрекомъ помянулъ кудесника, вслѣдствіе лживаго показанія котораго долженъ былъ разстаться съ любимымъ конемъ. И ему захотѣлось послѣдній разъ взглянуть на кости коня.

Вся дружина отправилась на берегъ Днѣпра. Грустное чувство наполнило сердце Олега при видѣ костей своего вѣрнаго друга, при мысли, что его другу не суждено было обагрить своей кровью прахъ своего хозяина.

Онъ молвилъ: спи, другъ одинокій!
Твой старый хозяинъ тебя пережилъ;
На тризнѣ, уже недалекой,
Не ты подъ сѣкирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прахъ напоишь!

Съ ѣдкой ироніей онъ снова помянулъ предсказаніе волхва:

Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя!
Мнѣ смертію кость угрожала!

Пока онъ говорилъ, изъ черепа коня выползла змѣя и, обвившись вокругъ ногъ князя, смертельно укусила его.

Баллада оканчивается описаніемъ тризны надъ могилой Олега.

Ковши круговые, запѣнясь, шипятъ
На тризнѣ плачевной Олега:
Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ;
Дружина пируетъ у брега;
Бойцы поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

Читая балладу Пушкина, уносишься мыслью въ сѣдую глубину русской исторіи. Забываешь, что читаешь, и кажется, что видишь передъ собой живыя лица, живыя сцены,—видишь и лѣсъ, и дружину, и Олега, и поле, залитое солнцемъ, и великаго старца, вдохновеннаго Перуномъ... До того проникся Пушкинъ духомъ русской старины, такую художественную картину представилъ онъ своей вдохновенной кистью, картину, которая въ малѣйшихъ деталяхъ сходна съ исторической вѣроятностью.

И языкъ баллады усиливаетъ иллюзію. Ровная, эпически-спокойная рѣчь плавно льется изъ устъ безстрастнаго пѣвца, создавая безыскуственные образы, прелестные по своей законченности и простотѣ.

Типъ свободнаго и вдохновеннаго волхва, чувствующаго свое призваніе и сознающаго свою силу, и типъ князя-дружинника, безстрашнаго рубаки, согрѣтаго чертою добродушія,—можно отнести къ тѣмъ прекраснымъ историческимъ типамъ, которые Пушкинъ создалъ въ своей знаменитой драмѣ „Борисъ Годуновъ“.

*Н. Г. Григорьевъ.*

## Элегіи Пушкина.

### „Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ“.

(Мрачныя предчувствія, неотступно преслѣдующія поэта.—Мысли о смерти.—Примиреніе съ неизбѣжностью преждевременнаго конца.—Свѣтлая грусть).

Поэта неотступно преслѣдуютъ мрачныя предчувствія. Гдѣ бы онъ ни находился: на шумной улицѣ, среди снующаго народа, въ храмѣ между молящимися, даже въ обществѣ юношей, беззавѣтно отдающихся веселью,—онъ занятъ своими невеселыми мыслями.

Думаетъ онъ о преждевременной смерти. Поэтъ сознаетъ, что всѣ люди, которыхъ онъ видитъ вокругъ себя, рано или поздно должны умереть. Можетъ быть, нежданная гостья уже подстерегаетъ кого-нибудь изъ нихъ, и его послѣдній часъ пробьетъ.

Разные предметы напоминаютъ поэту о преждевременномъ концѣ. Видъ цвѣтущаго дуба, который можетъ служить символомъ безсмертія, наводитъ его на мысль о томъ, что могучее дерево, пережившее его дѣдовъ и отцовъ,— переживетъ и его. Лаская ребенка, у котораго будущее еще впереди, онъ невольно приходитъ въ уныніе: въ его душѣ тотчасъ зарождается мысль, что онъ долженъ уступить свое мѣсто въ мірѣ этому милому ребенку, этотъ ребенокъ напоминаетъ ему, что онъ уже отжилъ, что ему „время тлѣть“.

Поэтъ глубоко убѣжденъ, что тяжелыя предчувствія его не обманываютъ. Онъ хотѣлъ бы только предузнать подробности близкой своей кончины: въ какой день онъ умретъ и какого рода смертью. Убьютъ ли его на войнѣ, умретъ ли онъ на чужбинѣ, утонетъ ли во время путешествія, или почіетъ на родинѣ, въ родной долинѣ.

Вполнѣ сознавая, что бездыханному тѣлу безразлично, гдѣ разлагаться, поэтъ однако выражаетъ желаніе, чтобы его похоронили на родинѣ, ему кажется, что „ближе къ милому предѣлу“ его останкамъ будетъ пріятнѣе покоиться.

Въ заключительной строфѣ поэтъ выражаетъ примиреніе съ жизнью. Онъ находитъ утѣшеніе въ мысли, что его преждевременная смерть не внесетъ какого-нибудь разлада ни въ жизнь людей, ни въ жизнь природы. Гармонія не будетъ нарушена. Быть можетъ, представители юнаго поколѣнія будутъ безпечно рѣзвиться на его могилѣ, не зная, что въ ней покоится безвременно умершій поэтъ. А природа будетъ по-прежнему блистать своей красотой, равнодушно относясь къ смерти поэта, быть можетъ, даже не замѣтивъ ея.

Элегія замѣчательна по искренности своего чувства, по простотѣ содержанія. Пушкинъ изображалъ только то, что самъ чувствовалъ, самъ переживалъ. Изъ разсказовъ современниковъ мы знаемъ, что поэта дѣйствительно преслѣдовали мрачныя предчувствія, и онъ ни минуты не

сомнѣвался, что умретъ во цвѣтѣ лѣтъ. „Брожу ли я...“— звукъ вырвавшійся изъ глубины души, и поэтому проникнутый глубокимъ элегическимъ чувствомъ тихой грусти, грусти чистаго и добраго сердца...

Но эта грусть не доходитъ до безнадежности. Пушкинъ находитъ примиреніе съ жизнью, и при томъ въ сферѣ земныхъ интересовъ.

## „Вновь я посѣтилъ“...

(Посѣщеніе родного села.—Воспоминанія.—Няня.—Видъ съ лѣсистаго холма.—Три сосны.—Чувство грусти при мысли о смерти и утѣшеніе въ мысли о юномъ потомкѣ.—Неподкупная искренность чувства и правдивость.—Художественность сѣренькаго деревенскаго пейзажа).

Въ 1835 году Пушкинъ посѣтилъ село Михайловское, и тамъ написалъ послѣднее стихотвореніе, посвященное изображенію дорогого для него уголка.

10 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ поэтъ въ опалѣ посвятилъ два года своему самоусовершенствованію, развитію своего таланта. Многое перемѣнилось съ тѣхъ поръ въ Михайловскомъ, значительно перемѣнился и поэтъ. Но онъ сохранилъ самыя нѣжныя чувства къ дорогому селу. Онъ съ видимой любовью описываетъ его красоту. Тотъ же опальный домикъ жмется между многочисленными рощами, но не слышно въ немъ тяжелыхъ шаговъ старушки-няни, единственнаго вѣрнаго друга поэта. „Бѣдная няня“, вспоминаетъ поэтъ. Нечего говорить, что ему страстно хотѣлось бы почувствовать ея присутствіе за знакомой стѣной, гдѣ она, какъ заботливая хозяйка, смотрѣла за порядкомъ, приводила все въ порядокъ. Но ея нѣтъ...

Съ лѣсистаго холма открывается тотъ же видъ. Часто сиживалъ поэтъ на этомъ холмѣ и, любуясь зеркальною гладью озера, вспоминалъ съ грустью

Иные берега, иныя волны,

берега Чернаго моря, волны Чернаго моря, бурнаго, страстнаго, какъ самъ югъ... Озеро затерялось среди полей и луговъ. Изрѣдка качается на его волнахъ утлая лодченка, и рыбакъ тянетъ за собою убогій неводъ. По берегамъ картинно разсѣлись деревни, и ветхая мельница, покривившись отъ старости, опустила въ безсиліи крылья...

А тамъ, гдѣ кончаются владѣнія поэта, по дорогѣ въ Тригорское, стоятъ три сосны, которыя всегда такъ ласково привѣтствовали поэта, кивая своими зелеными верхушками, когда онъ проѣзжалъ мимо нихъ при свѣтѣ лунной ночи.

Сосны наслаждаются „семейнымъ счастьемъ“; вокругъ двухъ изъ нихъ разрослась красивая зеленая роща, и только третья угрюмо высится вдали отъ веселой семьи.

Поэтъ привѣтствуетъ юныя поросли и съ чувствомъ глубокой грусти говоритъ о томъ, что ему не суждено увидѣть ихъ пышнаго расцвѣта:

Здравствуй, племя,
Младое, незнакомое! *Не я*
*Увижу твой могучій поздній возрастъ*,
Когда перерастешь моихъ знакомцевъ
И старую главу ихъ заслонишь
Отъ глазъ прохожаго.

Однако, онъ находитъ утѣшеніе въ мысли о юномъ потомкѣ, который, подобно ему проходя мимо сосенъ, услышитъ ихъ привѣтный шумъ, и вспомнитъ о своемъ дѣдѣ, по ассоціаціи представленій:

Но пусть мой внукъ
Услышитъ вашъ привѣтный шумъ, когда
Съ пріятельской пирушки возвращаясь,
Веселыхъ и пріятныхъ мыслей полнъ,
Пройдетъ онъ мимо васъ во мракѣ ночи
И обо мнѣ вспомянетъ...

И это стихотвореніе носитъ характеръ лучшихъ элегій Пушкина. Оно дышетъ неподкупной искренностью чувства и правдивостью. Картина Михайловскаго и его окрестностей отличается вѣрностью дѣйствительности. Свободной кистью Пушкинъ набросалъ красоты своего любимаго уголка. Языкомъ, простымъ до того, что проще быть не можетъ, онъ говоритъ о предметахъ самыхъ простыхъ, въ родѣ опальнаго домика, невѣдомаго озера, котораго ни въ какой географіи не найдешь, ветхой мельницы съ безсильно опущенными крыльями. Однако, предъ глазами читателя встаетъ во всѣхъ деталяхъ простая, но прелестная по своей простотѣ картина, съ озеромъ и деревнями на заднемъ планѣ, и маленькимъ домикомъ въ центрѣ, *маленькимъ*, но *знаменитымъ*... Бѣлые стихи, которыми написана элегія,

вольное, но безыскусственное расположеніе словъ, и плавная, „быстро текущая“ рѣчь, поистинѣ „крылатая“, еще болѣе усиливаетъ иллюзію. Кажется, ощущаешь сѣренькій деревенскій пейзажъ съ мягкими тонами, которые ласкаютъ глазъ и вызываютъ въ наблюдателѣ чувство тихой грусти, свѣтлой грусти.

## „26 мая 1828 года“ и „Въ часы забавъ иль праздной скуки“.

(Грусть въ день рожденія.—Итогъ всей прожитой жизни.—Боль и сожалѣнія.—1828-й г. въ жизни поэта.—Тяжелая горечь.—Мрачный, пессимистическій взглядъ на жизнь.—Сомнѣніе въ цѣлесообразности человѣческой жизни.—Поэтъ тяготится своимъ существованіемъ.—Отвѣтъ Филарета.—„Стансы“, въ которыхъ Пушкинъ отказывается отъ мыслей, выраженныхъ выше).

26 мая 1828 года, въ день своего рожденія, Пушкинъ написалъ элегію, надъ которой и выставилъ вмѣсто заглавія означенную дату. Въ день своего рожденія Пушкинъ всегда испытывалъ какую-то грусть. Въ этотъ день онъ подводилъ итогъ всей прожитой жизни, съ болью сознавалъ свои промахи, сожалѣлъ о многихъ безцѣльно прожитыхъ дняхъ, о рухнувшихъ надеждахъ, мечтахъ и планахъ. 1828-й годъ, какъ можно судить по произведеніямъ Пушкина, относящихся къ этому періоду, былъ самымъ тяжелымъ годомъ въ жизни поэта. Поэтъ тяготился жизнью и сознательно подставлялъ голову подъ черкесскія дула, нарываясь на шальную пулю. Элегія „26 мая“ служитъ выразительницей той горечи, которая накопилась въ душѣ поэта, той тоски, которая подавляла его своей тяжестью.

Въ этой элегіи Пушкинъ выражаетъ *мрачный, пессимистическій взглядъ на жизнь*. Онъ подвергаетъ сомнѣнію цѣлесообразность человѣческой жизни. Онъ не понимаетъ, какая необходимость въ томъ, что онъ живетъ, разъ его жизнь сплошная мука, разъ его мучатъ и терзаютъ страсти, и сомнѣнія доводятъ до изнеможенія. И жизнь его тяготитъ. Онъ не видитъ предъ собою цѣли. Въ его сердцѣ царитъ ужасающая пустота.

Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
Иль зачѣмъ судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества воззвалъ,
Душу мнѣ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ?..
Цѣли нѣтъ передо мною,
Сердце пусто, празденъ умъ,
И томитъ меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ.

На эту элегію патріархъ Филаретъ отозвался стихотвореніемъ, въ которомъ постарался отвѣтить на всѣ поставленные Пушкинымъ вопросы. Нравственное обновленіе можно найти въ одной лишь чистой вѣрѣ.

Митрополиту Филарету Пушкинъ, въ свою очередь, отвѣтилъ „стансами“, въ которыхъ выражаетъ ему горячую благодарность за духовную поддержку.

Поэтъ обсуждаетъ всѣ прежнія свои стихотворенія, въ которыхъ высказывалъ незрѣлыя мысли. Эти стихотворенія, говоритъ онъ, написаны „въ часы забавъ иль праздной скуки“, и являются плодомъ „безумства, лѣни и страстей“. Онъ рѣшительно отказывается отъ мыслей, выраженныхъ въ элегіи „26 мая 1828 года“. Въ этой элегіи „лукавая струна издала тонъ невѣрный“. Рѣчи митрополита Филарета онъ называетъ звуками арфы серафима и говоритъ, что внемлетъ имъ въ священномъ ужасѣ. Ихъ очистительнымъ огнемъ опаляется его душа, и буйныя мечты смиряются.

„Стансы“ имѣютъ весьма большое значеніе и для характеристики Пушкина. Въ нихъ поражаетъ откровенность Пушкина, честность и правдивость его прямой, простой, чисто-русской души. Пушкинъ не становится на дыбы, не обижается на отвѣтъ митрополита. Онъ сознается въ своемъ заблужденіи, осуждаетъ стихотвореніе, въ которомъ излилась его душа.

Это стихотвореніе нужно отнести къ лучшимъ произведеніямъ Пушкина—и по глубинѣ чувства, и по чарующей прелести выраженій. Все стихотвореніе носитъ такой-то особый оригинальный отпечатокъ, залито свѣтомъ восточной поэзіи, дышетъ высшей духовной красотой. Эти сильные, смѣлые эпитеты, и выраженія какъ „изнѣженные звуки“, „лукавая струна“, „елей благоуханныхъ словъ“, „кроткая и любовная сила“, „мракъ земныхъ суетъ“—эти неожиданные

обороты, полные душевнаго покоя и граціи глубокой души производятъ на читателя радостное впечатлѣніе, впечатлѣніе майскаго дня, высокаго солнца, впечатлѣніе божественной картины Рафаэля, прекраснаго гимна Давида.

*Н. Г. Григорьевъ.*

---

## Вѣчная противоположность культурнаго и первобытнаго человѣка, какъ одинъ изъ основныхъ мотивовъ поэзіи Пушкина.

(„Кавказскій плѣнникъ". — „Цыганы".—„Галубъ".—„Евгеній Онѣгинъ").

Пушкинъ первый изъ міровыхъ поэтовъ съ такою силою и страстностью выразилъ *вѣчную противоположность* культурнаго и первобытнаго человѣка.

Впервые коснулся Пушкинъ этого мотива въ *„Кавказскомъ Плѣнникѣ"*. Плѣнникъ — первообразъ Алеко, Евгенія Онѣгина, Печорина — русскихъ представителей міровой скорби:

Людей и свѣтъ извѣдалъ онъ
И зналъ невѣрной жизни цѣну.
Въ сердцахъ друзей нашедъ измѣну,
Въ мечтахъ любви—безумный сонъ,
Наскучивъ жертвой быть привычной
Давно презрѣнной суеты,
И непріязни двуязычной,
И простодушной клеветы,
Отступникъ свѣта, другъ природы,
Покинулъ онъ родной предѣлъ
И въ край далекій полетѣлъ
Съ веселымъ призракомъ свободы.
Свобода! онъ одной тебя
Еще искалъ въ подлунномъ мірѣ.

Это безсиліе *желать и любить, соединенное съ неутолимой жаждой свободы и простоты*, — истощеніе самыхъ родниковъ жизни, окаменѣніе сердца, *есть не что иное, какъ знакомая намъ болѣзнь культуры, проклятье людей, слишкомъ далеко отошедшихъ отъ природы.* Плѣнникъ, можетъ быть, и хотѣлъ бы, но уже не умѣетъ раздѣлить съ дикой черкешенкой ея простую любовь, такъ же какъ Евгеній Онѣгинъ не умѣетъ отвѣтить на дѣвственную любовь Татьяны, какъ Алеко не понимаетъ первобытной мудрости стараго цыгана.

Недугъ, порождаемый условностями человѣческаго общежитія, еще болѣе выясняется *по контрасту съ простотою жизни дикарей*, причемъ поэтъ *не идеализируетъ* кавказскихъ горцевъ.

Они—кровожадны, горды, хищны, коварны, гостепріимны, великодушны:—таковы, какъ окружающая ихъ, страшная и щедрая природа.

Философскій и драматическій мотивъ въ „*Цыганахъ*“ тотъ же, какъ и въ „*Кавказскомъ Плѣнникѣ*“. За тѣмъ же „веселымъ призракомъ свободы“ бѣжитъ Алеко въ дикій таборъ цыганъ изъ тюрьмы современной культуры:

Презрѣвъ оковы просвѣщенья,
Алеко волепъ, какъ они;
Онъ безъ заботъ и сожалѣнья
Ведетъ кочующіе дни...

Картины жизни въ мирныхъ степяхъ Бессарабіи не похожи на воинственный бытъ горцевъ, но прелесть дикой воли та же.

Вотъ какъ убаюкиваетъ Алеко своего сына:

Останься посреди степей:
Безмолвны здѣсь предразсужденья
И нѣтъ ихъ ранняго гоненья
Надъ дикой люлькою твоей...
Подъ сѣнью мирнаго забвенья
Пускай цыгана бѣдный внукъ
Не знаетъ нѣгъ и пресыщенья
*И пышной суеты наукъ.*

Культурный человѣкъ *воображаетъ, что можетъ вернуться къ первобытной простотѣ*, къ беззаботной жизни Божьей птички, которая „хлопотливо не свиваетъ долговѣчнаго гнѣзда“. *Онъ обманываетъ себя, не видитъ или не хочетъ видѣть непереступной бездны, отдѣляющей его отъ природы.* Мечтатель только тѣшитъ себя, только играетъ въ свободу съ дикарями.

Подобно птичкѣ беззаботной,
И онъ, изгнанникъ перелетный,
Гнѣзда надежнаго не зналъ
И ни къ чему не привыкалъ...

*Ошибка Алеко заключается въ томъ, что онъ отрекся лишь отъ внѣшнихъ, поверхностныхъ формъ культуры, а не*

*отъ внутреннихъ ея основъ*. Онъ надѣется, что страсти культурнаго человѣка въ немъ умерли, но онѣ только дремлютъ:

Онѣ проснутся: погоди!

Вотъ какъ судитъ Алеко ту жизнь, отъ которой бѣжалъ:

О чемъ жалѣть? Когда бъ ты знала,
Когда бы ты воображала
Неволю душныхъ городовъ!
Тамъ люди въ кучахъ, за оградой,
Не дышатъ утренней прохладой,
Ни вешнимъ запахомъ луговъ.
Любви стыдятся, мысли гонятъ,
Торгуютъ волею своей,
Главы предъ идолами клонятъ
И просятъ денегъ да цѣпей.

Въ негодованіи Алеко слишкомъ *много страстнаго порыва*, слишкомъ *мало спокойной мудрости*—единственнаго, что возвращаетъ людей къ ихъ божественной природѣ. Отецъ Земфиры—старый пыганъ—обладаетъ этой мудростью.

Но Алеко ужаснулся бы бездны, отдѣляющей его отъ природы, если бы могъ понять стараго цыгана, для котораго *нѣтъ добра и зла, нѣтъ позволеннаго и запрещеннаго*.

Любовь женщины кажется этому естественному философу высшимъ проявленіемъ свободы.

Алеко смотритъ на любовь, *какъ на законъ*, какъ на право одного человѣка обладать нераздѣльно тѣломъ и душою другого. Любовь для него—бракъ.

Для стараго цыгана и Земфиры любовь—такая же прихоть сердца, неподчиненная никакимъ законамъ, какъ вдохновеніе дикой пѣсни, голосъ которой „подобенъ шуму водъ“.

Алеко не выноситъ свободы—обнаженной правды въ любви. Цыганъ жалѣетъ Алеко, но не можетъ скрыть отъ него, что одобряетъ Земфиру, которая измѣнила мужу и выбрала себѣ любовника, *по прихоти сердца, по единственному верховному закону любви*. Любовь—игра, случай, стихійный произволъ. Какая можетъ быть въ ней вѣрность и ревность, какое добро и зло—когда *все упоеніе любви заключается въ томъ, что она внѣ добра и зла?*

Кто мѣсто въ небѣ ей (лунѣ) укажетъ,
Промолвя: тамъ остановись!

Кто сердцу юной дѣвы скажетъ:
Люби одно, не измѣнись!

Эта послѣдняя свобода приводитъ къ послѣднему *всепрощенію*.

Алеко—культура и язычество; старый цыганъ—природа и *милосердіе*.

Къ чему? Вольнѣе птицы младость.
Кто въ силахъ удержать любовь?
Чредою всѣмъ дается радость;
Что было, то не будетъ вновь.

„Я не таковъ,—отвѣчаетъ Алеко дикарю,—нѣтъ, я, не споря, *отъ правъ* моихъ не откажусь“.

Во имя этого права и закона въ любви, которые онъ называетъ честью и вѣрностью, Алеко совершаетъ злодѣяніе. Быть можетъ, во всей русской литературѣ не сказано ничего болѣе глубокаго объ отношеніи первобытнаго и современнаго человѣка, объ отношеніи культуры и природы, чѣмъ немногія слова, которыя старый цыганъ произноситъ, прощаясь съ Алеко:

Оставь насъ, гордый человѣкъ!
Мы дики, нѣтъ у насъ законовъ,
Мы не терзаемъ, не казнимъ,
Не нужно крови намъ и стоновъ,
Но жить съ убійцемъ не хотимъ.
Ты не рожденъ для дикой доли,
Ты для себя лишь хочешь воли;
Ужасенъ намъ твой будетъ гласъ:
Мы робки и добры душою,
Ты золъ и смѣлъ—оставь же насъ;
Прости! да будетъ миръ съ тобою.

И таборъ опять подымается шумною толпою, и „скоро все въ дали степной сокрылось“. „Пронзенный гибельнымъ свинцомъ, одинъ печально остается, повиснувъ раненымъ крыломъ“. Это—бѣдный Алеко, *современный человѣкъ, возненавидѣвшій темницу общежитія не имѣющій силы вернуться къ природѣ*.

Въ „*Галубѣ*“ Пушкинъ возвратился къ той же темѣ. Теперь *въ первобытной жизни*, которая нѣкогда противополагалась европейской культурѣ, какъ нѣчто единое, *поэтъ изображаетъ глубокій разладъ*, присутствіе непримиримо борющихся нравственныхъ теченій. Жестокость магометанина Галуба вытекаетъ изъ того же понятія о правѣ, какъ и же-

стокость Алеко. Оба они говорятъ тѣми же словами о кровавомъ долгѣ, о мщеніи:

Ты долга крови не забылъ...

Галубъ считаетъ себя выше дикаго, празднаго и презрѣнно-добраго Тазита, такъ же какъ Алеко считаетъ себя выше стараго цыгана, не признающаго ни закона, ни чести, ни брака, ни вѣрности: преимущества обоихъ основаны на исполненіи кроваваго долга.

И старый цыганъ, и Тазитъ чужды этимъ культурнымъ понятіямъ о справедливости. Оба они — вѣчные бродяги, питомцы дикой праздности и воли, смѣшные или страшные людямъ мечтатели.

Среди культурныхъ людей, правовѣрныхъ сыновъ пророка, Тазитъ кажется неприрученнымъ звѣремъ:

Но Тазитъ
*Все дикость прежнюю хранитъ.*
Среди родимаго аула
*Онъ все чужой*; онъ цѣлый день
Въ горахъ одинъ молчитъ и бродитъ.

Въ мирномъ созерцаніи природы Тазитъ такъ же, какъ старый цыганъ, почерпаетъ свою безстрастную, всепрощающую мудрость.

Въ самомъ обширномъ изъ своихъ произведеній — въ „*Евгеніи Онѣгинѣ*“—Пушкинъ еще разъ вернулся къ преслѣдовавшей его всю жизнь драматической и философской темѣ. *Та глубокая противоположность Евгенія Онѣгина и Татьяны, на которой основано драматическое дѣйствіе поэмы, есть не что иное, какъ противоположность Плѣнника и Черкешенки, Алеко и Цыгана, Галуба и Тазита.*

Герой поэмы, очерченный слишкомъ поверхностно, по замыслу Пушкина долженъ быть представителемъ западнаго просвѣщенія. Это „современный человѣкъ“—

Съ его безнравственной душой,
Себялюбивый и сухой,
Мечтанью преданной безмѣрно,
Съ его озлобленнымъ умомъ,
Кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ.

Существуетъ глубокая связь Онѣгина съ героями Байрона, но это не подражаніе—это русская, въ другихъ литературахъ небывалая, попытка *развѣнчать демоническаго*

*героя*. Евгеній Онѣгинъ отвѣчаетъ уѣздной барышнѣ съ такимъ же *высокомѣрнымъ самоуничиженіемъ*, сознаніемъ своихъ культурныхъ преимуществъ передъ наивностью первобытнаго человѣка, какъ Плѣнникъ—Черкешенкѣ:

...Но я не созданъ для блаженства:
Ему чужда душа моя;
Напрасны ваши совершенства:
Ихъ вовсе не достоинъ я...

Онъ утѣшаетъ ее, опять повторяя слова Плѣнника:

Смѣнитъ не разъ младая дѣва
Мечтами легкія мечты...
Полюбите вы снова...

Во имя того, что онъ называетъ *долгомъ и закономъ чести*, Онѣгинъ, такъ же, какъ и Алеко, совершаетъ убійство.

Не засмѣяться-ль имъ, пока
Не обагрилась ихъ рука,
Не разойтись ли полюбовно?..
*Но дико свѣтская вражда*
*Боится ложнаго стыда.*

Вся жизнь его основана на этомъ ложномъ стыдѣ. Гордый демонъ отрицанія оказывается рабомъ того, что скажетъ негодяй Зарѣцкій.

Онѣгинъ не способенъ ни къ любви, ни къ дружбѣ, ни къ созерцанію, ни къ подвигу. Какъ Алеко—по выраженію стараго цыгана—онъ „*золъ и смѣлъ*“. Какъ Печоринъ и Раскольниковъ, онъ—убійца, и преступленіе его такъ же лишено силы и величія, какъ и его добродѣтели.

Татьяна вся—родная, вся изъ русской земли, изъ русской природы, загадочная, темная и глубокая, какъ русская сказка.

Душа ея — проста, какъ душа русскаго народа. Татьяна — изъ того сумеречнаго, древняго міра, гдѣ родились Жаръ-Птица, Иванъ Царевичъ, Баба-Яга,—„тамъ чудеса, тамъ лѣшій бродитъ, русалка на вѣтвяхъ сидитъ“, „тамъ русскій духъ, тамъ Русью пахнетъ“. Единственный другъ Татьяны — старая няня, которая нашептала ей сказки волшебной старины. Подобно Цыгану, она почерпаетъ великую покорность и простоту сердца въ тихомъ созерцаніи тихой природы. Подобно Тазиту, дикая и чужая въ родной семьѣ—она, какъ пойманный олень „все въ лѣсъ глядитъ, все въ глушь уходитъ“.

Татьяна безконечно далека отъ того блестящаго лживаго міра, въ которомъ живетъ Онѣгинъ. Какъ она могла полюбить его? Но сердце ея „горитъ и любитъ оттого, что не любить оно не можетъ“. Любовь—тайна и чудо. Татьяна отдается любви, какъ смерти и року. *Начало любви въ Богѣ*:

То въ высшемъ суждено совѣтѣ...
То воля неба—я твоя;
Вся жизнь моя была залогомъ
Свиданья вѣрнаго съ тобою;
Я знаю, ты мнѣ посланъ Богомъ,
До гроба ты хранитель мой...
. . . . . .
Не правда-ль? Я тебя слыхала:
Ты говорилъ со мной въ тиши,
Когда я бѣднымъ помогала,
Или молитвой услаждала
Тоску волнуемой души.

И мимо этого святого чуда любви Онѣгинъ проходитъ съ мертвымъ сердцемъ. Онъ исполняетъ долгъ чести, выказываетъ себя порядочнымъ человѣкомъ и отдѣлывается отъ незаслуженнаго дара, посланнаго ему Богомъ, нѣсколькими незначительными словами о скукѣ брачной жизни. Въ этомъ безсиліи любить, больше чѣмъ въ убійствѣ Ленскаго, обнаруживается *весь ужасъ того, чѣмъ Онѣгинъ, Алеко, Печоринъ гордятся, какъ высшимъ цвѣтомъ западной культуры*. На слова любви, которыми природа, невинность, красота зовутъ его къ себѣ, онъ умѣетъ отвѣтить только практическимъ совѣтомъ:

Учитесь властвовать собою,
Не всякій васъ, какъ я, пойметъ;
Къ бѣдѣ неопытность ведетъ.

Татьяна послушалась Онѣгина, вошла въ тотъ міръ, куда онъ звалъ ее.

Она является теперь своему строгому учителю—

Не этой дѣвочкой несмѣлой,
Влюбленной, бѣдной и простой,
Но равнодушною княгиней,
Но неприступною богиней
Роскошной царственной Невы.

Она научилась „властвовать собою“. При первой встрѣчѣ съ Онѣгинымъ на балу—

Княгиня смотритъ на него...
И что ей душу ни смутило,
Какъ сильно ни была она
Удивлена, поражена,
Но ей ничто не измѣнило:
Въ ней сохранился тотъ же тонъ,
Былъ такъ же тихъ ея поклонъ.

Это самообладаніе есть цвѣтъ культуры,—аристократизмъ,—то, что болѣе всего въ мірѣ противоположно первобытной, вольной природѣ.

Только теперь сознаетъ Онѣгинъ ничтожество той гордыни, которая заставила его презрѣть божественный даръ—простую любовь, и съ такою же холодною жестокостью оттолкнуть сердце Татьяны, съ какою онъ обагрилъ руки въ крови Ленскаго.

Весь ужасъ казни наступаетъ въ то мгновеніе, когда онъ узнаетъ, что Татьяна по-прежнему любитъ его, но что эта любовь такъ же безплодна и мертва, какъ его собственная.

*Судъ „простой дѣвы“ надъ героемъ современной культуры такой же глубокій и всепрощающій*, какъ судъ дикаго цыгана надъ исполнителемъ кроваваго закона чести, Алеко:

Онѣгинъ, я тогда моложе,
Я лучше, кажется, была,
И я любила васъ, и что же?
Что въ сердцѣ вашемъ я нашла,
Какой отвѣтъ?..

Въ сердцѣ Татьяны есть еще неистребимый уголокъ первобытной природы, дикой воли, которыхъ не побѣдятъ никакія условности большого свѣта, никакіе „пріемы утѣснительнаго сана“. Свѣжестью русской природы вѣетъ отъ этого безнадежнаго возврата къ потерянной простотѣ, который долженъ былъ ослѣпить Онѣгина новой, невѣдомой ему прелестью въ Татьянѣ:

...Сейчасъ отдать я рада
Всю эту ветошь маскарада,
Весь этотъ блескъ, и шумъ, и чадъ
За полку книгъ, за дикій садъ...
. . . . . .
Я васъ люблю (къ чему лукавить?),
Но я другому отдана—
Я буду вѣкъ ему вѣрна...

Послѣднія слова княгиня произноситъ мертвыми устами, и опять окружаетъ ее ореолъ „крещенскаго холода“, и опять между Онѣгинымъ и ею открывается *непереступная, какъ смерть, ледяная бездна долга, закона, чести, брака, общественнаго мнѣнія, — всего, чему Онѣгинъ пожертвовалъ любовью ребенка.* Въ послѣдній разъ она показываетъ ему, что воспользовалась его урокомъ—научилась „властвовать собою“, заглушать голосъ природы. Оба должны погибнуть, потому что поработили себя человѣческой лжи, отреклись отъ любви и природы. Оба должны „ожесточиться, очерствѣть и, наконецъ, окаменѣть въ мертвящемъ упоеніи свѣта“.

*Д. С. Мережковскій.*

---

## Идея „Мѣднаго всадника“ и „Галуба“.

(Внѣшнее различіе между обѣими поэмами.—„Мѣдный всадникъ“.—Апоѳеозъ Петра Великаго.—Философская подоплека обѣихъ поэмъ.—Выборъ героевъ.—Ничтожество Евгенія.—Мягкость, слабость Тазита.—Несчастность обоихъ.—Причина этой несчастности).

На внѣшній взглядъ, между этими поэмами очень мало общаго. Первая навѣяна реальнымъ фактомъ изъ русской общественной жизни, вторая представляетъ поэтическую концепцію на фонѣ экзотическихъ нравовъ Кавказа.

Герой „Мѣднаго всадника“—мелкій петербургскій чиновникъ, все умственное развитіе котораго характеризуется его размышленіями наканунѣ наводненія:

...Долго онъ заснуть не могъ
Въ волненьѣ разныхъ размышленій.
О чемъ же думалъ онъ? О томъ,
Что былъ онъ бѣденъ, что трудомъ
Онъ долженъ былъ себѣ доставить
И независимость, и честь;
Что могъ-бы Богъ ему прибавить
Ума и денегъ, что вѣдь есть
Такіе праздные счастливцы,
Ума недальняго, лѣнивцы,
Которыхъ жизнь куда легка!

Герой другой поэмы—горецъ:

А сынъ Галуба цѣлый день
Въ горахъ одинъ молчитъ и бродитъ.
Такъ въ саклѣ пойманный олень
Все въ лѣсъ глядитъ, все въ глушь уходитъ.

Врядъ ли можно даже сравнивать и идеи этихъ произведеній, если взять ихъ конкретно. „Мѣдный всадникъ“, по выраженію Бѣлинскаго, „апоѳеозъ Петра Великаго“. Въ этой поэмѣ Пушкинъ взялъ геніальнаго преобразователя Россіи подъ свою защиту отъ упрековъ, которые раздавались по его адресу въ петербургскомъ обществѣ послѣ страшнаго наводненія 1824 года.

Населеніе столицы было весьма подавлено этимъ несчастьемъ, которое повлекло за собою столько человѣческихъ жертвъ. Стали слышаться обвиненія въ деспотизмѣ

Тому, чьей волей роковой
Надъ моремъ городъ основался.

Въ „Мѣдномъ всадникѣ“ Пушкинъ доказываетъ, что основаніе Петербурга было исторической и государственной необходимостью и что, угадавъ ее, Петръ I обнаружилъ божественную прозорливость. Дѣйствительность оправдала всѣ соображенія царя. Могучій ростъ „юнаго града“, который

Изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ
Вознесся пышно, горделиво,

блестящее доказательство этого.

Правда, мѣсто для города весьма не подходящее, солнце тамъ вѣчно „спрятано въ туманѣ“, а Нева весьма безпокойная и опасная рѣка. Петръ I, конечно, не могъ не предвидѣть, что „прорубка окна въ Европу“ не обойдется безъ жертвъ, и даже крупныхъ, но *что значитъ благополучіе единичной личности въ сравненіи съ благополучіемъ цѣлаго народа?* Жизненные интересы Россіи требовали отъ нея

Ногою твердой стать при морѣ.

Могъ ли Петръ Великій щадить неизбѣжныя жертвы?

Въ подчеркнутыхъ словахъ выражена общественная идея поэмы. Что касается „Галуба“, то это неоконченное произведеніе, такъ что трудно говорить объ его идеѣ въ этомъ смыслѣ.

Однако, если вдуматься въ *философскую* подоплеку обѣихъ поэмъ, нельзя не замѣтить, что ихъ связываетъ глубокое духовное родство, которое позволяетъ говорить объ ихъ идейной общности. Дѣло въ томъ, что проблема человѣческихъ отношеній, составляющая душу фабулы въ обѣ-

ихъ поэмахъ, одна и та же. Это вѣковѣчная болѣзненная правда о *безпомощности личности*, какъ таковой, свободно опредѣлить формы своего существованія, о ея безнадежной, фатальной зависимости отъ внѣшнихъ слѣпыхъ силъ, отъ случайныхъ, во власти индивидуума не состоящихъ обстоятельствъ и отношеній.

Прослѣдимъ, какъ эта проблема выражена въ разбираемыхъ произведеніяхъ.

Уже самый выборъ „героевъ“ весьма характеренъ для поэмъ Пушкина. Мы взяли это слово въ кавычкахъ потому, что употребляемъ его только какъ терминъ. На самомъ дѣлѣ, это вовсе не герои. Одного изъ нихъ Пушкинъ прямо противопоставляетъ могучей личности, какъ ея антиподъ.

Евгеній и — Петръ-Великій, пигмей и титанъ — вотъ смыслъ этой параллели, на которой построена поэма „Мѣдный всадникъ“. И Тазитъ изъ поэмы „Галубъ“ весьма скромная фигура. Нѣтъ въ немъ того огня, который дѣлаетъ личность сильной вовнѣ, борющейся и потому замѣтной.

Когда воспитатель Тазита приводитъ отрока къ Галубу,—

Тазитъ
Главу потупя, молчаливо
Ему *недвижимъ* предстоитъ.

Въ этой позѣ отражается весь характеръ юноши. Тазитъ робокъ, мягокъ, застѣнчивъ.

Гдѣ жъ въ немъ плодъ наукъ,
Отважность, хитрость и проворство,
Лукавый умъ и сила рукъ?—

спрашиваетъ Галубъ, недовольный сыномъ.

Оба — Евгеній и Тазитъ — тихіе и добрые люди, держатся въ сторонѣ отъ шумной жизни, бурной, многоводной рѣкой несущейся мимо нихъ, живутъ своимъ внутреннимъ міркомъ.

Убого душевное озеро Евгенія, бѣдны его берега,—

Нашъ герой
Живетъ въ Коломнѣ, гдѣ-то служитъ,
Дичится знатныхъ и не тужитъ
Ни о покойницѣ роднѣ,
Ни о забытой старинѣ.—

Какъ горный хрусталь чисты и красивы воды этого озера. Вся жизнь молодого человѣка ушла въ чувство къ дорогой дѣвушкѣ. Она—„его мечта“, т.-е. то, что составляетъ эссенцію человѣческаго существованія, маякъ житейскихъ бурь, путеводную звѣзду его трудовъ.

Поэтически красивъ и грустенъ обликъ Тазита:

Среди родимаго аула
Онъ какъ чужой...
Онъ любитъ по крутымъ скаламъ
Скользить, ползти тропой кремнистой,
Внимая бурѣ голосистой...

Часто онъ пропадалъ на цѣлые дни, — никто не зналъ, куда, но изъ послѣднихъ строкъ поэтическаго отрывка видно, что и у него была любимая женщина. И онъ мечталъ о тихомъ счастьи любви и, наконецъ, „не властный превозмочь волненій сердца“, онъ пришелъ къ отцу любовницы и сказалъ:

„Твоя мнѣ дочь
Давно мила; по ней тоскуя,
Одинъ и сиръ давно живу я;
Благослови любовь мою.
Я бѣденъ—но могучъ и молодъ,
Мнѣ трудъ легокъ. Я удалю
Отъ вашей сакли тощій голодъ,
Тебѣ я буду сынъ и другъ
Послушный, преданный и вѣрный,
Твоимъ сынамъ кунакъ надежный,
А ей приверженный супругъ...“

Несмотря на скромность и ограниченность своихъ стремленій, оба—Евгеній и Галубъ—несчастны. Это не Прометеи сознательно вступающіе въ борьбу съ божествомъ во имя любви къ человѣчеству. Это также не богатыри, бросающіе перчатку самому обществу во имя высшихъ идеаловъ: это просто маленькіе человѣчки, которые пороха не выдумаютъ, но которые милы и симпатичны въ своей кротости и въ своихъ скромныхъ радостяхъ. Тѣмъ не менѣе судьба такъ механично-безжалостна, что и этихъ тихихъ людей не щадитъ.

Не суждено Евгенію счастье, и вотъ рокъ хочетъ такъ, чтобы онъ родился и служилъ именно въ Петербургѣ, и чтобъ его возлюбленная жила именно въ Коломнѣ, на берегу Финскаго залива. Въ тотъ моментъ, когда Петръ Великій

рѣшилъ построить новую столицу, Евгеній еще за столѣтіе до своего рожденія былъ осужденъ на гибель. Такова сухая схема страшной, въ своей нелѣпости, зависимости всей человѣческой жизни отъ слѣпого случая.

То же и съ Тазитомъ. Онъ исполненъ человѣколюбія и врожденной честности. Видитъ онъ въ Дарьяльскомъ ущельѣ тифлисскаго армянина, который одинъ, безъ стражи, везетъ товаръ,—Тазиту и въ голову не приходитъ напасть на него изъ засады.—Другой разъ онъ встрѣчаетъ за бѣлою горою раба, который бѣжалъ отъ Галуба, но не трогаетъ его.—Третій разъ—находитъ

Около станицъ
Кубани, близъ лѣсныхъ границъ,
Убійцу брата,

и не дѣлаетъ ему зла, такъ какъ

Убійца былъ
Одинъ, израненъ, безоруженъ...

Но на свое несчастье онъ родился въ средѣ, въ которой царятъ совершенно иныя понятія, въ которой его милосердіе, всепрощеніе и жалость считаются порокомъ.—За случай съ купцомъ

Галубъ сурово спрашиваетъ:

Зачѣмъ нечаяннымъ ударомъ
Не вздумалъ ты свалить его
И не прыгнулъ къ нему съ утеса?

За случай съ бѣглымъ рабомъ старикъ возмущенно восклицаетъ:

О, милосердная судьба!
Гдѣ жъ онъ? Ужели на арканѣ
Ты бѣглеца не притащилъ?

И думаетъ про себя:

Нѣтъ, не замѣнитъ
Онъ никогда другого брата!
Не научился мой Тазитъ,
Какъ шашкой добываютъ злата;
Ни стадъ моихъ, ни табуновъ
Не надѣлятъ его разъѣзды:
Онъ только знаетъ, безъ трудовъ,
Внимать волнамъ, глядѣть на звѣзды,
А не въ набѣгахъ отбивать
Коней съ нагайскими быками

И съ боя взятыми рабами
Суда въ Анапѣ нагружать.

Узнавъ о встрѣчѣ съ убійцей сына, Галубъ горячо спрашиваетъ:

Ты долга крови не забылъ?
Врага ты навзничь опрокинулъ,
Не правда ли? Ты шашку вынулъ,
Ты въ горло сталь ему воткнулъ,
И трижды тихо повернулъ?
Упился ты его стенаньемъ,
Его змѣинымъ издыханьемъ?..
Гдѣ-жъ голова? Подай!.. Нѣтъ силъ...

Но, узнавъ правду, старикъ грозно возопилъ:

Поди ты прочь, ты мнѣ не сынъ
Ты не чеченецъ, ты старуха,
Ты трусъ, ты рабъ, ты армянинъ!
Будь проклятъ мной! Поди, чтобъ слуха
Никто о робкомъ не имѣлъ,
Чтобъ вѣчно ждалъ ты грозной встрѣчи,
Чтобъ мертвый братъ тебѣ на плечи
Окровавленной кошкой сѣлъ,
И къ безднѣ гналъ тебя пещадно!
Чтобъ ты, какъ раненый олень,
Бѣжалъ, тоскуя безотрадно;
Чтобъ дѣти русскихъ деревень
Тебя веревкою поймали
И какъ волченка затерзали;
Чтобъ-ты... бѣги, бѣги скорѣй!
Не оскверняй моихъ очей!

И Тазитъ долженъ оставить родимый аулъ. „Сынъ изгнанный"—онъ уже не можетъ надѣяться на согласіе отца своей возлюбленной,—и „горе имъ!"

Сами по себѣ Евгеній и Тазитъ созданы для счастливой семейной жизни,—но внѣшнія условія сложились такъ, что сдѣлали это счастье невозможнымъ. И именно *мысль объ этой ужасной для человѣческаго сознанія зависимости нашей отъ глупаго случая и есть источникъ той тихой грусти, которой проникнуты объ поэмы.*

Пушкинъ, правда, заставляетъ Евгенія самому признать свое ничтожество и смириться сейчасъ-же послѣ того возмущенія, которое вызываетъ у него угрозу „строителю чудотворному". Картина униженія скромнаго петербургскаго чиновника, когда онъ, безумный, шелъ Сенатской площадью мимо памятника Петра Великаго и —

Въ его лицѣ изображалось
Смятенье; къ сердцу своему
Онъ прижималъ поспѣшно руку,
Какъ-бы его смиряя муку;
Картузъ изношенный снималъ,
Смущенныхъ глазъ не подымалъ,
И шелъ сторонкой;—

эта картина нужна ему для того, чтобы выпуклѣе выступила общественная идея поэмы, но въ интимной глубинѣ души поэта онъ все-же чувствуетъ къ несчастному большую жалость. Всѣ его симпатіи, въ сущности, на сторонѣ Евгенія. Онъ отчасти даже какъ бы преклоняется предъ нимъ, хотя это и не входитъ во внѣшній планъ его произведенія. Да и нельзя не преклониться предъ величіемъ той любви, которую чувствуетъ Евгеній къ своей невѣстѣ, предъ величіемъ его смерти. Гибель невѣсты его потрясла до того, что онъ помѣшался.

Онъ скоро свѣту
Сталъ чужой. Весь день бродилъ пѣшкомъ,
А спалъ на пристани; питался
Въ окошко поданнымъ кускомъ,
Одежда ветхая на немъ
Рвалась и тлѣла. Злыя дѣти
Бросали камни вслѣдъ ему;
Нерѣдко кучерскія плети
Его стегали, потому
Что онъ не разбиралъ дороги
Ужъ никогда; казалось, онъ
*Не примѣчалъ. Онъ оглушенъ*
*Былъ шумомъ внутренней тревоги.*
И такъ онъ свой несчастный вѣкъ
Влачилъ—ни звѣрь, ни человѣкъ,
Ни то, ни се,—ни житель свѣта,
Ни призракъ мертвый...

Онъ былъ оглушенъ, но только для внѣшняго міра. Вся его психическая жизнь обратилась во внутрь и сосредоточилась на одной мысли,—о ней, о Парашѣ. Безумный, онъ всетаки сумѣлъ разыскать полуразрушенный домикъ своей возлюбленной, на пустынномъ островѣ, куда „наводненіе, играя, занесло домишко ветхій“,—и умереть на ея порогѣ...

И Тазита Пушкинъ любитъ и ему глубоко сочувствуетъ. И это сочувствіе родственно тому глубокому чувству,

которымъ проникнуто знаменитое стихотвореніе Пушкина „Анчаръ“.

„Непобѣдимому владыкѣ“ нуженъ былъ ядъ для того, чтобы напитать имъ свои послушливыя стрѣлы „и съ ними гибель разослать къ сосѣдямъ въ чуждые предѣлы“,—словомъ, для высшихъ государственныхъ интересовъ. Онъ не могъ, слѣдовательно, считаться съ жертвами, неизбѣжными при добываніи этого яда... Для побѣдъ надъ врагами, онъ принесъ въ жертву раба, который отравился тлетворными испареніями вѣтви Анчара.

Но Пушкинъ не можетъ примириться съ мыслью, чтобъ человѣческая жизнь могла быть жертвой для достиженія самой важной цѣли. Для него эта мысль чудовищна, и ужасомъ передъ жизнью и ея жестокостью дышатъ слова:

*И человѣка человѣкъ*
Послалъ къ Анчару властнымъ взглядомъ,
И тотъ послушно въ путь потекъ
И къ утру возвратился съ ядомъ.
Принесъ—и ослабѣлъ, и легъ
Подъ сводомъ шалаша, на лыки,
И умеръ *бѣдный рабъ* у ногъ
*Непобѣдимаго владыки.*

*Н. Г. Григорьевъ.*

---

## „Полтава“.

(Сюжетъ поэмы. — Вступленіе Пушкина. — Содержаніе произведенія. — Основная идея его.—Характеристика Петра Великаго, какъ носителя государственныхъ и общечеловѣческихъ интересовъ.—Эгоизмъ Мазепы.—Недостатокъ въ построеніи поэмы.—Самобытность ея.—Сила выраженія.—Языкъ).

Сюжетомъ поэмы служитъ романтическій эпизодъ изъ временъ Полтавской битвы.

Вначалѣ Пушкинъ намѣренъ былъ написать повѣсть, въ которой главными дѣйствующими лицами должны были явиться: гетманъ малороссійскій Мазепа, полковникъ Кочубей и его дочь Марія. Но впослѣдствіи, когда Пушкинъ разбирался въ историческихъ документахъ петровскаго времени, передъ нимъ встала во всемъ своемъ величіи могучая фигура великаго преобразователя Россіи, и онъ не могъ удержаться отъ искушенія изобразить этотъ колоссъ. И вотъ Пушкинъ,

не передѣлывая первой части поэмы, прибавилъ къ ней вторую, въ которой центральной фигурой является Петръ Великій.

Сюжетъ для поэмы былъ выбранъ чрезвычайно удачно. „Полтавская битва одно изъ самыхъ важныхъ и самыхъ счастливыхъ происшествій царствованія Петра Великаго. Она избавила его отъ опаснѣйшаго врага, утвердила русское владычество на югѣ, обезпечила новыя завоеванія на сѣверѣ, и доказала государству успѣхъ и необходимость преобразованія, совершаемаго царемъ".

Такъ говоритъ Пушкинъ во вступленіи къ своей поэмѣ. Коротко, но ясно. Въ немногихъ словахъ Пушкинъ выразилъ ту вѣрную мысль, которая только впослѣдствіи сдѣлалась достояніемъ исторической науки.

Эпоха, имѣвшая рѣшающее значеніе въ жизни Россіи, когда ребромъ былъ поставленъ вопросъ: быть или не быть Россіи?—являлась достойнымъ сюжетомъ для поэмы. Творческій геній и вѣрное историческое чутье дали Пушкину возможность создать перлъ поэзіи, гдѣ высокая художественность и искреннее лирическое воодушевленіе даютъ грандіозную картину, полную экспрессіи и волнующаго гипноза.

---

Богатъ и славенъ былъ Кочубей. На необозримыхъ лугахъ, никѣмъ не сторожимые, паслись огромные табуны его коней. Вокругъ Полтавы тонули въ садахъ его хутора, и много было у него добра—

Мѣховъ, атласа, серебра
И на виду, и подъ замками.

Но не всѣмъ этимъ гордъ былъ Кочубей,—

Прекрасной дочерью своей
Гордится старый Кочубей.

Пушкинъ вдохновенно описываетъ ея красоту:

Она свѣжа, какъ вешній цвѣтъ,
Взлелѣянный въ тѣни дубравной.
Какъ тополь кіевскихъ высотъ
Она стройна. Ея движенья
То лебедя пустынныхъ водъ
Напоминаютъ плавный ходъ,
То лани быстрыя стремленья.
Какъ пѣна, грудь ея бѣла;

Вокругъ высокаго чела,
Какъ тучи, волосы чернѣютъ;
Звѣздой блестятъ ея глаза;
Ея уста, какъ роза, рдѣютъ.

Физической красотѣ Маріи соотвѣтствовала душевная красота. Марія славилась на всю Украйну и Россію, какъ скромная и разумная дѣвушка. Къ ней сваталось много завидныхъ жениховъ, но всѣ безъ успѣха: пугливая Марія бѣгала отъ вѣнца, какъ отъ оковъ. Наконецъ, прислалъ сватовъ и крестный отецъ Маріи, другъ ея отца, гетманъ Мазепа. Сѣдой старикъ—онъ имѣлъ молодое сердце, способное къ пожирающему чувству.

Кочубей съ женою были возмущены и съ негодованіемъ отвергли „безстыдное“ предложеніе „нечестиваго старца“.—Узнавъ отъ отказѣ, Марія, совершенно неожиданно для родителей, лишилась чувствъ. Очнувшись, она два дня протосковала, „то молча плача, то стеня“, а на третій день исчезла изъ родительскаго дома. Никто не зналъ, гдѣ она, но вскорѣ разнесся слухъ, что она въ объятіяхъ Мазепы.

Долго не хотѣлъ Кочубей вѣрить, что утѣха его жизни,—Марія, скромная, разумная Марія опозорила его сѣдины, но дѣйствительность была безжалостна.

Многое объяснилось тогда Кочубею. Понялъ онъ то упорство, съ какимъ Марія отвергала лучшихъ жениховъ, понялъ, почему она такъ внимательно прислушивалась ко всему тому, что говорилъ Мазепа, жадно ловя каждое его слово, почему по цѣлымъ днямъ пѣла пѣсни, сложенныя Мазепою.

Понялъ Кочубей, что Мазепа подъ личиной дружбы таилъ преступный замыселъ и готовилъ отцу жестокій ударъ.

Гнѣвъ, злоба кипѣли въ груди Кочубея, онъ рѣшилъ мстить.

Но его не удовлетворяла обыкновенная месть. Онъ могъ бы разгромить хуторъ Мазепы, поджечь его, перебить всю челядь, забрать все имущество, а старому развратнику всадить ножъ въ сердце,—однако все это было слабо. Кочубей жаждалъ утонченной мести и съ дикой радостью развилъ страшный планъ.

Была та смутная пора,
Когда Россія молодая,

Въ бореньяхъ силы напрягая,
Мужала съ геніемъ Петра.
Суровый былъ въ наукѣ славы
Ей данъ учитель: не одинъ
Урокъ нежданный и кровавый
Задалъ ей шведскій палладинъ.
Но въ искушеньяхъ долгой кары
Перетерпѣвъ судебъ удары,
Окрѣпла Русь. Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ.

Слишкомъ увлекшійся своими успѣхами, Карлъ шведскій шелъ на Россію по той дорогѣ, по которой спустя сто лѣтъ шелъ Наполеонъ.

Украйна волновалась.

Пылкая молодежь мечтала объ образованіи самостоятельнаго государства. Настойчиво требовала войны съ Россіей, порицала стараго гетмана, который, казалось, былъ преданъ московскому царю, и, одряхлѣвъ, былъ равнодушенъ ко всему.

Но врядъ ли кто-нибудь зналъ Мазепу. Это былъ старикъ хитрый и скрытный, поддакивавшій всякому, но никому не открывавшій своихъ мыслей. Было

Немногимъ, можетъ быть, извѣстно,
Что духъ его неукротимъ,
Что радъ и честно, и безчестно
Вредить онъ недругамъ своимъ;
Что ни единой онъ обиды
Съ тѣхъ поръ, какъ живъ, не забывалъ;
Что далеко преступны виды
Старикъ надменный простиралъ;
Что онъ не вѣдаетъ святыни,
Что онъ не помнитъ благостыни,
Что онъ не любитъ ничего,
Что кровь готовъ онъ пить какъ воду,
Что презираетъ онъ свободу,
Что нѣтъ отчизны для него.

Этотъ хитрый старикъ давно лелѣялъ честолюбивыя мысли. Будучи наружно преданъ Петру Великому, онъ тайно имѣлъ сношенія съ крымскимъ ханомъ, съ польскимъ и шведскимъ королями, съ турецкимъ султаномъ. Обѣщая разныя выгоды каждому изъ нихъ, онъ рѣшилъ обмануть ихъ всѣхъ, извлекши выгоду только для самого себя. Его прельщала корона Украйны, царское величіе...

Будучи тѣснымъ другомъ Кочубея, онъ отчасти посвятилъ его въ свои замыслы.

Страшное оружіе было въ рукахъ Кочубея. Совмѣстно со своимъ другомъ, полтавскимъ полковникомъ Искрой, онъ составилъ доносъ на Мазепу.

Мечтательный юноша, отвергнутый Маріей, но страстно любившій ее и въ ея паденьи, помчался въ Петербургъ гонцомъ.

Но доносу не повѣрили въ Петербургѣ. Хитрый старикъ тонкой паутиной опуталъ царя и его дворъ. Головкинъ и Шафировъ препроводили доносъ Мазепѣ вмѣстѣ съ ласковымъ письмомъ, а Петръ выдалъ ему доносчиковъ головою.

Мазепа потребовалъ ихъ казни. Ему пришлось перенести нѣкоторую душевную борьбу: онъ чувствовалъ, что подымаетъ руку на отца своей любовницы, и колебался. Но онъ понималъ также, что и его жизнь поставлена на карту, что онъ погибнетъ, если пощадитъ Кочубея. И любовникъ уступилъ гетману. Кочубей и Искра были заключены въ тюрьму и осуждены на казнь. Кочубея пытали, чтобы вывѣдать у него, гдѣ онъ спряталъ свои сокровища, но старикъ упрямо молчалъ.

...Три клада
Въ сей жизни были мнѣ отрада.
И первый кладъ мой—честь была:
Кладъ этотъ пытка отняла;
Другой былъ кладъ невозвратимый—
Честь дочери моей любимой.
Я день и ночь надъ нимъ дрожалъ:
Мазепа этотъ кладъ укралъ.
Но сохранилъ я кладъ—святую месть:
Ее готовлюсь Богу снесть,—

твердилъ непреклонный старецъ въ горькомъ раздумьи, и никакія муки не могли исторгнуть у него указанія, гдѣ скрываются его сокровища.

Марія ничего не знала о всѣхъ этихъ событіяхъ. Мазепа ревниво охранялъ ее отъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ, отъ какихъ бы то ни было вліяній извнѣ... Но самого Мазепу мучили угрызенія совѣсти, и онъ былъ мраченъ какъ ночь. Марія ревновала. Она приписывала его холодность измѣнѣ, подозрѣвала его въ сношеніяхъ съ нѣкоей княгиней Дульской. Мазепа разсѣялъ ея подозрѣнія, от-

крывъ ей свою завѣтную тайну. Марія пришла въ восторгъ. Она уже видѣла золотую корону на сѣдыхъ кудряхъ любовника, и была готова на все:

„съ тобой (Мазепой) на плаху“...

Но Мазепа не могъ смотрѣть ей въ глаза. Эта довѣрчивая, милая любвеобильная дѣвушка живымъ упрекомъ стояла передъ нимъ. Онъ желалъ найти самому себѣ оправданіе, открыть лазейку своей совѣсти и ребромъ поставилъ Маріи опасный вопросъ:

Скажи: отецъ или супругъ
Тебѣ дороже?

и съ жестокой настойчивостью добился желаннаго отвѣта:

...Всѣмъ, всѣмъ готова
Тебѣ я жертвовать...

Но совѣсть не умолкала. Блѣдный и угрюмый сидѣлъ Мазепа „близъ ложа крестницы младой“, и его волновали думы, „одна другой мрачнѣй“. Онъ не видѣлъ исхода изъ трагическаго положенія, въ которое поставила его судьба. Онъ глубоко сожалѣлъ, что въ самомъ началѣ не подавилъ въ себѣ чувства любви къ Маріи, что поддался поздней страсти:

Въ одну телѣгу впрячь не можно
Коня и трепетную лань.

Въ безсильной тоскѣ Мазепа вышелъ въ садъ. Къ нему донесся подавленный стонъ: это пытали Кочубея... Изъ груди Мазепы вырвался дикій крикъ: въ немъ слышалось все: и неукротимая злоба, и кровожадная радость, и злорадство, и гордость побѣды надъ совѣстью.

Въ его отсутствіи въ замокъ пробралась несчастная мать Маріи и открыла дочери роковую тайну, которая не была однако тайной ни для кого въ Полтавѣ. Марія была поражена... Она бѣжала изъ замка, направляясь къ мѣсту казни, но опоздала и застала только двухъ казаковъ, которые подымали на телѣгу дубовый гробъ...

Съ тѣхъ поръ она пропала безъ вѣсти...

Мазепа былъ глубоко опечаленъ. Но силой своей воли онъ подавилъ въ себѣ сердечное горе и съ прежней энергіей продолжалъ свое преступное дѣло. Чтобы вѣрнѣе обмануть Петра Великаго, онъ прикинулся больнымъ; слегъ въ постель, окружилъ себя врачами, даже причастился

Св. Таинъ, и, казалось, уже готовъ былъ сойти „подъ вѣчны своды“.

Но какъ только Карлъ вторгнулся въ Россію, Мазепа мгновенно ожилъ. По его плану Карлъ направился въ Украйну, чтобы привлечь на свою сторону казаковъ.

Петръ Великій былъ возмущенъ до глубины души. Онъ негодовалъ на подлость и коварство Мазепы, который злоупотребилъ его довѣрчивостью и отплатилъ ему зломъ за добро. Но онъ скоро забылъ о Мазепѣ. Предъ нимъ стояло другое дѣло, дѣло колоссальной важности: надо было изгнать шведовъ изъ предѣловъ Россіи.

Стройные, блестящіе полки закаленныхъ въ битвахъ воиновъ потянулись къ Полтавѣ. Это уже было не нарвское жалкое ополченіе,—это были смѣлые, привыкшіе глядѣть прямо въ глаза опасности солдаты. А во главѣ ихъ стоялъ Петръ, геній, кому не было равнаго въ мірѣ.

Никто не сомнѣвался въ исходѣ войны. Даже Мазепа почувствовалъ сожалѣніе. Онъ мстилъ Петру за старинную обиду: еще подъ Азовомъ царь пригрозилъ ему коломъ,— но понялъ, что выбралъ неудачную минуту. Онъ слишкомъ увлекся Карломъ:

„Онъ (Карлъ) мальчикъ бойкій и отважный,
Два, три сраженья разыграть,
Конечно, можетъ онъ съ успѣхомъ,
Къ врагу на ужинъ прискакать,
Отвѣтствовать на бомбу смѣхомъ;
Не хуже русскаго стрѣлка
Прокрасться въ ночь ко вражью стану;
Свалить, какъ нынче, казака
И обмѣнять на рану рану;
Но не ему вести борьбу
Съ Самодержавнымъ великаномъ.
Какъ полкъ вертѣться онъ судьбу
Принудить хочетъ барабаномъ,
Онъ слѣпъ, упрямъ, нетерпѣливъ,
И легкомысленъ, и кичливъ,
Богъ вѣсть какому счастью вѣритъ;
Онъ силы новыя врага
Успѣхомъ прошлымъ только мѣритъ—
Сломить ему свои рога...

Однако, поздно понялъ Мазепа свою ошибку, поздно оцѣнилъ характеръ Карла, поздно замѣтилъ, съ кѣмъ затѣялъ тягаться...

Произошла знаменитая битва. Петръ самъ командовалъ войсками.

...Изъ шатра
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ.
Движенья быстры. Онъ прекрасенъ,
Онъ весь, какъ Божія гроза.
Идетъ. Ему коня подводятъ...
. . . . . .
И онъ промчался предъ полками,
Могучъ и радостенъ, какъ бой.
Онъ поле пожралъ очами.
За нимъ вослѣдъ неслись толпой
Сіи птенцы гнѣзда Петрова...
. . . . . .
И грянулъ бой, Полтавскій бой!..

Шведы потерпѣли окончательное пораженіе. Мазепа бѣжалъ съ Карломъ. Случайно встрѣтился онъ на пути съ Маріей. Марія сошла съ ума въ день казни отца и бродила „вся въ рубищѣ, худа, блѣдна“...

Прошло сто лѣтъ—и что жъ осталось
Отъ сильныхъ гордыхъ сихъ мужей,
Столь полныхъ волею страстей?..
Ихъ поколѣнье миновалось—
И съ нимъ исчезъ кровавый слѣдъ
Насилій, бѣдствій и побѣдъ.

Исторія всѣмъ воздала по заслугамъ:

„Въ гражданствѣ сѣверной державы,
Въ ея воинственной судьбѣ,
Лишь ты, воздвигъ, герой Полтавы,
Огромный памятникъ себѣ“.

---

Основной идеей поэмы „Полтава“ служитъ та мысль, что *только тотъ человѣкъ можетъ надѣяться на безсмертіе, на вѣчную жизнь въ памяти потомства, кто всю свою жизнь посвящаетъ отечеству, служитъ ему безкорыстно и самоотверженно, живетъ его жизнью, только и дышетъ имъ.*

Выразителемъ этой идеи является Петръ Великій.

Петръ Великій—*носитель государственныхъ и общечеловѣческихъ интересовъ.* Ему самому ничего не нужно, онъ для себя ничего не хочетъ. Онъ видитъ богатство силъ русскаго народа и стремится поднять его до той высоты, которой онъ

заслуживаетъ, которая ему назначена самой судьбою. Правда, онъ подвергаетъ Россію тяжкому испытанію, но надѣется, что русскій народъ съ честью выйдетъ изъ него—закаленнымъ и окрѣпшимъ:

Тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ.

Свѣтлая личность Петра Великаго еще болѣе оттѣнена сопоставленіемъ съ Мазепой. Мазепа тоже богато одаренъ отъ природы: онъ уменъ, энергиченъ. Но онъ *эгоистъ*. Всѣ силы своего ума онъ устремляетъ къ одной цѣли:—къ удовлетворенію своего честолюбія, къ отмщенію за старинную обиду... Этими двумя стремленіями онъ живетъ... Для него ничего не значитъ измѣнить, казнить... обмануть надежды родной Украйны, которая мечтаетъ о свободѣ.

. . . презираетъ онъ свободу;
. . . нѣтъ отчизны для него...

Вотъ, если бы Мазепа направилъ свою дѣятельность въ пользу пріютившей его страны, если бы не былъ такимъ чудовищнымъ себялюбцемъ, тогда онъ, можетъ быть, оставилъ бы по себѣ добрую память въ потомствѣ, вмѣстѣ того презрѣнія, которое наслѣдовалъ...

Основная идея развивается въ поэмѣ нѣсколько неправильно. Пушкинъ неудачно распредѣлилъ свой матеріалъ. Въ первыхъ двухъ пѣсняхъ главнымъ героемъ какъ бы является Мазепа. Такое понятіе составляетъ себѣ читатель. Только изъ третьей пѣсни онъ узнаетъ, что героемъ поэмы въ сущности является Петръ Великій. Бѣлинскій выразился, что „Полтава“—поэма безъ героя. Парадоксально это такъ, но, если глубже вдуматься, нельзя не видѣть, что Пушкинъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ Петра Великаго. Идея „Полтавы“ сжато выражена въ предисловіи: „Полтавская битва есть одно“ и т. д.

Этотъ недостатокъ въ построеніи поэмы и развитіи основной идеи объясняется тѣмъ, что Пушкинъ намѣревался сначала написать повѣсть „Мазепа“, но впослѣдствіи измѣнилъ планъ и идею своего произведенія. Поэтому нѣкоторыя сцены и мѣста въ поэмѣ являются лишними. Такъ, поэтъ слишкомъ много мѣста удѣлилъ изображенію взаимныхъ отношеній Мазепы и Маріи... Прекрасная сама по себѣ, въ высшей степени художественная и вѣрная въ психоло-

гическомъ отношеніи сцена встрѣчи безумной Маріи съ Мазепой, тонкое и мѣткое изображеніе раздвоенія сознанія у помѣшанной,—по ходу дѣйствія не у мѣста и удобно могла бы быть выпущена.

Пушкинъ самъ понялъ нескладность плана своей поэмы и несоотвѣтствіе отдѣльныхъ ея частей и въ своемъ эпилогѣ постарался сгладить неловкость, желая доказать, что все сказанное имъ въ поэмѣ одинаково важно, но и эта попытка ему не удалась...

Однако, всѣ эти недостатки ничто въ сравненіи съ достоинствами поэмы.

Первымъ дѣломъ, „Полтава"—произведеніе вполнѣ самобытное. Встрѣчается въ ней нѣсколько строфъ въ духѣ Байрона, замѣчательныхъ по силѣ выраженія, по дикой энергіи, которымъ онѣ дышатъ. Таково изображеніе душевнаго состоянія Кочубея, послѣ бѣгства дочери:

„Нѣтъ, дерзкій хищникъ, нѣтъ, губитель!
Скрежеща, мыслитъ Кочубей:
Я пощажу твою обитель,
Темницу дочери моей;
Ты не истлѣешь средь пожара,
Ты не издохнешь отъ удара
Казачьей сабли. Нѣтъ, злодѣй!
Въ рукахъ московскихъ палачей,
Въ крови, при тщетныхъ отрицаньяхъ,
На дыбѣ, корчась въ истязаньяхъ,
Ты проклянешь и день, и часъ,
Когда ты дочь крестилъ у насъ,
И пиръ, на коемъ чести чашу
Тебѣ я полну наливалъ,
И ночь, когда голубку нашу
Ты, старый коршунъ, заклевалъ!.."

Какая дикая ненависть, какая свирѣпая злоба! Такъ и слышется скрежетъ зубовъ, и дрожь пробѣгаетъ по тѣлу. Совершенно по байроновски.

Или другое мѣсто: замѣчательный отвѣтъ Кочубея Орлику:

„Три клада
„Въ сей жизни были мнѣ отрада...
. . . . . .
„Мой третій кладъ—святую месть:
„Ее готовлюсь Богу снесть..."

Но чувствуется, что въ обоихъ случаяхъ поэтъ не сливается со своимъ героемъ. И дѣйствительно, Кочубей не сноситъ своей мести Богу—онъ умираетъ идеальной смертью, какъ святой; его духъ смиряется, и онъ кладетъ голову подъ топоръ съ великимъ словомъ прощенія на устахъ:

. . . Раздалось
Моленье ликовъ громогласныхъ;
Съ кадилъ куренье поднялось;
За упокой души несчастныхъ
Безмолвно молится народъ,
*Страдальцы за враговъ* . . .

Очевидно, Пушкинъ окончательно освободился отъ вліянія Байрона, даже больше,—онъ думалъ своей поэмой внесть поправку въ изображеніе Мазепы Байрона.

Байронъ слишкомъ высоко ставилъ Мазепу. Онъ поклонялся ему за его силу воли, за чудовищную злопамятность, за то, что онъ годы могъ таить ненависть къ Петру Великому, годы лелѣять мечты о мести и подготовлять эту месть. Пушкинъ не могъ согласиться съ подобнымъ взглядомъ, съ подобной идеализаціей порока и безнравственности . . .

Замѣчателенъ языкъ „Полтавы“. Въ „Полтавѣ“ языкъ Пушкина достигъ высшаго совершенства, идеальной красоты. Плавно и стройно, легко и граціозно льется разсказъ изъподъ его пера, безъ малѣйшей натяжки, безъ какого-либо техническаго затрудненія, и предъ умственными глазами читателя воплощаются дивные образы въ пластическихъ, закругленныхъ формахъ. Многія мѣста имѣютъ народный оттѣнокъ. Складъ рѣчи, выраженія, эпитеты—прямо заимствованы изъ жизни простолюдья.

„И знаетъ Богъ, и видитъ свѣтъ“, возноситъ Мазепа „къ царю гласъ притворный“, и намъ кажется, что мы слышимъ какую нибудь старушку, которая, молитвенно сложивъ руки и воздѣвъ очи горѣ, шепчетъ: „Мати Пресвятая Богородица“. . .

Прелестно изображеніе гонца: настоящая народная пѣсня.

„Червонцы нужны для гонца,
Булатъ—потѣха молодца,
Ретивый конь—потѣха тоже,
Но шапка для него дороже“. . .
. . . . . .

„Зачѣмъ онъ шапкой дорожитъ?
Затѣмъ, что въ ней доносъ зашитъ,
Доносъ на гетмана-злодѣя
Царю Петру отъ Кочубея...

Не менѣе прелестно отрицательное сравненіе:

„Не серна подъ утесъ уходитъ,
Орла послыша тяжкій летъ;
Одна въ сѣняхъ невѣста бродитъ,
Трепещетъ и рѣшенья ждетъ".

Такія красоты разсыпаны по всему произведенію и придаютъ ему своеобразную красоту.

„Есть что-то оригинальное, самобытное, чисто русское въ тонѣ разсказа, въ духѣ и оборотѣ выраженій" (по выраженію Бѣлинскаго).

*Н. Г. Григорьевъ.*

---

## „Евгеній Онѣгинъ".

(Историческое и общественное значеніе романа).

„Онѣгинъ" есть самое задушевное произведеніе Пушкина, самое любимое дитя его фантазіи, и можно указать слишкомъ на немногія творенія, въ которыхъ личность поэта отразилась-бы съ такою полнотой, свѣтло и ясно, какъ отразилась въ „Онѣгинѣ" личность Пушкина.

Здѣсь вся жизнь, вся душа, вся любовь его; здѣсь его чувства, понятія, идеалы. Оцѣнить такое произведеніе, значитъ—оцѣнить самого поэта, во всемъ объемѣ его творческой дѣятельности.

Не говоря уже объ эстетическомъ достоинствѣ „Онѣгина", эта поэма имѣетъ для насъ, русскихъ, *огромное историческое и общественное значеніе.* Съ этой точки зрѣнія даже и то, что̀ теперь критика могла-бы съ основательностью назвать въ „Онѣгинѣ" слабымъ или устарѣлымъ,—даже и то является исполненнымъ глубокаго значенія, великаго интереса.

Прежде всего въ „Онѣгинѣ" мы видимъ *поэтически воспроизведенную картину русскаго общества, взятаго въ одномъ изъ интереснѣйшихъ моментовъ его развитія.*

Съ этой точки зрѣнія „Евгеній Онѣгинъ" есть поэма историческая въ полномъ смыслѣ слова, хотя въ числѣ ея

героевъ нѣтъ ни одного историческаго лица. Историческое достоинство этой поэмы тѣмъ выше, что она была на Руси и первымъ, и блистательнымъ опытомъ въ этомъ родѣ.

Въ ней Пушкинъ является не просто поэтомъ только, но и *представителемъ впервые пробудившагося общественнаго самосознанія: заслуга безпримѣрная!*

Содержаніе „Онѣгина“ такъ хорошо извѣстно всѣмъ и каждому, что нѣтъ никакой надобности излагать его подробно. Воспитанная въ деревенской глуши, молодая мечтательная дѣвушка влюбляется въ молодого петербургскаго— говоря нынѣшнимъ языкомъ — льва, который, наскучивъ свѣтской жизнью, пріѣхалъ скучать въ свою деревню. Она рѣшается написать ему письмо, дышащее наивной страстью; онъ отвѣчаетъ ей на словахъ, что не можетъ ее любить и что не считаетъ себя созданнымъ для „блаженства семейной жизни“. Потомъ изъ пустой причины Онѣгинъ вызванъ на дуэль женихомъ сестры нашей влюбленной героини и убиваетъ его. Смерть Ленскаго надолго разлучаетъ Татьяну съ Онѣгинымъ. Разочарованная въ своихъ юныхъ мечтахъ, бѣдная дѣвушка склоняется на слезы и мольбы старой своей матери и выходитъ замужъ за *генерала*, потому что ей было все равно, за кого бы ни выйти, если уже нельзя было не выходить ни за кого. Онѣгинъ встрѣчаетъ Татьяну въ Петербургѣ и едва узнаетъ ее: такъ перемѣнилась она, такъ мало осталось въ ней сходства между простенькой деревенской дѣвочкой и великолѣпной петербургской дамой. Въ Онѣгинѣ вспыхиваетъ страсть къ Татьянѣ, онъ пишетъ къ ней письмо, и на этотъ разъ она уже отвѣчаетъ ему на словахъ, что хотя и любитъ его, тѣмъ не менѣе принадлежать ему не можетъ—по гордости добродѣтели.

. . . . . .

*Въ лицѣ Онѣгина, Ленскаго и Татьяны Пушкинъ изобразилъ русское общество въ одномъ изъ фазисовъ его образованія, его развитія, и съ какою истиною, съ какою вѣрностью, какъ полно и художественно изобразилъ онъ его!*

Мы не говоримъ о множествѣ вставочныхъ портретовъ, силуэтовъ, вошедшихъ въ его поэму и довершающихъ собою картину русскаго общества высшаго и средняго; не говоримъ о картинахъ сельскихъ баловъ и столичныхъ рау-

товъ: все это такъ извѣстно нашей публикѣ и такъ давно оцѣнено ею по достоинству...

Замѣтимъ одно: личность поэта, такъ полно и ярко отразившаяся въ этой поэмѣ, вездѣ является такою прекрасною, такою гуманною, но въ то же время, по преимуществу, артистическою.

Вездѣ видите вы въ немъ человѣка, душою и тѣломъ принадлежащаго къ основному принципу, составляющему сущность изображаемаго имъ класса; короче, вездѣ видите русскаго помѣщика... Онъ нападаетъ въ этомъ классѣ на все, что противорѣчитъ гуманности; но принципъ класса для него—вѣчная истина... И потому въ самой сатирѣ его такъ много любви, самое отрицаніе его такъ часто похоже на одобреніе и на любованіе... Вспомните описаніе семейства Ларинныхъ, во второй главѣ, и особенно портретъ самаго Ларина... Это было причиною, что въ „Онѣгинѣ“ многое устарѣло теперь. Но безъ этого, можетъ-быть, и не вышло бы изъ „Онѣгина“ такой полной и подробной поэмы русской жизни, такого опредѣленнаго факта для отрицанія мысли, въ самомъ же этомъ обществѣ такъ быстро развивающейся...

„Онѣгинъ“ писанъ былъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ,—и потому самъ поэтъ росъ вмѣстѣ съ нимъ, каждая новая глава поэмы была интереснѣе и зрѣлѣе. Но послѣднія двѣ главы рѣзко отдѣляются отъ первыхъ шести: онѣ явно принадлежатъ уже къ высшей, зрѣлой эпохѣ художественнаго развитія поэта. О красотѣ отдѣльныхъ мѣстъ нельзя наговориться довольно; притомъ же ихъ такъ много!

Къ лучшимъ принадлежатъ: ночная сцена между Татьяною и нянею, дуэль Онѣгина съ Ленскимъ и весь конецъ шестой главы.

Въ послѣднихъ главахъ мы не знаемъ, что̀ хвалить особенно, потому что *въ нихъ все превосходно*; но первая половина седьмой главы (описаніе весны, воспоминаніе о Ленскомъ, посѣщаніе Татьяною дома Онѣгина) какъ-то особенно выдается изъ всего глубокостью грустнаго чувства и дивно прекрасными стихами...

Отступленія, дѣлаемыя поэтомъ отъ разсказа, обращенія его къ самому себѣ исполнены необыкновенной граціи, за-

душевности, чувства, ума, остроты, личность поэта въ нихъ является такою любящею, такою гуманною.

Въ своей поэмѣ онъ умѣлъ коснуться такъ многаго, намекнуть о столь многомъ, что̀ принадлежитъ исключительно къ міру русскаго общества!

„Онѣгина“ можно назвать *энциклопедіей русской жизни и въ высшей степени народнымъ произведеніемъ*. Удивительно-ли, что эта поэма была принята съ такимъ восторгомъ публикой и имѣла такое огромное вліяніе и на современную ей, и на послѣдующую русскую литературу? А ея вліяніе на нравы общества? Она была актомъ сознанія для русскаго общества; почти первымъ, но зато какимъ великимъ шагомъ впередъ для него! Этотъ шагъ былъ богатырскимъ размахомъ, и послѣ него стояніе на одномъ мѣстѣ сдѣлалось уже невозможнымъ... Пусть идетъ время и приводитъ съ собой новыя потребности, новыя идеи, пусть растетъ русское общество и обгоняетъ „Онѣгина“: какъ бы оно далеко ни ушло, но всегда будетъ оно любить эту поэму, всегда будетъ останавливать на ней исполненный любви и благодарности взоръ...

*В. Г. Бѣлинскій.*

---

## Евгеній Онѣгинъ.

(Къ литературной исторіи типа).

Литературная исторія Онѣгина сложилась слѣдующимъ образомъ: изъ ряда однородныхъ явленій сначала создался лишь „коллективный типъ“, который затѣмъ, благодаря работѣ автора съ „натурщикомъ“, получилъ живое, художественное воплощеніе.

Къ сожалѣнію, для доказательства реальности Онѣгинскаго облика въ нашемъ распоряженіи не окажется такого числа историческихъ фактовъ, взятыхъ непосредственно изъ жизни, сколько есть ихъ, когда говоришь о Татьянѣ. Это вполнѣ понятно: Онѣгинъ—типъ болѣе скоропреходящій, чѣмъ типъ Татьяны,—немудрено, что „специфическія“ черты этого образа исчезли изъ русской жизни довольно быстро: увлеченіе имъ было, такъ сказать, „минутное“,—а потому, вслѣдъ за преклоненіемъ передъ Байрономъ, перевелись у

насъ и байронисты—Онѣгины и Печорины, не успѣвъ оставить рѣзкаго слѣда въ современныхъ мемуарахъ...

Но если мемуары и записки почти не могутъ намъ доказать, что во время появленія въ свѣтъ романа Пушкина въ тогдашнемъ обществѣ было немало Онѣгиныхъ,—то поможетъ намъ въ этомъ отношеніи тогдашняя критика...

Князь Вяземскій, напримѣръ, даже въ слабыхъ, неясныхъ очертаніяхъ героевъ „Кавказскаго плѣнника“ и „Цыганъ“ узналъ современнаго человѣка: „подобныя лица часто встрѣчаются взору наблюдателя въ нынѣшнемъ положеніи общества“—говоритъ онъ о „Кавказскомъ плѣнникѣ“; Алеко, у него—„прототипъ поколѣнія нашего; лицо не условное—нѣтъ, перенесенное изъ общества“. Разумѣется поэтому, и Онѣгинъ казался ему живымъ лицомъ... Булгаринъ даже прямо заявилъ, что Онѣгиныхъ онъ встрѣчалъ въ Петербургѣ „дюжинами“; Полевой призналъ въ героѣ пушкинскаго романа „знакомаго“ человѣка, внутреннюю жизнь котораго онъ уже самъ „чувствовалъ“, хотя безъ помощи Пушкина „не умѣлъ объяснить“. Критикъ „Благонамѣреннаго“ увидалъ въ Онѣгинѣ „портретъ воспитаннаго по модѣ русскаго дворянина“; критикъ „Московскаго Вѣстника“ нашелъ въ пушкинскомъ героѣ „много русской правды“. Кирѣевскій по поводу Онѣгина замѣтилъ, что „нѣтъ ничего обыкновеннѣе такого рода людей“,—поэтъ „цѣлый классъ людей представилъ въ его портретѣ“. Шевыревъ назвалъ Онѣгина „*ходячимъ типомъ* западнаго вліянія на всѣхъ нашихъ свѣтскихъ людяхъ“. Заключу свои примѣры указаніемъ на то, что проф. Ключевскій въ своей рѣчи о Пушкинѣ, произнесенной въ день открытія памятника поэту, замѣтилъ, что „въ поэмахъ и романахъ Пушкина выставлены многіе типы XVIII и начала XIX вѣка, которые наглядно знакомятъ насъ съ характеромъ эпохи“,—дальше идетъ перечисленіе такихъ типовъ, и среди нихъ Онѣгину отведено свое мѣсто. Это признаніе за героемъ Пушкина исторической вѣрности, признаніе, идущее отъ такого компетентнаго судьи, какъ проф. Ключевскій, должно вполнѣ увѣрить насъ въ томъ, что для „коллективнаго типа“ Пушкинъ могъ въ изобиліи найти матеріала въ русской жизни.

Что же такое этотъ Онѣгинъ, черты котораго настолько заинтересовали Пушкина, что онъ занимался ихъ проясне-

ніемъ чуть не въ теченіе всей своей литературной жизни?— Въ самомъ-дѣлѣ, вѣдь и „Кавказскій плѣнникъ“, и Алеко изъ „Цыганъ“, и, отчасти, нѣкоторые герои его повѣстей— несомнѣнные родственники Евгенія по духу... Думается мнѣ, что для объясненія пушкинскаго героя мы должны обратиться, прежде всего, къ его библіотекѣ: излюбленныя книги Онѣгина раскроютъ передъ нами его душу, а кромѣ того, выяснятъ, какъ самъ творецъ смотрѣлъ на свое созданіе.

Припомнимъ строфы пушкинскаго романа, въ которыхъ говорится о томъ, какъ Татьяна забралась въ деревенскую библіотеку Онѣгина и стала перерывать его книги. Что же оказалось?—

„Хотя мы знаемъ, что Евгеній
Издавна чтенье разлюбилъ,
Однако жъ нѣсколько твореній
Онъ изъ опалы исключилъ:
Пѣвца Гяура и Жуана,
Да съ нимъ еще два-три *романа*,
Въ которыхъ отразился вѣкъ
И современный человѣкъ
Изображенъ довольно вѣрно,
Съ его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданный безмѣрно,
Съ его озлобленнымъ умомъ,
Кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ“.

Эти романы не только „читаются“ Онѣгинымъ: они имъ *изучаются*,—„на ихъ поляхъ“ Татьяна—

„..встрѣчаетъ
Черты его карандаша,—
Вездѣ Онѣгина душа
Себя невольно выражаетъ,
То краткимъ словомъ, то крестомъ,
То вопросительнымъ крючкомъ“.

И далѣе слѣдуютъ знаменательныя слова:

„И начинаетъ понемногу
Моя Татьяна понимать,
Теперь яснѣе, слава Богу,
Того, по комъ она вздыхать
Осуждена судьбою властной:
Чудакъ печальный и опасный,

Созданье ада, иль небесъ,
Сей ангелъ, сей надменный бѣсъ,
Что-жъ онъ? Ужели подражанье,
Ничтожный призракъ, иль еще
Москвичъ въ гарольдовомъ плащѣ,
Чужихъ причудъ истолкованье,
Словъ модныхъ полный лексиконъ?
Ужъ не пародія ли онъ?"

Слово найдено. Да, онъ — пародія на литературныхъ героевъ, и притомъ пародія не такая поэтическая и невинная, какъ мечтательница-Таня, а болѣе опасная и непріятная, такъ какъ это—пародія на героевъ, проникнутыхъ безпросвѣтнымъ эгоизмомъ, скептицизмомъ, лишенныхъ и тѣни идеализма...

Припомнимъ жизнь Онѣгина въ Петербургѣ, когда онъ весь отдавался „наукѣ страсти нѣжной"... У кого научился 18-ти лѣтній „философъ", только-что вступившій въ жизнь, „лицемѣрить, таить надежду, ревновать, разувѣрять, заставить вѣрить, казаться мрачнымъ, изнывать, являться гордымъ и послушнымъ, внимательнымъ иль равнодушнымъ" и пр.?... Кто выучилъ его—

„Невинныхъ лѣтъ предубѣжденья
Умомъ и страстью побѣждать...
Подслушать сердца первый звукъ,
Преслѣдовать любовь"...

Изъ всего этого мы видимъ къ юношѣ-Онѣгинѣ уже ловкаго „спеціалиста по любовнымъ дѣламъ", умудреннаго „наукой"... Пушкинъ помогаетъ намъ понять, откуда получилъ Онѣгинъ свои знанія,—

„Любви насъ не природа учитъ,
. . . . . .
Мы алчемъ жизнь узнать заранѣ,—
И узнаемъ ее въ романѣ...
...Онѣгинъ это испыталъ".

Какой же „романъ" научилъ Онѣгина „жизни", послужилъ для него школой любви? Пушкинъ опять самъ рѣшаетъ наше недоумѣніе,—его герой, оказывается, въ ранней юности увлекался „славою Ловласа".

Ловласъ, герой ричардсоновскаго романа „Кларисса Гарлоу", дѣйствительно, обольстительный образчикъ „покорителя женскихъ сердецъ", и до сихъ поръ не увядшій, а

въ свое время, къ великому горю добродѣтельнаго автора, чаровавшій массу читателей и читательницъ... Этотъ неотразимый прелестникъ выработалъ въ себѣ искусство „покорять“ женщинъ; онъ изучилъ „психологію женскаго сердца“, и побѣды ему легки, но за легкими побѣдами онъ не гоняется: „борьба“ увлекаетъ его, трудная „охота“ ему особенно пріятна. Однимъ словомъ, это—образцовый обольститель, которому, повидимому, очень удачно подражалъ 18-ти лѣтній Онѣгинъ.

Но, какъ извѣстно, чувства нашего Онѣгина рано остыли: „слава Ловласа въ его глазахъ обветшала“,—явилось разочарованіе, овладѣла имъ хандра, и, на смѣну Ловласу, другіе герои сдѣлались его образцами,—

„Какъ *Childe Harold*, угрюмый, томный,
Въ гостиныхъ появлялся онъ;
Ни сплетни свѣта, ни бостонъ,
Ни милый взглядъ, ни вздохъ нескромный,
Ничто не трогало его,
Не замѣчалъ онъ ничего...“

Неутомимый „охотникъ“ - Ловласъ поднадоѣлъ ему—и, вотъ, нашъ Онѣгинъ красиво драпировался въ плащъ Чайльдъ-Гарольда и другихъ родственныхъ ему по духу „скорбниковъ“.

Когда на его пути очутилась дѣвушка, съ которой ему не предстояло никакой „борьбы“, онъ оттолкнулъ ее, прикрываясь изъ вѣжливости холодомъ своей души... Не такъ ли и учитель его, Чайльдъ-Гарольдъ, отнесся къ Флорансѣ?—

„Флоранса, если бъ сердце это
Я для любви не схоронилъ,
Тогда бъ, повѣрь, любовь поэта
Къ твоимъ ногамъ я положилъ.
Но ты не можешь быть моею:
У насъ различные пути...“

Впрочемъ, пушкинскій герой не прочь пародировать иногда и модныхъ героевъ совсѣмъ иного пошиба. Напримѣръ, вся „проповѣдь“ Онѣгина по адресу Татьяны,—проповѣдь, которая оканчивается наставленіемъ:

„Учитесь властвовать собой!
Не всякій васъ, какъ я, пойметъ,—
Къ бѣдѣ неопытность ведетъ“ —

въ его устахъ звучитъ какою-то непроходимою фальшью [1]),— и намъ невольно припоминается идеальный Грандисонъ [2]), который любилъ читать подобныя нравоученія „неопытнымъ“ дѣвицамъ, предлагавшимъ ему свою любовь...

Если мы обратимся теперь къ „письму“ Онѣгина, то и тутъ мы встрѣтимся съ тѣмъ же вліяніемъ романовъ: на сцену появляется Руссо, съ извѣстнымъ уже намъ романомъ „Новая Элоиза“.

Сдѣлаемъ нѣсколько сопоставленій:

„Предвижу все: васъ оскорбитъ“—

„Предвижу впередъ всю силу вашего негодованія...“

„Чтобы продлилась жизнь моя,
Я утромъ долженъ быть увѣренъ,
Что съ вами днемъ увижусь я!“—

„Я долженъ видѣть тебя каждый день... Я не могу жить безъ тебя—я это чувствую!“

„Желать обнять у васъ колѣни
И, зарыдавъ, у вашихъ ногъ
Излить мольбы, признанья, пени...“—

„Сто разъ на день порывался я кинуться къ вашимъ ногамъ, облить ихъ моими слезами...“

„...Притворнымъ хладомъ
Вооружить и рѣчь, и взоръ,
Вести спокойный разговоръ,
Глядѣть на васъ спокойнымъ взглядомъ...“—

„Какъ сохранить спокойствіе при какомъ волненіи?.. Какъ думать о разныхъ вещахъ, когда занятъ только однимъ?.. Нужно сдерживать рыданія; надо улыбаться, умирая...“ и т. д.

Прибавимъ къ этимъ примѣрамъ указаніе, что Онѣгинъ передъ сочиненіемъ своего письма такъ же бросился къ книгамъ, какъ раньше Татьяна; правда, онъ читалъ самыя разнообразныя произведенія, но фигурируютъ тутъ, между другими авторами, и Руссо, и M-me Сталь...

Типъ Онѣгина, разочарованнаго, скучающаго юноши, для котораго изсякли живыя радости юности, намѣчается въ русской жизни со второй половины XVIII вѣка. Карам-

---

[1]) Самъ Пушкинъ подчеркиваетъ эту фальшь ироническимъ: „...такъ *проповѣдовалъ* Евгеній“ (тамъ же). [2]) Герой другого романа Ричардсона.

зинъ поможетъ намъ въ нашихъ поискахъ,—онъ и въ жизни столкнулся съ такимъ человѣкомъ, и въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ не разъ намѣчалъ черты героя, уже смахивающаго немного на Онѣгина...

Я говорю о другѣ его юности — *А. Петровѣ*, юношѣ, который рано извѣрился въ жизни, рано замкнулся въ себѣ и для всѣхъ непосвященныхъ казался „мизантропомъ“, нелюдимомъ, чудакомъ, если и не опаснымъ, то „непріятнымъ“... Только въ присутствіи юнаго Карамзина раскрывалась его усталая душа, и въ ней увидѣлъ нашъ писатель много такого, что было сокрыто отъ взора другихъ. Мы знаемъ, что и Онѣгинъ могъ иногда „оттаивать“,—для этого ему тоже нуженъ былъ подходящій слушатель: Пушкинъ вспоминалъ, какъ они сентиментальничали по ночамъ съ Онѣгинымъ, какъ,—

„Воспомня прежнихъ лѣтъ романы,
Воспомня прежнюю любовь,
Чувствительны, безпечны вновь,
Дыханьемъ ночи благосклонной
Безмолвно упивались мы!
. . . . . .
Такъ уносились мы мечтой
Къ началу жизни молодой!“

Конечно, основанія для тоски у Петрова были болѣе важныя: его мучили вопросы: „что̀ я есть? что̀ я буду?“. Въ вопросахъ любви онъ былъ, вѣроятно, настоящимъ ребенкомъ, но, въ сущности, складъ души у обоихъ одинаковъ. Прибавимъ къ этому живому образу — литературный, вымышленный: „Ліодора“ — героя одной неоконченной Карамзинымъ повѣсти. Передъ нами опять разочарованный, холодный, ко всему равнодушный юноша, которому нѣтъ дѣла до человѣчества, который живетъ вдали отъ людей, чуждается ихъ... Глядя на него, невольно припоминаемъ мы и Рене, и героевъ Сталь (Освальда и Мондовиля), и нашего Онѣгина, какимъ онъ былъ, когда переѣхалъ въ деревню... Стоитъ только прибавить къ этимъ двумъ образамъ эгоизмъ, выраженный рѣзко у Онѣгина и Печорина,—и мы невольно признаемъ преемственность типа „разочарованнаго“ юноши, начиная съ карамзинской эпохи.

Позднѣе, Батюшковъ переживалъ минуты такой же рѣзкой и глубокой разочарованности; недаромъ онъ зачи-

тывался „Рене“ Шатобріана, недаромъ почтенный біографъ поэта, акад. Л. Н. Майковъ, объяснялъ настроеніе своего героя, опять-таки, при помощи Рене...

Изъ современниковъ Пушкина остановимъ наше вниманіе на А. Раевскомъ, хорошемъ знакомомъ нашего поэта; душа этого юноши была отмѣчена чертами, очень близкими къ онѣгинскимъ. Впрочемъ, у Раевскаго эти черты значительно рѣзче, глубже, чѣмъ у Онѣгина; недаромъ его образъ вдохновилъ Пушкина на созданіе такого сильнаго произведенія, какъ „Демонъ“—

„Его улыбка, чудный взглядъ,
Его язвительныя рѣчи
Вливали въ душу хладный ядъ.
Неистощимой клеветою
Онъ Провидѣнье искушалъ,
Онъ звалъ прекрасное мечтою,
Онъ вдохновенье презиралъ...
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ,
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ—
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ!“

Конечно, здѣсь передъ нами оригиналъ идеализированъ,—въ красивой позѣ поставленъ онъ на пьедесталъ, освѣщенъ искусственно и облеченъ въ приличное „демону“ одѣяніе, — но, стоитъ свести этого демона съ пьедестала, одѣть на него широкій боливаръ, модный костюмъ и лакированные ботфорты, — и передъ нами, какъ живой, встаетъ Раевскій-Онѣгинъ...

Вигель, знавшій Раевскаго близко, рисуетъ его человѣкомъ гордымъ, независимымъ, „съ непріязненнымъ чувствомъ ко всему человѣчеству“... „Въ немъ не было честолюбія, но изъ смѣшенія чрезмѣрнаго самолюбія, лѣни, хитрости и зависти составленъ былъ его характеръ“. Наружность его сохранила еще нѣкоторую пріятность, хотя тѣлесные и душевные недуги уже изсушили его и наморщили его чело. Въ умѣ его была твердость, но безъ всякаго благородства. Поэзія была ему дѣло вовсе чуждое (ср. Онѣгина), равномѣрно и нѣжныя чувства (ср. Онѣгина), въ которыхъ видѣлъ онъ „одно смѣшное сумасбродство“. Съ женщинами онъ обращался „умѣло“ и побѣды одерживалъ надъ ними легко, почему скоро и прослылъ опаснымъ человѣкомъ, и

всѣ старались учтиво уклоняться отъ него. Сестра Раевскаго, Екатерина Николаевна, утверждаетъ, будто „разочарованіе“ брата было напускнымъ, будто ему хотѣлось „потрунить“ надъ Пушкинымъ и потому онъ сталъ корчить ничѣмъ недовольнаго, разочароваинаго, надо всѣмъ глумящагося человѣка; поэтъ поддался искусной мистификаціи и написалъ своего „Демона“. Но едва ли эта „мистификація“, обманувшая не одного Пушкина, но и многихъ другихъ, была только шалостью,—слишкомъ ужъ она продолжительна и серьезна, если слѣды ея сказались не только на одномъ лирическомъ произведеніи, но и на письмѣ Пушкина, писанномъ, какъ думаютъ, все къ тому же Демону-Раевскому. Въ одномъ изъ писемъ мы видимъ обращеніе поэта къ какому-то „учителю“, который совѣтовалъ ему въ жизни быть „féroce, tyran, vindicatif“, который училъ его презирать людей, проповѣдывалъ эгоизмъ, рѣшительный, жестокій...

Этотъ образъ настолько близокъ къ Онѣгину, что я рѣшаюсь видѣть въ А. Раевскомъ главнаго „натурщика“ для героя пушкинскаго романа. Это подтверждается, между прочимъ, сличеніемъ двухъ отрывковъ: одного, относящагося къ „Демону“, другого—къ „Онѣгину“.

„Демонъ“, какъ извѣстно, начинается съ повѣствованія о томъ, какъ безмятежная жизнерадостность поэта была сначала омрачена скептицизмомъ „Демона“, а потомъ была имъ побѣждена.

То же находимъ мы и въ „Евгеніи Онѣгинѣ“:

„Сперва Онѣгина языкъ
Меня смущалъ, но я привыкъ
Къ его язвительному спору
И къ шуткѣ, съ желчью пополамъ,
И къ злости мрачныхъ эпиграммъ“.

Въ черновыхъ наброскахъ мы найдемъ болѣе подробное объясненіе того, какъ овладѣвалъ Онѣгинъ-Демонъ душою поэта, уже подготовленнаго жизнью къ подобнымъ вліяніямъ:

**Черновые наброски „Демона“.**

„Таковъ онъ былъ...
Мое спокойное незнанье
Страстями возмущалъ,
И я его существованье
Съ своимъ, невиннымъ, сочеталъ.
Я видѣлъ міръ его глазами.

Онъ обѣщалъ...
Истолковать мнѣ все творенье
И разгадать добро и зло...
Непостижимое волненье
Меня къ лукавому влекло...
. . . . . .
Я сталъ взирать его глазами,
Мнѣ жизни дался бѣдный кладъ,
Съ его неясными словами
Моя душа звучала въ ладъ".

**Варіанты къ XLV строфѣ 1-й главы „Онѣгина".**

„ . . . . . .
Мнѣ было грустно, тяжко, больно,
Но одолѣвъ мой умъ въ борьбѣ,
Онъ сочеталъ меня невольно
Своей таинственной судьбѣ;
Я сталъ взирать его очами,
Съ его печальными рѣчами
Мои слова звучали въ ладъ,
Мою задумчивую младость
Онъ для восторговъ охладилъ...
Я неописанную сладость
Въ его бесѣдахъ находилъ,
Я сталъ взирать его очами;
Открылъ я жизни бѣдной кладъ,
Въ замѣну вѣры и надеждъ
Для легкомысленныхъ невѣждъ".

Если мы къ этому сближенію прибавимъ еще бѣглую характеристику, которую далъ Пушкинъ Онѣгину, назвавъ его „надменнымъ бѣсомъ", и хронологическую близость обоихъ произведеній (1823 г.), — то мы должны будемъ признать, что А. Раевскій, послужившій оригиналомъ для „Демона", въ такой же мѣрѣ близокъ и къ Онѣгину.

Кромѣ этого живого лица, очевидно, былъ у Пушкина „натурщикъ", взятый изъ литературы: поэтъ самъ указывалъ не разъ на *Чайльдъ-Гарольда*, какъ на образчикъ, которому подражалъ Онѣгинъ, распростившись съ *Ловласомъ*: объ этомъ Пушкинъ говоритъ то въ подстрочномъ примѣчаніи: „черта охлажденнаго чувства, достойная Чайльдъ-Гарольда", то не разъ прямо сравниваетъ своего героя съ Child Harold'омъ... Наконецъ, кое-какія мелочи для своего Онѣгина списалъ Пушкинъ съ себя: многія мелкія черты его жизни въ Михайловскомъ повторены въ романѣ съ бу-

квальною точностью,—объ этомъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, Анненковъ: альбомъ Онѣгина, его костюмъ, время-препровожденіе въ деревнѣ, отношеніе къ сосѣдямъ-помѣщикамъ—все это взято изъ жизни самого поэта. Самъ Пушкинъ признавалъ это: „въ 4-й пѣснѣ Онѣгина я изобразилъ свою жизнь“,—писалъ онъ Вяземскому; у сосѣдей своихъ деревенскихъ онъ, оказывается, „пользовался репутаціей Онѣгина“, жизнь свою онъ проводилъ, какъ „совершенный Онѣгинъ“. Интересно, что это сходство не было только внѣшнимъ. Письмо Пушкина къ брату говоритъ намъ, что между нимъ и его героемъ было и духовное сродство. Въ самомъ дѣлѣ, подъ вліяніемъ уроковъ Раевскаго, А. С. Пушкинъ, въ свою очередь, совершенно серьезно совѣтуетъ брату „презирать людей“, относиться ко всѣмъ холодно, не увлекаться дружбой, не выказывать своей любви къ женщинамъ, чтобы тѣмъ вѣрнѣе обладать ими... Всѣ эти уроки, по словамъ Пушкина, были результатомъ его „douloureuse expeгience“.

Изъ всѣхъ этихъ данныхъ, собранныхъ нами для объясненія исторіи типа Онѣгина, видно, какимъ сложнымъ путемъ шло художественное воплощеніе того образа, въ которомъ современники Пушкина, почти единогласно, признали знакомыя черты моднаго молодого человѣка. Съ необыкновеннымъ искусствомъ сохранилъ Пушкинъ въ теченіе многихъ лѣтъ сочиненія романа основныя черты своего героя и, мѣняя много разъ „натурщиковъ“, тѣмъ не менѣе, не исказилъ его сущности. Въ самомъ дѣлѣ, и Ловласъ, и Чайльдъ-Гарольдъ, и Раевскій, и самъ поэтъ, отчасти С.-Прё и Грандисонъ удѣлили каждый кое-что, въ большей или меньшей мѣрѣ, Онѣгину,—а, въ результатѣ, изъ всѣхъ этихъ мозаичныхъ кусочковъ создался образъ, всегда вѣрный себѣ.

Въ чемъ же „сущность“ этого образа? Думается намъ, главное въ Онѣгинѣ—это именно то, что онъ—*„пародія“*, что это существо, ломающееся, копирующее „чужую жизнь“. За это судьба и покарала его: когда живое, искреннее чувство овладѣло имъ, когда онъ забылъ свои ужимки и снялъ съ себя маскарадныя украшенія,—было уже поздно. Между тѣмъ, можно думать, что любовь къ Татьянѣ проснулась въ его сердцѣ гораздо раньше вторичнаго свиданія въ Пе-

тербургѣ: вѣдь онъ съ первой встрѣчи обратилъ на нее особое вниманіе; онъ, получивъ ея посланіе,—

„... живо тронутъ былъ,
Языкъ дѣвическихъ мечтаній
Въ немъ думы роемъ возмутилъ
. . . . . .
И въ сладостный, безгрѣшный сонъ
Душою погрузился онъ".

Ея письмо онъ бережно сохранилъ, и въ своей „холодной" проповѣди не сумѣлъ скрыть искорокъ любви:

*„Я сколько ни любилъ* бы васъ
. . . . . .
Я васъ люблю любовью брата
И, можетъ быть, *еще нѣжнѣй*".

Прибавимъ къ этому пропущенную строфу (VI, гл. III), въ которой Пушкинъ изобразилъ своего героя сразу влюбившимся въ Татьяну:

„Въ постели лежа, нашъ Евгеній
Глазами Байрона читалъ,
Но день невольныхъ размышленій
Татьянѣ милой посвящалъ.
Проснулся онъ сегодня ранѣ—
И мысль была все о Татьянѣ.
„Вотъ новое!"—подумалъ онъ:
„Неужто я въ нее влюбленъ?
„Посмотримъ!" И тотчасъ рѣшилъ
Сосѣдокъ навѣщать исправно—
Какъ можно чаще—всякій день:
„Вѣдь имъ досугъ, а мнѣ не лѣнь!"
Рѣшилъ—и скоро сталъ Евгеній,
Какъ Ленскій"...

Такая легкая покорность чувству и простое, правдивое отношеніе къ любви было, конечно, не въ духѣ Онѣгина,—и эта интересная строфа выпущена была, какъ искажающая образъ героя, полнаго фальши и лжи даже передъ самимъ собою. Объ этой „лжи" говоритъ самъ поэтъ, когда, представляя читателю, вторично, послѣ долгой разлуки, своего героя, лукаво спрашиваетъ:

„Все тотъ же ль онъ, иль усмирился?
Иль *корчитъ* такъ же *чудака*?"—
Скажите, чѣмъ онъ возвратился?
Что̀ намъ *представитъ* онъ пока?

Чѣмъ нынѣ явится? Мельмотомъ,
Космополитомъ, патріотомъ,
Гарольдомъ, квакеромъ, ханжой,
Иль маской щегольнетъ иной?
Иль просто будетъ добрый малый,
Какъ вы да я, какъ цѣлый свѣтъ?
По крайней мѣрѣ, мой совѣтъ:
Отстать отъ моды обветшалой.
. . . . . .
Довольно онъ *морочилъ свѣтъ*".

Эти слова еще разъ подтверждаютъ сказанное нами, что Пушкинъ хотѣлъ въ своемъ героѣ изобразить одну изъ тѣхъ многочисленныхъ „пародій", которыми кишѣлъ тогдашній „свѣтъ". Многіе изъ этихъ мельмотовъ, космополитовъ, патріотовъ, гарольдовъ и пр. были часто „добрые малые" но они старательно „морочили" себя и другихъ, волочась за модой, „корчили изъ себя чудаковъ", „носили маски"... Самъ Пушкинъ сильно грѣшилъ этимъ въ юности,—очень грѣшилъ и его герой. Съ лѣтами у обоихъ проснулась жажда правды, искренности...

Правда, Онѣгинъ и при вторичномъ свиданіи немного попробовалъ еще поломаться передъ Татьяной, но какъ легко онъ бросилъ все это, побѣжденный правдой своего чувства!.. Любовь овладѣваетъ имъ,—и холодные, „разочарованные герои" романовъ забываются,—„надменный бѣсъ" обращается въ несчастнаго человѣка...

Что въ лицѣ Онѣгина Пушкинъ рисовалъ „русскую пародію", видно, наконецъ, изъ того, что *настоящая* душа его героя не разъ себя обнаруживала въ теченіе всего романа. Припомнимъ въ первой главѣ бесѣды Онѣгина съ поэтомъ, когда они, —

„Воспомня прежнихъ лѣтъ романы,
Воспомня прежнюю любовь,
Чувствительны, безпечны вновь,
Дыханьемъ ночи благосклонной
Безмолвно упивались..."

Они тогда „уносились мечтой къ началу жизни молодой", — и душа Онѣгина была тогда „полна сожалѣній"... Дружба его съ Ленскимъ тоже показываетъ, что не всегда онъ корчилъ мизантропа, что порою холодное презрѣніе ко всѣмъ людямъ, безъ изъятья, смѣнялось у него добродушной, снисходительной „улыбкой", въ которой сквозитъ жи-

вое чувство симпатіи. Для „человѣконенавистника“ онъ слишкомъ большое значеніе придавалъ смерти Ленскаго, „окровавленная тѣнь“ котораго —

„Ему являлась каждый день“.

Для человѣка, въ которомъ умерли всѣ чувства, онъ слишкомъ легко отдается сердечному волненію; вѣдь онъ—

„...чуть съ ума не своротилъ,
Или не сдѣлался поэтомъ...“

*В. Сиповскій.*

---

## Онѣгинъ и Пушкинъ.

(*Субъективно* въ Онѣгинѣ—лишь то, что принадлежитъ не лично ему, какъ характеру, какъ уму, какъ натурѣ, а—времени и средѣ: черты классовой и сословной психологіи.—Специфически-великосвѣтская повадка Онѣгина и Пушкина.—Безобидный тонъ первой главы.—Отраженіе личныхъ байроническихъ увлеченій поэта, какъ второй субъективный элементъ въ образѣ Онѣгина.—За вычетомъ указанныхъ чертъ, Онѣгинъ продуктъ *объективнаго* творчества.—Онъ родоначальникъ „лишнихъ людей“.—Несоизмѣримость Онѣгина и Пушкина, начиная со второй главы.—Отсутствіе у Онѣгина захватывающихъ общественныхъ связей и его лѣнь.—Огненная живость Пушкина и неугомонность его натуры.—Резюмэ).

Передъ нами *художественное обобщеніе* большой цѣнности. Эта цѣнность давно ужъ выяснена. Намъ не нужно входить здѣсь во всѣ подробности вопроса объ Онѣгинѣ, какъ типѣ „людей 20-хъ годовъ“ и какъ художественномъ „родоначальникѣ“ послѣдующихъ типовъ—людей 30-хъ и 40-хъ годовъ (*Печоринъ, Бельтовъ, Рудинъ, Лаврецкій* и др.,—рядъ, завершающійся *Обломовымъ*). Мы только постараемся выяснить *объективный* характеръ этого образа, въ которомъ, однако, есть и нѣкоторая *субъективная примѣсь*. Выдѣлить эту послѣднюю не трудно.

Образъ взятъ изъ той же среды, къ которой принадлежалъ самъ Пушкинъ,—и *субъективнымъ слѣдуетъ признать въ Онѣгинѣ лишь то, что принадлежитъ не лично ему, какъ характеру, какъ уму, какъ натурѣ, а—времени и средѣ*. Аналогичныя черты времени и среды наблюдались у многихъ, въ томъ числѣ и у Пушкина, и послѣдній, воспроизводя ихъ, могъ черпать не только изъ запаса объективныхъ наблюденій, но также изъ личнаго, субъективнаго опыта.

Сюда относятся, прежде всего, *черты классовой и сословной психологіи.*—Присмотритесь къ этому типичному молодому человѣку изъ великосвѣтскаго круга, къ его манерѣ чувствовать, относиться къ людямъ, къ жизни, прислушайтесь къ тону, въ какомъ написаны двѣ первыя главы (гдѣ ярче, чѣмъ въ дальнѣйшихъ, выставлена классовая психологическая складка Онѣгина),—и вы уловите эту *специфически-великосвѣтскую повадку, какой не найдемъ ни у Рудина, ни у Лаврецкаго, ни у Бельтова.* Не видать ея даже у Чацкаго, человѣка того же круга и тѣхъ же 20-хъ годовъ. Зато позже мы найдемъ ее у Печорина, какъ и у самого Лермонтова.

Она же была довольно ярко выражена *у Пушкина*, въ особенности въ *юности и молодости.*

*Нашъ великій поэтъ со стороны классовой психологіи былъ типичный русскій „баринъ“, типичный представитель великосвѣтской среды.*

Читатель понимаетъ, что дѣло идетъ не о взглядахъ, убѣжденіяхъ, нравственныхъ понятіяхъ и т. д., а *только о тѣхъ мелочахъ душевнаго обихода, о тѣхъ привычкахъ и повадкахъ, по которымъ мы безошибочно узнаемъ, къ какому классу принадлежитъ человѣкъ по рожденію и воспитанію.*

Одни изъ этихъ навыковъ могутъ быть хороши, другіе—не хороши, третьи—безразличны, но *всѣ они, вмѣстѣ взятые, сами по себѣ отнюдь не опредѣляютъ ни моральной, ни общественной, ни умственной цѣнности человѣка, ни того или иного направленія его идей.*

Черты классовой психологіи въ Онѣгинѣ изображены Пушкинымъ съ оттѣнкомъ легкой сатиры. Вспомнимъ:

Онъ по-французски совершенно
Могъ изъясняться и писалъ,
Легко мазурку танцовалъ
И кланялся непринужденно.
Чего жъ вамъ больше? Свѣтъ рѣшилъ,
Что онъ уменъ и очень милъ.

Въ такомъ тонѣ легкой, безобидной сатиры, я бы сказалъ,—въ юмористическомъ тонѣ фельетона и написано большинство строфъ первой главы. Здѣсь чувствуется насмѣшка надъ бытомъ и нравами *своего же круга*, надъ тѣмъ, что поэтъ зналъ и лично переживалъ съ дѣтства. Въ устахъ

посторонняго,—человѣка изъ другой среды—насмѣшка звучала бы иначе, сбиваясь на сатиру, внушенную классовыми антипатіями.

Вся первая глава написана такъ, какъ будто поэтъ разсчитывалъ преимущественно на читателей изъ великосвѣтскаго круга, мало заботясь о томъ, какое впечатлѣніе произведетъ на широкую публику, на читателей изъ другой среды этотъ небрежно-барскій тонъ разсказа,— эта манера живой, остроумной causerie. Въ послѣдующихъ главахъ этотъ тонъ идетъ на убыль, и авторъ изъ великосвѣтскаго разсказчика быстро превращается въ русскаго поэта.

Поскольку въ построеніи образа Онѣгина, какимъ онъ является въ первой главѣ (и частью во второй), участвуютъ барскія интонаціи въ голосѣ разсказчика, постольку образъ долженъ быть признанъ продуктомъ *субъективнаго творчества*: эта примѣсь, вредя автору, не вредитъ Онѣгину, какъ образу, ибо, по самому замыслу, Онѣгинъ является представителемъ не всего молодого поколѣнія 20-хъ годовъ, а лишь извѣстной части его, именно *великосвѣтской*, подобно тому, какъ позже Печоринъ явился представителемъ не всего молодого поколѣнія 30-хъ годовъ, а только извѣстной разновидности будирующихъ и „безпокойныхъ“ людей изъ великосвѣтскаго круга, какимъ былъ самъ Лермонтовъ. Но существенная разница въ построеніи Онѣгина и Печорина въ томъ, что субъективные элементы творчества въ первомъ *почти* исчерпываются чертами барской психологіи, между тѣмъ какъ второй и по натурѣ, по складу ума, по индивидуальнымъ качествамъ воспроизводитъ личность автора. По Печорину можно судить о Лермонтовѣ, какъ человѣкѣ; по Онѣгину же судить о Пушкинѣ нельзя, подъ опасеніемъ впасть въ грубѣйшія ошибки.

Я сказалъ, что чертами барской психологіи *почти* исчерпываются субъективные элементы въ построеніи Онѣгина. Они исчерпывались бы не почти, а вполнѣ, если бы Пушкинъ, говоря о *байронизмѣ* Онѣгина, не внесъ и сюда нѣкоторыхъ чертъ *изъ своего личнаго опыта байроническихъ увлеченій*. Эти черты сводятся къ тому, что въ строфахъ XLV—L первой главы, гдѣ поэтъ говоритъ о байроническомъ настроеніи своего героя и параллельно — о своемъ собственномъ, слышется отзвукъ личныхъ переживаній Пуш-

кина, — воспроизведенныхъ въ извѣстномъ стихотвореніи „*Демонъ*“, гдѣ отразилось байроническое настроеніе поэта, а также и вліяніе на него *Александра Раевскаго*, образъ котораго, несомнѣнно, вспоминался Пушкину, когда онъ рисовалъ Онѣгина, по крайней мѣрѣ — Онѣгина двухъ первыхъ главъ.

За вычетомъ указанныхъ чертъ (барской психологіи и байронизма), образъ Онѣгина долженъ быть признанъ продуктомъ *объективнаго* творчества. Въ немъ нѣтъ ничего *лично-пушкинскаго*. Онъ—не исповѣданіе поэта, а художественное обобщеніе натуръ и умовъ, имѣвшихъ очень мало общаго съ личностью Пушкина.

Онѣгинъ—типичный хорошій русскій человѣкъ 20-хъ годовъ, одушевленный лучшими чувствами и намѣреніями, но рѣшительно неспособный къ планомѣрной дѣятельности и не умѣющій найти свое мѣсто и дѣло въ жизни. Онъ—родоначальникъ нашихъ „*лишнихъ людей*“, которые потомъ, въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, стали появляться въ разныхъ слояхъ образованнаго общества, но всего чаще — въ средѣ дворянской. Впослѣдствіи Гончаровъ и Добролюбовъ показали, что въ психологіи этихъ людей видное мѣсто принадлежало разнымъ формамъ русской *обломовщины*. Этотъ діагнозъ былъ, можно сказать, геніально предугаданъ *Веневитиновымъ*, который въ слѣдующихъ умныхъ и мѣткихъ словахъ далъ исчерпывающую характеристику Онѣгина, какъ характера: „ . . . Онѣгинъ уже испытанъ жизнью; но опытъ поселилъ въ немъ не страсть мучительную, не ѣдкую и дѣятельную досаду, а скуку, наружное безстрастіе, свойственное русской холодности (мы не говоримъ: русской лѣни). Для такого характера все рѣшаютъ обстоятельства. Если они пробудятъ въ Онѣгинѣ сильныя чувства, мы не удивимся: онъ способенъ быть минутнымъ энтузіастомъ и повиноваться порывамъ души. Если жизнь его будетъ безъ приключеній, онъ проживетъ спокойно, разсуждая умно, а дѣйствуя лѣниво“.

Если о Лермонтовѣ можно сказать, что онъ — тотъ же Печоринъ, только одаренный поэтическимъ геніемъ, то сказать о Пушкинѣ, что онъ—Онѣгинъ, осложненный пушкинскимъ геніемъ, рѣшительно нельзя. Лермонтовъ и Печоринъ находятся, такъ сказать, въ одной плоскости; Пуш-

кинъ и Онѣгинъ размѣстились на разныхъ плоскостяхъ. Это—величины несоизмѣримыя. Ихъ *несоизмѣримость*, затушеванная въ первой главѣ общностью классовой психологіи и байроническихъ увлеченій, уже чувствуется во второй главѣ и съ каждымъ шагомъ впередъ выясняется все очевиднѣе, и, дочитавъ романъ до конца, мы ясно видимъ глубокое, психологическое различіе между авторомъ и его героемъ.

Мы видимъ, какъ разошлись ихъ пути: одинъ затерялся въ жизни и скоро вынырнетъ, обернувшись Печоринымъ, потомъ Бельтовымъ, Рудинымъ и т. д., другого, какъ поэта, мы находимъ на огромной высотѣ творчества, а какъ человѣка—завязшимъ въ вязкой трясинѣ „свѣта“, откуда онъ живымъ не вылѣзетъ.

Онѣгины, благодаря присущей имъ „русской холодности“ и—въ придачу „русской лѣни“, сторонятся отъ жизни;—она ихъ не захватываетъ, а потому они не вязнутъ въ ея тинѣ. Выраженіе Веневитинова объ Онѣгинѣ: „онъ проживетъ *спокойно*, разсуждая умно, а дѣйствуя лѣниво“ требуетъ лишь небольшой оговорки или поправки. А именно: *слово „спокойно“* не означаетъ здѣсь внутренняго удовлетворенія, душевнаго мира, оно *лишь указываетъ на отсутствіе захватывающихъ общественныхъ (въ обширномъ смыслѣ) связей и обусловленныхъ ими обязательствъ, заботъ, тревогъ, волненій.*

Онѣгинъ не женится, не займется хозяйствомъ въ деревнѣ, не будетъ служить по выборамъ, не поступитъ на государственную службу, не сдѣлается ни литераторомъ, ни, вообще, человѣкомъ „свободныхъ профессій“, ни войдетъ въ тайное общество.

Онъ *человѣкъ безъ дѣла, онъ—лишній.* Его удѣлъ—скука и тоска одиночества. Ему осталось единственное „дѣло“: мыкаться по свѣту, и „разсуждать умно“, что̀ онъ и дѣлаетъ.

И можно предвидѣть, что, „дѣйствуя“ все лѣнивѣе, онъ будетъ „разсуждать“ все умнѣе и умнѣе и изъ этихъ „разсужденій“ со временемъ, по мѣрѣ того, какъ типъ Онѣгина будетъ проходить черезъ рядъ дальнѣйшихъ метаморфозъ (Печоринъ, Бельтовъ, Рудинъ и т. д.) выработаются цѣлыя мірозосерцанія, стройныя идеологіи, которыя *въ умственной жизни* страны сыграютъ крупную роль, а въ ея *дѣйствительной жизни*, въ тинѣ ея затяжной „эволюціи“ — быта,

учрежденій, нравовъ—окажутся *„лишними“*, какъ чувствовали себя лишними ихъ авторы, всѣ эти умно-разсуждающіе и лѣниво-дѣйствующіе господа, мыслящіе люди эпохи 20—50-хъ годовъ. Откуда, между прочимъ,—отъ времени до времени — порывъ къ „примиренію съ дѣйствительностью“, всегда оканчивающемуся неудачею.

Съ геніальною прозорливостью Пушкинъ намѣтилъ основныя черты типа и предсказалъ его эволюцію [1]).

Вотъ и сопоставимъ съ этою типично-русскою натурою натуру самого Пушкина съ его „африканскою кровью“,— Пушкина, у котораго совсѣмъ не было ни русской холодности, ни русской лѣни.

Живой, какъ ртуть, впечатлительный и горячій, какъ истый „сынъ юга“, точно онъ въ самомъ дѣлѣ родился „подъ небомъ Африки своей“, Пушкинъ „торопился“ не только „жить и чувствовать“, но и *дѣйствовать*. И, пожалуй, приходится сожалѣть, что онъ не умѣлъ „дѣйствовать лѣниво“. Онъ дѣйствовалъ слишкомъ прытко, точно какой-то бѣсъ дразнилъ и манилъ его—браться за все и во все вмѣшиваться, — отъ придворныхъ интригъ до журнальныхъ дрязгъ. Въ началѣ 20-хъ годовъ ему ужасно хочется быть „заговорщикомъ“, и тайны декабристовъ не даютъ ему спать. Въ Кишиневѣ и въ Одессѣ онъ будируетъ, ссорится съ начальствомъ, дерется на дуэли, ведетъ свѣтскую разсѣянную жизнь. Живо интересуетъ его и цыганскій таборъ, и возстаніе грековъ. Въ Михайловскомъ онъ томится отъ „бездѣйствія“, пишетъ ненужныя прошенія и чудныя письма, брызжущія умомъ и заразительной жизнерадостностью. Въ 1826 году ведетъ „хитрую политику“ съ Николаемъ Павловичемъ. Въ Петербургѣ впутывается въ великосвѣтскія интриги, ссорится съ министрами, затѣваетъ журналъ и газету, полемизируетъ съ Булгаринымъ и др., вступаетъ въ компромиссъ съ Гречемъ, будируетъ, шалитъ. Онъ и поэтъ, и историкъ, и критикъ, и публицистъ. Не можетъ держать языкъ за зубами и пишетъ то гимны, то эпиграммы.

Въ ряду нашихъ великихъ писателей едва-ли найдется другой столь „безпокойный“ человѣкъ, какъ Пушкинъ,

---

[1]) Нужно имѣть въ виду, въ этомъ случаѣ, кромѣ текста романа также отрывки изъ путешествія и дневника Онѣгина.

развѣ только—Лермонтовъ. Но у Лермонтова эта сторона соединялась съ задатками „трибуна“, съ способностью къ пламенному негодованію и протесту. Пушкинъ былъ „безпокойный“ и неугомонный человѣкъ просто потому, что, одаренный натурою не по-русски живою, онъ былъ рѣшительно неспособенъ сидѣть сложа руки. Въ немъ не было ничего „обломовскаго“.

Въ заключеніе этой параллели между Пушкинымъ и Онѣгинымъ, выясняющей коренное различіе между ними, упомянемъ о томъ, что Пушкинъ приписываетъ Онѣгину нѣкоторыя свои мысли, подобно тому, какъ Базаровъ и Потугинъ высказываютъ извѣстныя мысли Тургенева. Это обстоятельство нельзя отнести за счетъ субъективныхъ элементовъ творчества. Высказывая мысли Тургенева, Базаровъ и Потугинъ, какъ натуры, характеры и типы, остаются полною противоположностью Тургеневу. То же самое мы скажемъ и объ Онѣгинѣ. Въ своемъ дневникѣ и замѣткахъ онъ выражаетъ личныя мысли Пушкина; если угодно, и въ самомъ складѣ его ума можно найти черты, свойственныя уму Пушкина: трезвость, здравый смыслъ... Но все это ничуть не умаляетъ глубокаго психологическаго различія между Пушкинымъ и Онѣгинымъ и не увеличиваетъ числа субъективныхъ элементовъ, какіе участвовали въ построеніи послѣдняго.

Онѣгинъ, за вычетомъ немногихъ вышеуказанныхъ чертъ (великосвѣтской психологіи и байроническихъ увлеченій), долженъ быть признанъ продуктомъ *строго-объективнаго творчества*. Въ созданіи этого типа блестяще проявилась основная черта творческаго генія Пушкина: *объективность художника-наблюдателя*, у котораго самонаблюденіе стоитъ на второмъ планѣ, а на первый выступаетъ *живой интересъ къ другимъ людямъ*, къ натурамъ, отличнымъ отъ натуры самого поэта, къ явленіямъ окружающей жизни. У Пушкина эта черта, безъ сомнѣнія, находилась въ психологической связи съ его натурою — „безпокойнаго человѣка“, съ его „вкусомъ къ жизни“ и любопытствомъ — все знать, все видѣть, во все вмѣшиваться. И въ его творчествѣ, какъ въ его жизни, есть что-то „геніально-дѣтское“: любопытство и живость ребенка, который широко-раскрытыми, наивными глазами смотритъ на Божій міръ, гдѣ ему все инте-

ресно, все улыбается; онъ жадно поглощаетъ впечатлѣнія и самъ не замѣчаетъ, какъ изъ нихъ въ его сознаніи творится міръ. Позже всѣхъ прочихъ явленій замѣтитъ онъ себя самого. И, замѣтивъ, опять широко раскроетъ глаза и взглянетъ на себя со стороны, какъ на что-то постороннее, объективное. И намъ опять вспоминается Моцартъ, геній-ребенокъ, не замѣчающій своей собственной геніальности.

Художникъ этого типа долго не видитъ себя и, если видитъ, то урывками, частично,—и мало интересуется собою. Это не мѣшаетъ ему быть человѣкомъ вдумчивымъ, „удерживать вниманіе долгихъ думъ“. Это не мѣшаетъ ему также отъ времени до времени заглядывать въ свой внутренній міръ, каяться, исповѣдываться. Но только это самоуглубленіе похоже у него на раздумье угомонившагося ребенка, который незамѣтно отъ такого раздумья переходитъ къ глубокомысленному разсматриванію какой-нибудь игрушки, вообще чего-нибудь внѣшняго, „объективнаго“. Субъективное раздумье, самоуглубленіе прекращается вдругъ, само собою, а чаще разрѣшается слезами или смѣхомъ, — и ребенокъ уже забылъ о себѣ, пересталъ интересоваться своимъ „внутреннимъ міромъ“. Я хочу сказать, что вѣчное копаніе въ своей душѣ и способность постоянно видѣть и изображать самого себя, чѣмъ характеризуются художники *эгоцентрическаго уклада* (Гёте, Лермонтовъ, Л. Н. Толстой, Достоевскій),— несвойственны художникамъ *пушкинскаго типа*, у которыхъ мы находимъ только *натуральный эгоцентризмъ возраста* (а не натуры). Ребенокъ также эгоцентриченъ, но это именно эгоцентризмъ возраста, усиливающійся въ юности и проходящій въ зрѣлыхъ лѣтахъ. Настоящія эгоцентрическія натуры, это—тѣ, у которыхъ эгоцентризмъ съ годами не проходитъ, а усиливается. У Пушкина, именно въ раннее время его творчества, замѣтенъ только натуральный и преходящій эгоцентризмъ юности.

Какъ натура неэгоцентрическая и какъ художникъ объективнаго склада,—Пушкинъ въ своемъ образномъ творчествѣ—исходитъ не „отъ себя“. Но какъ лирикъ, онъ зачастую обращался *къ себѣ*. Субъективныхъ элементовъ творчества нужно искать въ его лирикѣ.

*Д. Н. Овсянико-Куликовскій.*

## Евгеній Онѣгинъ.

(Общественная сторона типа. — Онѣгинъ — плодъ знакомства поэта со столичной средой.—Собственное дѣтство Пушкина.—Характеристика русскаго воспитанія въ началѣ XIX-го ст. — Въ Онѣгинѣ воплощено поколѣніе, отравленное ядомъ „праздности ума“. — Евгеній превышалъ низкую посредственность и пресытился пустой жизнью.—Хандра, угрюмость, умъ рѣзкій, но холодный. — Порывы Онѣгина къ дѣятельности и неуспѣхъ всѣхъ его попытокъ. — Самолюбіе толкаетъ его къ писательству, къ которому онъ не подготовленъ. — Не умѣя читать, бросаетъ чтеніе. — Пребываніе въ деревнѣ. — Непривычка къ сельской жизни и къ упорному труду. — Безцѣльныя скитанія. — Поздняя страсть и мщеніе прежней жизни. — Эгоистичность исканій Онѣгина).

Типъ Онѣгина могъ сложиться у Пушкина вслѣдствіе хорошаго знакомства со столичною средою, въ которой онъ вращался съ юныхъ лѣтъ до самаго того времени, когда созрѣла въ немъ возможность отлить его въ полный жизни образъ. Черты домашняго воспитанія онъ могъ заимствовать отчасти даже и изъ собственнаго дѣтства: среда его отца, Сергѣя Львовича, и дяди, Василія Львовича, была тою средою, которая, менѣе сближаясь съ представителями современной образованности, нежели эти ея болѣе цивилизованные члены,—въ юномъ поколѣніи, между прочимъ, порождала Онѣгиныхъ. Припомнимъ тѣ строки изъ „Лицейскихъ записокъ“ Пушкина, которыя начинаются такъ: „Семья моего отца, его воспитаніе, французы-учителя:... m-r Martin. Отецъ и дядя въ гвардіи... Свадьба отца. Смерть императрицы Екатерины—рожденіе Ольги. Отецъ выходитъ въ отставку... Рожденіе мое“. И далѣе подъ 1812 и 1813 гг., когда поэту было 13 и 14 лѣтъ, онъ отмѣчаетъ: „Дядя Василій Львовичъ... Свѣтская жизнь“.

M-r l'abbé, который ходилъ за Евгеніемъ,

Слегка за шалости бранилъ
И въ Лѣтній садъ гулять водилъ;

ранняя свобода Онѣгина, дендизмъ, внѣшніе свѣтскіе пріемы, длинные тщательно обточенные ногти, французскій разговорный языкъ, остроуміе и эпиграммы, эпикуреизмъ, охотное посѣщеніе ресторановъ, театральныя знакомства—все это черты собственной жизни и привычекъ молодого Пушкина, изъ которыхъ многія остались на всю жизнь. Можно безъ преувеличенія сказать: исключите изъ юнаго Пушкина его

поэтическую душу—и получилось бы лицо, во многомъ сходное съ Онѣгинымъ. Но и объ этомъ внѣшнемъ игѣ времени и среды Пушкинъ неоднократно жалѣлъ и въ лирическихъ стихотвореніяхъ своихъ и въ отступленіяхъ романа. Таковы слова 30-й строфы I главы:

Увы, на разныя забавы
Я много жизни погубилъ:

„Я балы бъ до сихъ поръ любилъ", прибавляетъ Пушкинъ, „если бъ не страдали нравы". Эту-то безнравственность свѣтской жизни помогла ему совлечь съ себя поэтическая его природа. Онѣгинъ изображенъ лишеннымъ именно этой поэтической природы—и въ этомъ характерная противоположность съ творцомъ романа его героя, который, хотя снисходительно и слушалъ отрывки сѣверныхъ поэмъ Ленскаго, но, не имѣя страсти

Для звуковъ жизни не щадить,
Не могъ онъ ямба отъ хорея,
Какъ мы ни бились, отличить;
Бранилъ Гомера, Ѳеокрита...

Родители поэта стояли выше родителей Онѣгина—и уже послѣдовали инымъ вѣяніямъ своего времени, благодаря близости къ такимъ лицамъ, какъ А. И. Тургеневъ, содѣйствовавшій опредѣленію сына въ Лицей: но это были исключительныя обстоятельства на томъ общественномъ слоѣ, которому они принадлежали, и бытовыя черты воспитанія и жизни, безпощадно выставленныя Пушкинымъ въ I главѣ романа, не были чужды его собственнымъ до-лицейскимъ воспоминаніямъ. Они подтверждаются біографическими данными о жизни самого поэта или его близкихъ. Такъ, гувернеры Русло и Монфоръ, имена которыхъ съ неудовольствіемъ заноситъ онъ въ „Лицейскія записки" о своемъ домашнемъ воспитаніи до переѣзда въ Петербургъ, и іезуиты, тамъ же упоминаемые по переѣздѣ въ новую столицу, вводятъ насъ въ тотъ кругъ представленій, среди которыхъ долженъ былъ сложиться образъ monsieur l'abbé. Итакъ, воспитаніе, порученное эмигранту, въ „Евг. Онѣгинѣ"—черта настолько же біографическая, насколько и общебытовая. Мемуары и конца XVIII-го, и начала XIX-го вѣка представляютъ не мало тому подтвержденій. Такъ, Вигель, описывая семью кн. Голицына, изображаетъ воспитаніе

молодыхъ князей подъ руководствомъ Шевалье де Роленъ де Бельвиля слѣдующими чертами: „Развитіе ихъ умственныхъ способностей оставлено было на произволъ судьбы; никакихъ наставленій они не получали, никакихъ правилъ объ обязанностяхъ человѣка имъ преподаваемо не было. Гувернеръ ими очень мало занимался и только изрѣдка, какъ Онѣгина, *слегка бранилъ*“... Какого рода гражданское воспитаніе было въ рукахъ подобныхъ эмигрантовъ, могутъ свидѣтельствовать дальнѣйшія слова Вигеля: „Объ отечествѣ своемъ говорилъ, какъ всѣ французы, безъ чувства, но съ хвастовствомъ—и съ состраданіемъ болѣе, чѣмъ съ презрѣніемъ, о нашемъ варварствѣ“... „При Павлѣ размножились у насъ эмигранты: не было полка въ арміи, въ коемъ бы не находилось ихъ по два и по три человѣка. Вообще тѣмъ, коимъ удалось попасть въ службу, болѣе другихъ посчастливилось... Не такова была участь тѣхъ, кои принуждены были приняться за воспитаніе дѣтей; званіе учителя, въ нашихъ варварскихъ понятіяхъ, казалось намъ немного выше холопа-дядьки, вѣчнаго соперника мусью. Французы это замѣтили; но какъ не было возможности ихъ всѣхъ помѣстить на службу, ибо прибывающія ихъ толпы безпрестанно увеличивались, то, слѣдуя нашей пословицѣ (я думаю, у нихъ и заимствованной): „плоха честь, когда нечего ѣсть“, они разсѣялись по лицу земли русской, чтобы какимъ-либо образомъ добывать себѣ хлѣбъ. Умножающееся употребленіе французскаго языка способствовало имъ къ отысканію мѣстъ; скоро въ самыхъ отдаленныхъ губерніяхъ всякій небогатый даже помѣщикъ началъ имѣть своего маркиза. Не было у насъ для французовъ середины: ils devenaient outchitels ou grands seigneurs“.

Таковы были учителя изъ эмигрировавшихъ французскихъ дворянъ-роялистовъ или выдававшихъ себя за таковыхъ. Представителемъ ихъ въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ можетъ считаться Трике, кочевавшій изъ одного помѣщичьяго дома въ другой: недавно изъ Тамбова—теперь учитель въ семьѣ Харликовыхъ. Конечно, выше ихъ по своему образованію, но не по уваженію и любви къ Россіи, стояли іезуиты, встрѣтившіе гостепріимный пріемъ въ русскомъ обществѣ. Эти предпочитались столичною средою—и не удивительно, что одинъ изъ нихъ выведенъ у Пушкина воспитателемъ

Онѣгина, впрочемъ, какъ видно, изъ плохонькихъ. Кн. П. А. Вяземскій (бывшій на 7 лѣтъ старше Пушкина) въ воспоминаніяхъ о своемъ дѣтствѣ беретъ петербургскихъ воспитателей-іезуитовъ подъ защиту: онъ ведетъ рѣчь о педагогическомъ персоналѣ іезуитскаго коллегіума, гдѣ самъ воспитывался и куда первоначально предполагали помѣстить и Пушкина,—однако не представляетъ убѣдительныхъ фактовъ о добромъ нравственномъ вліяніи даже этихъ педагоговъ, конечно, стоявшихъ неизмѣримо выше „убогаго“ воспитателя Онѣгина. Изъ собственной же пансіонской жизни, какъ нарочно, кн. Вяземскій вспоминаетъ лишь одно изъ дѣйствій своихъ воспитателей, такъ совпадающее съ упомянутымъ въ „Евг. Онѣгинѣ“. „У меня въ Петербургѣ“, пишетъ онъ, „близкихъ родственниковъ не было. По большей части оставался я, подобно другимъ безроднымъ товарищамъ, дома. Въ утѣшеніе, *водили насъ въ Лѣтній садъ*. Лѣтомъ ректоръ-патеръ..., который особенно любилъ и какъ-то отличалъ меня, иногда бралъ меня на дачу, въ семейство голландскаго купца... тамъ, кромѣ особаго и лакомаго угощенія, забавлялся я игрою въ кегли. Вечеромъ, когда возвращались домой счастливцы, которые провели день въ семейномъ кругу или въ большомъ свѣтѣ, вѣстямъ и разсказамъ не было конца. Къ нимъ я жадно прислушивался. Зародыши будущаго мірянина и свѣтскаго человѣка пробуждались во мнѣ“. Кн. Вяземскій указываетъ лишь на одного изъ товарищей, обучившагося у іезуитовъ хорошо (Северина). Другіе въ его описаніи не отличаются отъ заурядной молодежи свѣтскаго круга того времени: „Юшковъ—уже и тогда ваятель и рѣзчикъ, но изъ картъ—будущій охотникъ до лошадей и знатокъ ихъ, искусно вырѣзывалъ породистыхъ лошадей, которыми товарищи любовались и даже промышляли, пуская между собою въ продажу и мѣну“; „Брусиловъ—будущій герой многихъ не писанныхъ, но осуществившихся романовъ“; „Энгельгардтъ (Вас. Вас.)—впослѣдствіи расточительный богачъ, не пренебрегавшій веселіями жизни, крупный игрокъ, впрочемъ, кажется, на вѣку своемъ болѣе проигравшій, построитель въ Петербургѣ дома, сбивающагося немножко на парижскій Пале-Рояль, со своими публичными увеселеніями, кофейнями, ресторанами“. „Пушкинъ“, прибавляетъ кн. Вяземскій, „очень любилъ

Энгельгардта за то, что онъ охотно игралъ въ карты, и за то, что очень удачно игралъ словами. Острыя выходки и забавные куплеты его ходили по городу; и въ пансіонѣ еще промышлялъ онъ этимъ, между прочимъ, и на мой счетъ; тотчасъ по водвореніи моемъ привѣтствовалъ онъ меня куплетомъ:

Mon Prince,
De quelle province?
— Coucou,
De Moscou.

Можно себѣ представить, съ какимъ единогласіемъ весь пансіонскій людъ подхватилъ этотъ куплетъ. Мнѣ прохода не давали"... „Одно время воспитанники забавлялись пусканіемъ мыльныхъ пузырей". Вотъ картины изъ жизни іезуитскихъ воспитанниковъ, которыя, вопреки волѣ писавшаго ихъ, служатъ прекраснымъ комментаріемъ къ строфамъ о воспитаніи Онѣгина, отецъ котораго предпочелъ только вмѣсто того, чтобъ отдавать сына въ пансіонъ, взять къ нему аббата въ домъ, чтобы потомъ прогнать его, когда „юности мятежной придетъ Евгенію пора".

Другой современникъ Пушкина характеризуетъ такъ воспитаніе того круга, который изображенъ въ „Онѣгинѣ": „Отцы наши... оставили въ сторонѣ" всѣ „безполезныя вещи", которыя я не назову, чтобы не прослыть педантомъ, и очень были рады, что вся мудрость человѣческая ограничилась обѣдомъ, ужинами и прочими тому подобными полезными предметами. Между тѣмъ у отцовъ нашихъ завелись дѣти, дошло дѣло до воспитанія; они благоразумно продолжали во всемъ сомнѣваться, смѣясь надъ системами... Между тѣмъ ихъ дѣти росли, росли и, наперекоръ добрымъ людямъ, сами составили для себя систему жизни,— однако, систему не мечтательную, а въ которой помѣстились эпиграмма Вольтера, анекдотъ, разсказанный бабушкою стихъ изъ Парни, нравственно-ариѳметическая фраза Бентама, насмѣшливое воспоминаніе о примѣрѣ для прописи, газетная статья, кровавое слово Наполеона, законъ о карточной чести и прочее тому подобное, чѣмъ до сихъ поръ пробавляются старые и молодые воспитанники XVII столѣтія".

Въ „Запискѣ о народномъ воспитаніи“ (1826) Пушкинъ такъ характеризуетъ воспитаніе юношества того времени, къ которому относится пора отрочества, и его собственнаго, и его героя: „Лѣтъ 15 тому назадъ молодые люди занимались только одною свѣтскою образованностью *(въ рукописи первоначально:* любезностью) или шалостями“... „Въ другихъ земляхъ молодой человѣкъ кончаетъ курсъ ученія около 25 лѣтъ, у насъ онъ торопится вступить какъ можно ранѣе въ службу... Онъ входитъ въ свѣтъ безъ всякихъ положительныхъ *(въ рукописи первоначально:* основательныхъ) правилъ: „всякая мысль для него нова, всякая новость имѣетъ на него вліяніе“. Здѣсь Пушкинымъ высказано то самое, что̀ поэтически воплощено въ строфахъ Онѣгина, гдѣ описываются результаты „отсутствія всякаго воспитанія“, какъ онъ выразился въ „Запискѣ“... „Въ Россіи“, замѣчаетъ онъ далѣе, *„домашнее воспитаніе есть самое недостаточное, самое безнравственное...* Воспитаніе ограничивается изученіемъ двухъ-трехъ иностранныхъ языковъ и начальнымъ основаніемъ всѣхъ наукъ, преподаваемыхъ какимъ-нибудь нанятымъ учителемъ. Воспитаніе въ частныхъ пансіонахъ немногимъ лучше. Здѣсь и тамъ оно *кончается на 17-лѣтнемъ возрастѣ воспитанника“*. Это все черты, воспроизведенныя поэтомъ и въ „Евгеніи Онѣгинѣ“. Опытъ собственной его жизни во многомъ, хотя и не во всемъ, отличался отъ нихъ. При всей неурядицѣ, царствовавшей въ Царскосельскомъ лицеѣ въ то время, когда воспитывался тамъ Пушкинъ, нельзя было не сознать ему всю цѣну пройденнаго имъ воспитанія въ общественномъ училищѣ. Вотъ почему онъ прибавляетъ въ „Запискѣ“ своей: „Должно увлечь все юношество въ общественныя заведенія... должно его тамъ удержать, дать ему время перекипѣть, обогатиться познаніями, созрѣть въ тишинѣ училищъ, а не въ шумной праздности казармъ“. Здѣсь невольно приходитъ на память та лейбъ-гусарская молодежъ, которой тонъ давали Каверины и имъ подобные эпикурейцы, которые такъ неумѣстно вторгнулись своимъ вліяніемъ въ „тишину“ царскосельскаго училища. Пушкинъ когда-то самъ писалъ эпикурейское посланіе къ Каверину. Подъ такимъ вліяніемъ мечталъ нѣкогда и самъ поэтъ „подъ киверъ спрятать умъ“, когда въ посланіи къ дядѣ писалъ:

И что̀ завиднѣй бранныхъ дней
Не слишкомъ мудрыхъ усачей,
Но сердцемъ—истинныхъ гусаровъ?

Увлекавшія нѣкогда молодежь картины недавнихъ бранныхъ дней уже не имѣли мѣста въ тѣ дни, когда расцвѣталъ Онѣгинъ. Молодежь раздѣлилась: одни предавались „рѣзвымъ шалостямъ“ столичной жизни, другіе—„политическимъ шалостямъ“. *„10 лѣтъ спустя“, писалъ Пушкинъ* въ упомянутой „Запискѣ“, объясняя результаты поверхностнаго образованія, *„мы увидѣли либеральныя идеи необходимой вывѣской хорошаго воспитанія, разговоръ исключительно политическій, литературу, подавленную самою своенравною цензурою, превратившуюся въ рукописные пасквили... наконецъ, и тайныя общества, заговоры, замыслы болѣе или менѣе кровавые и безумные.* Ясно, что походамъ 13-го и 14-го года, пребыванію нашихъ войскъ во Франціи и Германіи должно приписать сіе вліяніе на духъ и нравы того поколѣнія, коего несчастные представители погибли на нашихъ глазахъ“. Не просвѣщенію (сказано въ Высочайшемъ манифестѣ отъ 13 іюля 1826 г.), но праздности ума болѣе вредной, чѣмъ праздность тѣлесныхъ силъ, недостатку твердыхъ познаній должно приписать сіе своевольство мыслей, источникъ буйныхъ страстей, сію пагубную роскошь полупознанія; сей порывъ въ мечтательныя крайности, коихъ начало есть порча нравовъ, а конецъ—погибель“. Скажемъ болѣе, прибавляетъ Пушкинъ, „одно просвѣщеніе въ состояніи удержать новыя безумства, новыя общественныя бѣдствія“.

Но декабристы, которыхъ разумѣлъ здѣсь Пушкинъ, приводя слова Высочайшаго манифеста, были исключеніемъ, меньшинствомъ молодежи его времени. Въ героѣ своего романа концентрировалъ Пушкинъ иныя слѣдствія „пагубной роскоши полупознаній“, „недостатка твердыхъ познаній“: въ немъ воплощено *поколѣніе, отравленное тѣмъ ядомъ „праздности ума“, который, ускользая отъ преслѣдованія закона, заражалъ организмъ молодого поколѣнія, внося зло, помимо политической сферы, во всякія человѣческія отношенія и въ самую семью.*

Изъ обоихъ теченій, которымъ послѣдовала молодежь двадцатыхъ годовъ: наслажденій внѣшними благами жизни и политическихъ мечтаній, Онѣгинъ не примкнулъ ко вто-

рому и недолго увлекался первымъ. Онъ настолько превышалъ низкую посредственность, что скоро почувствовалъ, что „служеніе Вакху и Венерѣ“ не можетъ дать счастія. Неясный намекъ даетъ право предполагать, что и Онѣгинъ вышелъ изъ круга военной молодежи:

Но разлюбилъ онъ, наконецъ,
И брань, и саблю, и свинецъ.

Не удовольствовался онъ этою жизнью, слѣдуя мысли поэта:

Смѣшонъ, конечно, мирный воинъ.

Но тутъ-то и началось для него *мученіе той полуобразованности*, которая отъ обычныхъ бытовыхъ формъ русской жизни его оторвала, а на путь самостоятельной полезной дѣятельности не поставила. Результатъ получился печальный. Созрѣлъ типъ людей тягостныхъ и для другихъ, и для себя самихъ. *Хандра, угрюмость, умъ рѣзкій, но холодный*—вотъ характеристика тѣхъ „жертвъ злобы слѣпой фортуны и людей“, которыя, не будучи одарены какими-нибудь исключительными дарованіями, какъ, напр., самъ Пушкинъ, ложились всею своей тяжестью на породившее ихъ общество, сами страдая невыносимо.

При всей сжатости формы стихотворнаго романа, Пушкинъ съ замѣчательною полнотою захватилъ въ немъ психическую жизнь своего героя. Онъ изображаетъ *его порывы къ дѣятельности*.

Но къ какой же дѣятельности былъ подготовленъ Евгеній своимъ аббатомъ и праздною жизнью въ томъ возрастѣ, когда именно складывается характеръ человѣка?

Къ тому же *легкій успѣхъ въ свѣтѣ*, гдѣ онъ успѣлъ уже заслужить репутацію мыслящаго, начитаннаго и даже „ученаго“ человѣка (строфы 2, 6 и 7-я I гл.), пріучилъ его не довольствоваться скромнымъ мѣстомъ въ заднихъ рядахъ общества.

Слѣдовательно, его *самолюбіе* было уже настолько разнѣжено, что онъ привыкъ считать себя выше заурядной толпы.

Первою его мыслію было взяться за перо.

Но трудъ упорный
Ему былъ тошенъ. Ничего
Не вышло изъ пера его.

Тогда принялся онъ за чтеніе, т.-е. поступалъ именно *обратно тому*, что сдѣлалъ бы человѣкъ иного образованія. Но люди, подобные Онѣгину, т.-е. пріучившіеся судить прежде, нежели узнать то, о чемъ сужденія они усвоиваютъ или произносятъ сами, неспособны извлекать пользу изъ чтенія и находить въ немъ удовлетвореніе. Здѣсь Пушкинъ подмѣтилъ одно изъ существенныхъ золъ „полупознанія“ — его самоувѣренность:

Читалъ, читалъ, а все безъ толку:
Тамъ скука, тамъ обманъ и бредъ.

Незнакомое съ процессомъ познанія на собственномъ опытѣ, полузнаніе не умѣетъ читать; мысль для него новая признается или за обманъ или за глупость; мысль, совпадающая съ его собственными мнѣніями, ему кажется старою. Наконецъ, указанныя въ вышеупомянутой „Запискѣ“, внезапно охватившія общество либеральныя идеи Александровскаго времени льстили самодовольному полупросвѣщенію еще и тѣмъ, что давали легкую возможность осуждать труды другихъ въ недостаткѣ независимости:

На всѣхъ различныя вериги—

такъ судило это наивное самодовольство. Это тоже—черта времени. Припомнимъ, какъ встрѣченъ былъ историческій трудъ Карамзина Онѣгиными современнаго общества:

Когда Пушкинъ въ первые годы своей послѣ-лицейской жизни не вынесъ ея и занемогъ, потому что, какъ Онѣгинъ,

... не всегда же могъ
Beef-steaks и страсбургскій пирогъ
Шампанской обливать бутылкой
И сыпать острыя слова,
Когда болѣла голова,

то уже не такъ, какъ Онѣгинъ, но жадно въ постели своей прочелъ только что вышедшіе первые 8 томовъ Исторіи Карамзина (это было въ февралѣ 1818 г.). „Я прочелъ ихъ“, вспоминаетъ онъ въ своей автобіографіи (1825) „съ жадностью и со вниманіемъ. Когда, по моемъ выздоровленіи, я снова явился въ свѣтъ, толки были во всей силѣ. Признаюсь, они были въ состояніи отучить всякаго отъ охоты къ славѣ. Ничего не могу вообразить глупѣе свѣтскихъ сужденій, которыя удалось мнѣ слышать на счетъ духа и слога Исторіи

Карамзина... Никто не сказалъ спасибо человѣку, уединившемуся въ ученый кабинетъ во время самыхъ лестныхъ успѣховъ и посвятившему цѣлыхъ 12 лѣтъ жизни безмолвнымъ и неутомимымъ трудамъ". Кто же давалъ тонъ „свѣтскимъ сужденіямъ" о трудѣ историка? Чей приговоръ „о духѣ его былъ подхватываемъ ими?" Молодые якобинцы негодовали на исторіографа за его умѣренность: нѣсколько отдѣльныхъ размышленій въ пользу самодержавія... казались имъ верхомъ варварства и униженія... „Нѣкоторые изъ людей свѣтскихъ", продолжаетъ Пушкинъ, „письменно критиковали предисловіе, или введеніе. Предисловіе!... Мих. Орловъ, въ письмѣ къ Вяземскому, пенялъ Карамзину, зачѣмъ въ началѣ Исторіи не помѣстилъ онъ какой-нибудь блестящей гипотезы о происхожденіи славянъ, т.-е. требовалъ романа въ исторіи— ново и смѣло. Нѣкоторые остряки за ужиномъ переложили первыя главы Тита Ливія слогомъ Карамзина. Римляне временъ Тарквинія, не понимающіе спасительной монархіи, и Брутъ, осуждающій на смерть своихъ сыновъ, ибо „рѣдкіе основатели республикъ славятся нѣжною чувствительностью",—конечно, были очень смѣшны. Мнѣ приписали одну изъ лучшихъ русскихъ эпиграммъ; это — не лучшая черта моей жизни". Не ясно ли, что для такого веселаго развлеченія не нужно было даже прочесть трудъ Карамзина? Достаточно было просмотрѣть предисловіе и знать

... дней минувшихъ анекдоты
Отъ Ромула до нашихъ дней.

Не удовлетворившись чтеніемъ, Онѣгинъ

... оставилъ книги
И полку съ пыльной ихъ семьей
Задернулъ траурной тафтой.

Смерть дяди бросаетъ его въ деревню, и мы видимъ здѣсь его, какъ помѣщика.

Вотъ нашъ Онѣгинъ сельскій житель,
Заводовъ, водъ, лѣсовъ, земель
Хозяинъ полный, а досель
Порядка врагъ и расточитель,
И очень радъ, что прежній путь
Перемѣнилъ на что-нибудь.

Поведеніе въ деревнѣ какъ нельзя болѣе согласно съ тѣми задатками, которые вынесъ онъ изъ своей петербургской жизни.

Лишенный въ дѣтствѣ сельскихъ впечатлѣній, онъ не могъ въ Лѣтнемъ саду и ресторанахъ Петербурга воспитать въ себѣ привязанности къ простотѣ деревенской жизни и къ красотѣ природы, столь знакомыхъ Пушкину, для котораго деревня была „пріютомъ спокойствія, трудовъ и размышленья“.

Поэтъ и въ этомъ отмѣчаетъ съ удовольствіемъ разность между Онѣгинымъ и собой.

Однакоже деревня на первое время даетъ Онѣгину поводъ къ новой попыткѣ заняться чѣмъ-нибудь полезнымъ (по счету—третьей). Недаромъ вращался онъ въ средѣ просвѣщенной столичной молодежи. Онъ уже достаточно наслушался разговоровъ и политико-экономическихъ и юридическихъ въ Петербургѣ, гдѣ

...иная дама
Толкуетъ Сея и Бентама

да и самъ

...читалъ Адама-Смита
И былъ глубокій экономъ,
То-есть умѣлъ судить о томъ,
Какъ государство богатѣетъ,
И чѣмъ живетъ и почему
Не нужно золото ему,
Когда простой продуктъ имѣетъ.

Попытка Онѣгина „учредить новый порядокъ“ въ своемъ имѣніи, однакоже, ограничилась только однимъ похвальнымъ распоряженіемъ:

Въ своей глуши мудрецъ пустынный,
Яремъ онъ барщины старинной
Оброкомъ легкимъ замѣнилъ—
И рабъ судьбу благословилъ.

Вотъ все, что онъ сумѣлъ сдѣлать въ своемъ имѣніи. Старыя привычки взяли верхъ; онъ ограничился праздностью и разговорами съ готовымъ слушать его юнымъ сосѣдомъ; разговоры окончились просьбою познакомить его съ сосѣдками.

Дальнѣйшая жизнь Онѣгина представляетъ то же безплодное бездѣйствіе и праздность: безцѣльное путешествіе

возбуждаетъ въ немъ только тоску. Въ черновыхъ наброскахъ путешествія Онѣгина Пушкинъ заставилъ было его однажды проснуться патріотомъ:

Въ Hôtel de Londres, что̀ по Морской.
Россія!.. Русь!.. мгновенно
Ему понравились отмѣнно
И рѣшено—ужъ онъ влюбленъ!
Россіей только бредитъ онъ!
Ужъ онъ Европу ненавидитъ,
Съ ея логической...
Съ ея разумной суетой.
Онѣгинъ ѣдетъ, онъ увидитъ
Святую Русь,—ея поля,
Селенья, грады и моря,
(Дубравы, степи) и моря.
(И вотъ) собрался—слава Богу!
Іюня третьяго числа
Коляска вѣнская въ дорогу
Его по почтѣ понесла.
Среди равнины полудикой
Онъ видитъ Новгородъ Великій...
Тоска! тоска!.. и т. д.

То былъ послѣдній (счетомъ четвертый) порывъ къ какому-нибудь дѣлу. Но и путешествіе, вызванное только „безпокойствомъ, охотой къ перемѣнѣ мѣстъ“,—что Пушкинъ нашелъ болѣе свойственнымъ Онѣгину, нежели увлеченіе, хотя бы и минутное, патріотическимъ чувствомъ и желаніемъ узнать отечество,—не могло удовлетворить его. Послѣднія силы его слабой воли были уже истрачены—всякая дѣятельность Онѣгина кончена, когда еще и половина жизни не была прожита имъ; онъ увидѣлъ, что въ немъ вовсе нѣтъ нравственныхъ силъ для того, чтобы осуществить въ своей жизни тѣ новыя начала, которыя въ видѣ привитыхъ ему идей или, правильнѣе, словъ, мѣшали ему отдаваться заурядной жизни въ будничныхъ ея формахъ. Онъ почувствовалъ полное безсиліе и безпомощность на жизненномъ пути—тутъ въ немъ вспыхнула страсть.

*Любовь, и притомъ къ особѣ недюжинной,* могла бы, казалось, возродить несчастнаго скитальца, наполнивъ его безсодержательную жизнь, и вызвать на дѣятельность: но по глубокому замыслу поэта и это чувство въ Онѣгинѣ должно было явиться не тогда, когда могло имѣть указан-

ное значеніе: *прежняя жизнь Онѣгина должна стать трагическою виною, требующею возмездія, и орудіемъ этого возмездія явилось именно то, что наиболѣе безсердечно было попрано имъ въ этой прошлой жизни.* Вся эта прошлая жизнь проносится передъ совѣстью Онѣгина въ слѣдующихъ строфахъ:

То были тайныя преданья
Сердечной темной старины,
Ни съ чѣмъ не связанные сны,
Угрозы, толки, предсказанья,
Иль длинной сказки вздоръ живой,
Иль письма дѣвы молодой.
То видитъ онъ: на таломъ снѣгѣ,
Какъ будто спящій на ночлегѣ,
Недвижимъ юноша лежитъ,
И слышенъ голосъ: что жъ? убитъ!
То видитъ онъ враговъ забвенныхъ,
Клеветниковъ и трусовъ злыхъ,
И рой измѣнницъ молодыхъ,
И кругъ товарищей презрѣнныхъ...

И предметъ страсти, его посѣтившей теперь, неразрывно связанъ въ этихъ воспоминаніяхъ съ мыслью о неоцѣненномъ имъ порывѣ чистой души.

Любви всѣ возрасты покорны,
Но юнымъ, *дѣвственнымъ сердцамъ*
Ея порывы благотворны,
Какъ бури вешнія полямъ:
Въ дождѣ страстей они свѣтлѣютъ
И обновляются, и зрѣютъ,—
И жизнь могущая даетъ
И пышный цвѣтъ, и сладкій плодъ.

Но не таковъ Евгеній, исказившій въ ложныхъ сердечныхъ отношеніяхъ святое чувство любви. „Въ возрастъ поздній и безплодный“ онъ влюбляется въ Татьяну какъ дитя, но самый источникъ этой страсти скрывается въ старомъ болотѣ мелкаго свѣтскаго чувства—тщеславія. Любовь Онѣгина къ Татьянѣ загорается подъ впечатлѣніемъ метаморфозы, которая поразила его въ Татьянѣ: простая искренняя дѣвочка вдругъ предстала ему женщиной, получившей поразительный успѣхъ въ томъ обществѣ, къ которому принадлежалъ Онѣгинъ всею силою своего ничтожества. Какъ прежде не цѣнилъ онъ Татьяны, такъ и теперь онъ не знаетъ ея, потому что цѣнитъ въ ней то, что составляетъ случайную ея принадлежность („пріемы утѣснительнаго сана“, велича-

вость, небрежность, положеніе „законодательницы залъ“ и т. п.). Вотъ что стало чарующимъ въ Татьянѣ для Онѣгина. Существенныя же достоинства ея остались для него неуловимыми. Ея мечта „свершить съ нимъ когда-нибудь *смиренной* жизни путь“ не нашла бы никоимъ образомъ отголоска въ душѣ его. Насколько ему закрыта сущность души Татьяны, лучше всего видно изъ того, какъ толкуетъ онъ ту недоступность, которая поразила его въ Татьянѣ: онъ считаетъ суровый взоръ ея укоромъ, „затѣями хитрости презрѣнной“, а „гнѣва слѣдъ“ на лицѣ ея объясняетъ тайной боязнью, „чтобъ мужъ или свѣтъ не угадалъ проказы слабости случайной“. Съ замѣчательной психологической прозорливостью поэтъ указываетъ Ахиллесову пяту испорченнаго сердца Онѣгина: въ письмѣ своемъ къ Татьянѣ Онѣгинъ не умѣетъ примирить свою теперешнюю любовь со своимъ прошлымъ, и онъ лжетъ:

Случайно васъ когда-то встрѣтя,
Въ васъ искру нѣжности замѣтя,
Я ей повѣрить не посмѣлъ:
Привычкѣ милой не далъ ходу.

Наконецъ, и о неизгладимомъ пятнѣ этого прошлаго—убійствѣ Ленскаго—упоминаетъ онъ въ письмѣ своемъ съ замѣчательною холодностью...

Какъ нельзя болѣе выступаетъ и вся эгоистичность исканій Онѣгина; въ письмѣ онъ ведетъ рѣчь все время о себѣ:

Но *я* лишенъ того: для васъ
Тащусь повсюду наудачу;
*Мнѣ* дорогъ день, мнѣ дорогъ часъ:
А я въ напрасной скукѣ трачу
Судьбой отсчитанные дни,
И такъ ужъ тягостны они.
Я знаю: вѣкъ ужъ *мой* измѣренъ;
Но чтобъ продлилась жизнь *моя*,
*Я* утромъ долженъ быть увѣренъ,
Что съ вами днемъ увижусь я.

И это онъ называетъ „смиренною мольбой“. Въ письмѣ нѣтъ и намека на то, чтобы онъ подумалъ хоть сколько-нибудь о жизни самой Татьяны. Рѣшаясь писать ей о своей любви, онъ ни словомъ не намекаетъ, что подумалъ о томъ, чѣмъ же должна стать ея жизнь, если она отвѣтитъ на эту

любовь. Извлекая изъ письма Онѣгина образъ Татьяны въ этомъ будущемъ, какъ Онѣгинъ представляетъ ее себѣ, мы не получаемъ ничего, кромѣ „улыбки устъ, движеній глазъ“ и туманнаго представленія рѣчей, въ которыхъ должно выразиться ея „совершенство“, т.-е. Онѣгинъ не представлялъ себѣ въ тѣхъ отношеніяхъ, на которыя напрашивался, со стороны Татьяны ничего, кромѣ принятія поклоненія. Что предлагалъ онъ ей послѣ того, когда исполнилось бы его желаніе, выраженное въ словахъ:

Желать обнять у васъ колѣни,
И, зарыдавъ, у вашихъ ногъ
Излить мольбы, признанья, пени,
Все, все, что выразить бы могъ?—

ничего, кромѣ обидной роли жены, обманувшей мужа... И какое „совершенство“ представлялъ себѣ Онѣгинъ въ женщинѣ, согласной на такую жизнь?

Для пониманія подобной софистики страсти Пушкинъ имѣлъ не мало данныхъ въ собственной жизни. Въ качествѣ „ничтожнаго дитяти міра“ онъ отдалъ дань страсти со всею легкостью взгляда на отношенія, ею вызываемыя, нравовъ того свѣта, въ которомъ онъ вращался. Само собою разумѣется, что отношенія Онѣгина къ Татьянѣ не были воспроизведеніемъ дѣйствительныхъ отношеній Пушкина къ кому-либо, но нельзя не видѣть явленій одного и того же порядка въ отношеніяхъ поэтическаго лица и волненій, пережитыхъ однажды самимъ поэтомъ. Въ Тригорскомъ, у сосѣдокъ своихъ по сельцу Михайловскому, Пушкинъ встрѣтилъ молодую жену генерала Керна, и она сильно увлекла Пушкина. При всемъ „ребячествѣ“ этого чувства, оно могло въ поэтическомъ воспроизведеніи послужить для одного изъ прекраснѣйшихъ лирическихъ стихотвореній. Строки и письма Онѣгина къ Татьянѣ имѣютъ, конечно, не болѣе связи съ этой страстью поэта къ дѣйствительному лицу, чѣмъ это стихотвореніе: но нельзя не видѣть и въ нихъ одно изъ тѣхъ личныхъ впечатлѣній, которыя такъ преображаются въ произведеніяхъ поэтовъ, служа цѣлямъ этихъ произведеній, но оставляя на нихъ слѣды свои порою сознательно, а порою безсознательно.

Разлученный съ А. П. Кернъ, которую г-жа Осипова, замѣтивъ страсть Пушкина, поспѣшила увезти въ Ригу,

Пушкинъ 15 іюня 1825 года писалъ ей: „Я имѣлъ слабость позволенія писать къ вамъ, вы дали мнѣ на это позволеніе... Вашъ пріѣздъ въ Тригорское оставилъ во мнѣ впечатлѣніе глубже и мучительнѣе того, которое производила на меня въ былые дни наша встрѣча у Оленина. Въ моей печальной деревенской глуши не могу сдѣлать ничего лучше, какъ стараться больше не думать о васъ“... „Опять берусь за перо, ибо умираю со скуки и могу заниматься только вами. Надѣюсь, что письмо это вы прочтете украдкою—спрячете ли его опять на груди? Напишите ли мнѣ длинный отвѣтъ? Пишите мнѣ все, что̀ вамъ въ голову придетъ, заклинаю васъ. Если боитесь моей нескромной хвастливости, если не хотите компрометировать себя, измѣните почеркъ, подпишитесь вымышленнымъ именемъ, мое сердце сумѣетъ признать васъ. Если выраженія ваши будутъ столь же нѣжны, какъ взглядъ вашъ, увы! постараюсь имъ повѣрить или обмануть себя, это все равно“...

Характеръ отношеній Пушкина къ А. П. Кернъ, явный и изъ этого, и изъ послѣдующихъ писемъ, не сходенъ съ отношеніемъ героевъ романа настолько, насколько сама личность г-жи Кернъ несходна съ личностью Татьяны: потому дальнѣйшія сближенія невозможны.

*Л. Поливановъ.*

---

## Удовлетворяетъ ли пушкинскій Годуновъ требованіямъ теоріи драмы?

Аристотель опредѣляетъ трагедію, какъ подражаніе дѣйствію, достойному *состраданія* и *страха*.

Истинно трагическое зрѣлище должно возбуждать въ зрителяхъ и *страхъ* передъ роковою судьбою, постигающей героя, и вмѣстѣ съ этимъ въ нихъ должно пробудиться и *состраданіе* къ герою, ибо трагическое состраданіе не есть чувство, независимое отъ страха. Оно неразрывно съ нимъ связано и опредѣляется имъ. Какъ скоро нѣтъ возможности страха, нѣтъ мѣста и состраданію.

„Для насъ страшно все то, говоритъ Аристотель, что возбуждаетъ наше состраданіе, если бы оно случилось или должно было случиться съ другимъ; а заслуживающимъ

состраданія слѣдуетъ считать все то, чего бы мы боялись, если бы оно угрожало намъ самимъ".

Но какія же условія должны быть соблюдены для достиженія наибольшей полноты впечатлѣнія?

По мысли Аристотеля *страхъ* отъ трагическаго дѣйствія возможенъ для насъ тогда, когда трагическое лицо *равно* или близко къ намъ по своимъ душевнымъ качествамъ, *сострадание* тогда, когда страданіе этого лица не заслужено или превышаетъ проступокъ. Вотъ два условія для трагическаго героя, условія нераздѣльныя и совмѣстныя...

Поэтому, по словамъ Аристотеля, *ни вполнѣ добродѣтельный, ни вполнѣ преступный и порочный не годятся въ трагическіе герои.*

Когда полный праведникъ переходитъ отъ счастья къ несчастью, то этимъ не возбуждается ни *страха* (мы вѣдь не полные праведники), ни *состраданія* (по связи его со страхомъ); подобное зрѣлище для насъ просто *возмутительно.*

Равнымъ образомъ, видя злосчастіе полнаго злодѣя, мы не можемъ чувствовать ни *страха* (мы не полные злодѣи), ни *состраданія* (онъ страдаетъ подѣломъ). Однако, здѣсь еще возможно зарожденіе чувства, подобнаго состраданію, но не равнаго ему. Аристотель называетъ его *филантропіей,* а толкователь его, Лессингъ—*жалостію по человѣчеству.*

Со всѣмъ этимъ нельзя не согласиться. Причина возникновенія искусства заключается въ томъ, что дѣйствительная жизнь не можетъ вполнѣ удовлетворить присущей человѣку потребности правды, добра и красоты, міра идеала.

Мы стремимся къ этому міру, испытываемъ его дѣйствія, но воочію не видимъ его.

Задачи искусства—создать и въ образахъ показать намъ этотъ міръ, міръ высшей гармоніи, чуждой диссонансовъ, міръ совершенствъ.

Но воспроизводить нерѣдкіе въ дѣйствительной жизни диссонансы, изображать зло, порокъ, не давая чувствовать его ничтожества и призрачности въ общемъ порядкѣ вещей, противно сущности искусства. Ничѣмъ не заслуженное страданіе несправедливо, не разумно. Оно является для насъ случайностью въ высшемъ, разумномъ ходѣ вещей; случайное же исключаетъ типичность и тѣмъ болѣе тра-

гичность. Равнымъ образомъ законная кара злодѣя, хотя и удовлетворяетъ чувству справедливости, все-таки не можетъ дать эстетическаго впечатлѣнія, если лицо, на которомъ проявляетъ свою силу законъ, ничѣмъ не возбуждаетъ нашего сочувствія: дѣйствіе остается для насъ внѣшнимъ; мы не сознаемъ связи между совершающимся на сценѣ и тѣмъ, что существуетъ въ насъ самихъ, если мы не видимъ въ душѣ дѣйствующаго лица тѣхъ колебаній, того спора слабости съ твердостью, хорошихъ побужденій съ дурными, изъ котораго слагается и жизнь каждаго человѣка. Мы одобряемъ показанный намъ примѣръ правосудія и остаемся холодны.

За героя трагедіи мы тогда только можемъ *страшиться*, когда онъ близокъ намъ въ нравственномъ отношеніи, когда мы можемъ чувствовать возможность роковой судьбы для себя, чувствуя возможность самимъ впасть въ грѣхъ, влекущій за собой кару. Но въ этомъ *страхѣ*, слѣдуетъ замѣтить, нѣтъ ничего эгоистическаго, такъ какъ трагически страшимся мы того для себя, чему въ другомъ *сострадаемъ*; приходимъ въ ужасъ вообще передъ дѣйствительностью, которая часто въ тяжести и мученіяхъ своихъ превышаетъ вину страдальца. Мы должны видѣть преступленіе, нарушеніе нравственнаго закона, влекущее за собою необходимую, по нашему внутреннему убѣжденію, кару; это преступленіе должно быть совершено свободною волею, изъ-за понятныхъ намъ побужденій, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны видѣть и понимать первоначальную красоту духа героя, его высокія душевныя качества, только помраченныя темнымъ преступнымъ движеніемъ, и только при такомъ условіи возможно полное и законченное, вполнѣ эстетическое впечатлѣніе отъ дѣйствія...

Шекспиръ глубоко понималъ это: самыя титаническія, ужасныя и мрачныя личности, являющіяся героями его пьесъ, въ родѣ Отелло, Макбета, Ричарда III, заставляютъ насъ удивляться ихъ могучимъ силамъ и возбуждаютъ въ насъ грустное раздумье о томъ, какъ хорошо могли бы эти люди употребить ихъ сильную волю, ихъ гибкій умъ— и на что они ихъ употребили. Но этого мало: мы видимъ внутреннюю борьбу этихъ личностей, ихъ страданія вслѣдствіе ея, — страданія ужасныя, мучительныя, еще раньше

ихъ рокового конца почти искупающія совершенное преступленіе... Трагедія „Макбетъ“ есть изображеніе въ дѣйствіи постепеннаго паденія доблестной души и притомъ паденія, все болѣе и болѣе заставляющаго страдать сознающую это паденіе душу и мучиться даже до отчаянія... Ричардъ III—несомнѣнный злодѣй, человѣкъ-извергъ... Но и въ немъ пробуждается сознаніе человѣческаго достоинства подъ гнетомъ страшнаго сновидѣнія, когда онъ исполняется ужасомъ при мысли о своихъ дѣлахъ; и *его* душу грызетъ раскаяніе, сопровождаемое отчаяніемъ передъ пробудившимся омерзѣніемъ къ самому себѣ, къ своимъ гнуснымъ стремленіямъ и дѣламъ. Съ другой стороны, король Лиръ, конечно, виновенъ въ томъ, что падокъ на лесть и не допускаетъ въ другихъ самостоятельнаго къ нему отношенія. Онъ не правъ, лишая Корделію наслѣдства, изгоняя Кента. Но кара, постигшая его, безмѣрно превышаетъ его вину: онъ лишенъ не только того, что самъ оставилъ себѣ изъ прежняго богатства и власти, но и крова; онъ сознаетъ свою несправедливость къ Корделіи и лишается ея совсѣмъ, только что примирившись съ нею и въ ту минуту, когда онъ поддерживается одной остающейся надеждой—быть ея утѣшителемъ. Эдипъ Софокла виновенъ въ страшныхъ преступленіяхъ; но они совершены безсознательно, безъ злой воли, и Эдипъ заслуживаетъ состраданія, страдая отъ сознанія своихъ грѣховъ. Поэтому *состраданіе* при трагическомъ зрѣлищѣ начинается при видѣ мученій героя, когда *они начинаютъ превышать вину;* когда же злосчастье только подготовляется, грозитъ—тутъ область *страха* и ужаса. Но если бы трагедія возбуждала только состраданіе и ужасъ, она была бы только исторіей необыкновенныхъ страданій, не доставляя сердцу человѣка никакого успокоенія и умиротворенія. Очевидно, есть что-то еще въ трагедіи, которое и влечетъ въ театръ сотни, тысячи зрителей, заставляетъ ихъ проливать слезы умиленія и оставляетъ ихъ лучшими въ нравственномъ отношеніи.

Аристотель, опредѣляя трагедію, говоритъ, что она, возбуждая страхъ и состраданіе, *очищаетъ* ихъ. Въ этомъ и состоитъ притягательная, великая сила трагедіи. Сострадая чужимъ бѣдствіямъ, мы очищаемъ свою душу отъ эгоистическихъ чувствъ, забывая о самихъ себѣ, вызывая

въ себѣ самыя благородныя, возвышающія душу волненія. Трагическое зрѣлище, выводя человѣка изъ сферы грубыхъ самолюбивыхъ интересовъ, даетъ силу лучшимъ инстинктамъ человѣческой природы и этимъ очищаетъ духъ, дѣлая его лучшимъ, чѣмъ какимъ онъ былъ до того. Съ другой стороны, умиротвореніе дается зрителю въ чувствѣ *высокаго*, которое необходимо должна возбуждать въ немъ трагическая личность, такъ часто полная той обаятельной силы, которая заставляетъ насъ прощать и преступленіе ея. Какъ созерцаніе величественныхъ явленій въ природѣ возвышаетъ духъ, какъ бы приподнимаетъ его надъ обыкновенными впечатлѣніями, такъ и созерцаніе обаятельныхъ по своимъ душевнымъ силамъ личностей возвышаетъ душу, хотя бы эта личность и преступала въ томъ или другомъ отношеніи нравственный законъ.

Что же касается *очищенія* трагедіей чувствъ *страха* и *состраданія*, то въ этомъ отношеніи дѣйствіе трагедіи на эти чувства то же самое, какое способно производить на другія чувства (смѣхъ, радость...) вообще поэтическое художественное произведеніе. Прекрасно говоритъ объ этомъ г. Аверкіевъ въ своихъ статьяхъ о Драмѣ и въ письмахъ о Пушкинѣ: „Мы всѣ способны къ состраданію, но сами нерѣдко страдаемъ или *избыткомъ* этой страсти или ея *скудостью;* оттого мы способны сострадать тому, что не заслуживаетъ такого высокаго чувства, или, наоборотъ, отказываемъ въ состраданіи людямъ, чьи злосчастія поистинѣ того достойны. Трагическій поэтъ, возбуждая наше состраданіе правильно, въ должной мѣрѣ, къ предметамъ, того заслуживающимъ, тѣмъ самымъ *очищаетъ* въ насъ возбуждаемую страсть, умѣряя ея избытокъ, устраняя ея скудость. Въ такомъ мѣрномъ возбужденіи въ насъ страсти, преобразующейся въ насъ, подъ вліяніемъ трагическаго искусства, въ добродѣтельный навыкъ, и заключается удовольствіе, доставляемое намъ трагедіей. Комикъ возбуждаетъ въ насъ смѣхъ, и онъ, подобно трагику, долженъ очищать эффектъ, имъ возбуждаемый. Мы можемъ быть черезчуръ насмѣшливы, считать достойными смѣха вещи, того не заслуживающія, или, наоборотъ, мы можемъ хмуриться и негодовать тамъ, гдѣ слѣдуетъ просто посмѣяться. Комическій поэтъ, мѣрнымъ возбужденіемъ смѣха надъ предметами, поистинѣ того

достойными, избавляетъ насъ какъ отъ скудости, такъ и отъ излишка смѣха". То же примѣнимо и къ поэту лирическому.

Обращаясь теперь къ личности Бориса Годунова, *какъ она изображена Пушкинымъ*, мы видимъ, что она вполнѣ удовлетворяетъ указаннымъ требованіямъ трагическаго дѣйствія. Борисъ по многимъ своимъ чертамъ представляетъ весьма симпатичную личность. Прежде всего, онъ выступаетъ, какъ умный правитель съ самыми благими цѣлями и стремленіями; обѣщаясь быть на царствѣ благимъ и праведнымъ, онъ проситъ содѣйствія бояръ и не ограничивается одними словами, а дѣйствительно, во время общественныхъ бѣдствій—голода, пожара, онъ всѣми силами помогаетъ своему народу и старается облегчить его положеніе; онъ, дѣйствительно, вступая на престолъ, хотѣлъ свой народъ:

Въ довольствіи, во славѣ успокоить,
Щедротами любовь его снискать.

Умъ Бориса признается самими врагами его; онъ понимаетъ нужды государства, пользу науки и просвѣщенія. Въ домашнемъ кругу онъ является добрымъ отцомъ и семьяниномъ. Но въ эту добрую и отъ природы простую душу закрадывается одна тревожная страсть—честолюбіе, удовлетворяющееся только тропомъ—и внесла въ нее раздоръ и муку... Очевидно, послѣ долгой борьбы рѣшился Борисъ на ужасное преступленіе, цѣною котораго и достигъ высшей власти...

Но, не сладивъ съ преступною страстью, Борисъ *по самой природѣ своей* не могъ сладить и съ муками совѣсти. Тринадцать лѣтъ сряду, съ самой минуты преступленія, ему все снится убитое дитя... И вотъ, терзаясь упреками совѣсти, Борисъ вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ еще стараться и о томъ, чтобы кровавое дѣло совершилось не тщетно; удаливъ со своего пути царевича, Борисъ долженъ былъ еще стараться о томъ, чтобы не показаться въ народныхъ глазахъ похитителемъ власти, а быть имъ *избраннымъ* добровольно; страстно стремясь къ трону, Борисъ долженъ былъ выжидать народнаго голоса, просящаго его взять въ свои руки власть; отсюда его хитрости, лицемѣрное желаніе покоя келыи, удаленіе отъ всего мірского...

Страсть, слѣдовательно, при самомъ своемъ началѣ внесла въ цѣльную прежде душу Бориса раздвоеніе, постоянное внутреннее противорѣчіе... Но цѣль достигнута... и что же? Шестой ужъ годъ царствуетъ Борисъ, а мира его душѣ нѣтъ... Внутренняя тревога продолжаетъ его мучить и, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе помрачаетъ первоначально свѣтлую его природу.

Борисъ сознаетъ свою неправоту, терзается упреками совѣсти; но, не имѣя силы сложить съ себя неправедно добытую власть, онъ боится ее потерять и для удержанія ея за собой и своимъ родомъ прибѣгаетъ къ шпіонству, всюду подозрѣваетъ измѣну, подкупаетъ боярскихъ слугъ, наконецъ, рѣшается на казни и чѣмъ далѣе, тѣмъ суровѣе и суровѣе расправляется съ боярами. И тотъ, кто хотѣлъ быть благимъ и справедливымъ, уподобляется царю Ивану!..

Расположенный сердцемъ къ народу, онъ перестаетъ довѣрять ему и рѣшаетъ, что слѣдуетъ отложить *пустое* попеченье щедротами любовь его снискать: „живая власть для черни ненавистна... Безумны мы, когда народный плескъ, иль ярый вопль тревожитъ сердце наше!“

Будучи уменъ, Борисъ, подъ вліяніемъ душевнаго настроенія, становится суевѣрнымъ и довѣряется колдунамъ и ворожеямъ, желая путемъ темнаго гаданья узнать, долго ли и безмятежно ли предстоитъ ему царствовать... Но, не смотря на всѣ эти ужасныя внутреннія противорѣчія и тревоги, власть Бориса еще не слабѣетъ, еще большинство страховъ кажется намъ созданіемъ самого Бориса, пока не проносится вѣсть о Самозванцѣ—Лжедимитріи... Та темная молва, которая при самомъ восшествіи Бориса на престолъ обвиняла его въ смерти Димитрія и которая черезъ 6 лѣтъ, нисколько не ослабѣвая, слышется въ кельѣ монаха, натолкнула, наконецъ, предпріимчиваго пылкаго юношу на дерзкую мысль воспользоваться самою, такъ сказать, темнотою и давностью событія и явиться для Бориса Божьимъ судомъ.

И вотъ между Борисомъ и Самозванцемъ должна теперь произойти борьба, борьба внѣшняя; но, конечно, душевная тревога Бориса не кончается: онъ долженъ бороться внѣшними средствами со внѣшнимъ врагомъ, испытывая въ то же время и внутреннія мученія, мнительность, недо-

вѣрчивость къ окружающимъ, страхъ за себя и свое семейство...

Но прежде, чѣмъ изобразить борьбу между двумя сторонами, Пушкинъ, обрисовавъ всесторонне личность Бориса, по требованіямъ сценическаго эффекта и наглядности, такимъ же образомъ въ цѣломъ рядѣ сценъ обрисовалъ передъ нами и другую сторону—личность Самозванца...

И, благодаря изученію Пушкинымъ Шекспира, это—не ложно-классическій неестественный герой, который, напримѣръ, у Сумарокова (въ его трагедіи „Димитрій Самозванецъ") и думаетъ, и говоритъ только о злодѣйствахъ и, умирая, восклицаетъ: „Ахъ, если бы со мной погибла вся вселенна!.." Это—живое лицо съ многообразіемъ характеристическихъ свойствъ, изъ которыхъ многія дѣлаютъ его весьма симпатичнымъ. Слѣдуетъ, впрочемъ, согласиться съ замѣчаніемъ Стоюнина, что Самозванецъ, какимъ онъ явился въ Польшѣ, очень мало имѣетъ общаго съ Григоріемъ пятой сцены: одинъ въ другого никакъ не могъ переродиться—это двѣ разныя личности, выросшія на разныхъ почвахъ, при разныхъ вліяніяхъ. Надо полагать, что на созданіе этого двойственнаго лица имѣли вліяніе, кромѣ русскихъ, еще польскіе или какіе-нибудь иностранные источники.

*Е. Воскресенскій.*

---

## Татьяна Ларина.

Великъ подвигъ Пушкина, что онъ первый, въ своемъ романѣ, поэтически воспроизвелъ русское общество того времени, и въ лицѣ Онѣгина и Ленскаго показалъ его главную, т. е. мужскую сторону; но едва-ли не выше подвигъ нашего поэта въ томъ, что онъ первый поэтически воспроизвелъ, въ лицѣ Татьяны, русскую женщину.

Натура Татьяны *немногосложна, но глубока и сильна.* Въ Татьянѣ нѣтъ этихъ болѣзненныхъ противорѣчій, которыми страдаютъ слишкомъ сложныя натуры; *Татьяна создана какъ будто вся изъ одного цѣльнаго куска, безъ всякихъ придѣлокъ и примѣсей.* Вся жизнь ея проникнута той *цѣлостностью,* тѣмъ *единствомъ,* которое въ мірѣ искусства со-

ставляетъ высочайшее достоинство художественнаго произведенія. Страстно влюбленная, простая деревенская дѣвушка, потомъ свѣтская дама,—Татьяна во всѣхъ положеніяхъ своей жизни всегда одна и та-же; портретъ въ ея дѣтствѣ, такъ мастерски написанный поэтомъ, впослѣдствіи является только развившимся, но не измѣнившимся.

Дика, печальна, молчалива,
Какъ лань лѣсная боязлива,
Она въ семьѣ своей родной
Казалась дѣвочкой чужой.
Она ласкаться не умѣла
Къ отцу, ни къ матери своей;
Дитя сама, въ толпѣ дѣтей
Играть и прыгать не хотѣла.
И часто цѣлый день одна
Сидѣла молча у окна.

Задумчивость была ей подругой съ колыбельныхъ дней, украшая однообразіе ея жизни; пальцы Татьяны не знали иглы, и даже ребенкомъ она не любила куколъ, и ей чужды были дѣтскія шалости; ей былъ скученъ и шумъ, и звонкій смѣхъ дѣтскихъ игръ; ей больше нравились страшные разсказы въ зимній вечеръ. И поэтому она скоро пристрастилась къ романамъ, и романы поглотили всю жизнь ея.

Она любила на балконѣ
Предупреждать зари восходъ,
Когда на блѣдномъ небосклонѣ
Звѣздъ исчезаетъ хороводъ,
И тихо край земли свѣтлѣетъ,
И, вѣстникъ утра, вѣтеръ вѣетъ,
И всходитъ постепенно день.
Зимой, когда ночная тѣнь
Полміромъ долѣ обладаетъ,
И долѣ въ праздной тишинѣ,
При отуманенной лунѣ,
Востокъ лѣнивый почиваетъ,
Въ привычный часъ пробуждена
Вставала при свѣчахъ она!

Итакъ, лѣтнія ночи посвящались мечтательности, зимнія—чтенію романовъ,—и это среди міра, имѣвшаго благоразумную привычку громко храпѣть въ это время! Какое противорѣчіе между Татьяной и окружающимъ ее міромъ!

Татьяна,—это *рѣдкій, прекрасный цвѣтокъ, случайно выросшій въ разсѣлинѣ дикой скалы,*

Незнаемый въ травѣ глухой
Ни мотыльками, ни пчелой.

Эти два стиха, сказанные Пушкинымъ объ Ольгѣ, гораздо больше идутъ къ Татьянѣ. Какіе мотыльки, какія пчелы могли знать этотъ цвѣтокъ или плѣняться имъ? Развѣ безобразные слѣпни, оводы и жуки, въ родѣ Пыхтина, Буянова, Пѣтушкова и тому подобныхъ? Да, такая женщина, какъ Татьяна, можетъ плѣнять только людей, стоящихъ на двухъ крайнихъ ступеняхъ нравственнаго міра, или такихъ, которые были-бы въ уровень съ ея натурой и которыхъ такъ мало на свѣтѣ, или людей совершенно пошлыхъ, которыхъ такъ много на свѣтѣ. Этимъ послѣднимъ Татьяна могла нравиться лицомъ, деревенской свѣжестью и здоровьемъ, даже дикостью своего характера, въ которой они могли видѣть кротость, послушливость и безотвѣтность въ отношеніи къ будущему мужу,—качества, драгоцѣнныя для ихъ грубой животности, не говоря уже о разсчетахъ на приданое, на родство и т. п. Стоящіе-же въ серединѣ между этими двумя разрядами людей всего менѣе могли оцѣнить Татьяну.

Повторяемъ: *Татьяна — существо исключительное, натура глубокая, любящая, страстная.* Любовь для нея могла быть или величайшимъ блаженствомъ, или величайшимъ бѣдствіемъ жизни, безъ всякой примирительной середины. При счастіи взаимности, любовь такой женщины — ровное, свѣтлое пламя; въ противномъ случаѣ—упорное пламя, которому сила воли можетъ быть не позволитъ прорваться наружу, но которое тѣмъ разрушительнѣе и жгучѣе, чѣмъ больше оно сдавлено внутри. Счастливая жена, Татьяна спокойно, но тѣмъ не менѣе страстно и глубоко любила-бы своего мужа, вполнѣ пожертвовала-бы собою дѣтямъ, вся отдалась-бы своимъ материнскимъ обязанностямъ, но не по разсудку, а опять по страсти, и въ этой жертвѣ, въ строгомъ выполненіи своихъ обязанностей нашла-бы свое величайшее наслажденіе, свое верховное блаженство. И все это безъ фразъ, безъ разсужденій, съ этимъ спокойствіемъ, съ этимъ внѣшнимъ безстрастіемъ, съ этой наружной холодностью, которыя составляютъ достоинство и величіе глубокихъ и сильныхъ натуръ.

*Татьяна осталась естественно простой въ самой искусственности и уродливости формы, которую сообщала ей окружающая ее дѣйствительность.* Съ одной стороны—

Татьяна вѣрила преданьямъ
Простонародной старины,
И снамъ, и карточнымъ гаданьямъ,
И предсказаніямъ луны.
Ее тревожили примѣты:
Таинственно ей всѣ предметы
Провозглашали что-нибудь,
Предчувствія тѣснили грудь.

Съ другой стороны. Татьяна любила бродить по полямъ,

Съ печальной думою въ очахъ,
Съ французской книжкою въ рукахъ.

Это дивное соединеніе грубыхъ, вульгарныхъ предразсудковъ со страстью къ французскимъ книжкамъ и съ уваженіемъ къ глубокому творенію Мартына Задеки возможно только въ русской женщинѣ. *Весь внутренній міръ Татьяны заключался въ жаждѣ любви;* ничто другое не говорило ея душѣ; умъ ея спалъ, и только развѣ тяжкое горе жизни могло потомъ разбудить его,—да и то для того, чтобъ сдержать страсть и подчинить его разсчету благоразумной морали... Дѣвическіе дни ея ничѣмъ не были заняты; въ нихъ не было своей череды труда и досуга, не было тѣхъ регулярныхъ занятій, свойственныхъ образованной жизни, которыя держатъ въ равновѣсіи нравственныя силы человѣка. Дикое растеніе, вполнѣ предоставленное самому себѣ, Татьяна создала себѣ свою собственную жизнь, въ пустотѣ которой тѣмъ мятежнѣе горѣлъ пожиравшій ее внутренній огонь, что ея умъ ничѣмъ не былъ занятъ.

Татьяна не могла полюбить Ленскаго и еще менѣе могла полюбить кого-нибудь изъ извѣстныхъ ей мужчинъ: она такъ хорошо ихъ знала, и они такъ мало представляли пищи ея экзальтированному, аскетическому воображенію... И вдругъ является Онѣгинъ.

Онъ весь окруженъ тайной: его аристократизмъ, его свѣтскость, неоспоримое превосходство надъ всѣмъ этимъ спокойнымъ и пошлымъ міромъ, среди котораго онъ явился такимъ метеоромъ, его равнодушіе ко всему, странность жизни—все это произвело таинственные слухи, которые не могли не дѣйствовать на фантазію Татьяны, не могли не

расположить, не подготовить ея къ рѣшительному эффекту перваго свиданія съ Онѣгинымъ. И она увидѣла его, и онъ предсталъ предъ ней молодой, красивый, ловкій, блестящій, равнодушный, скучающій, загадочный, непостижимый, весь неразрѣшимая тайна для ея неразвитаго ума, весь обольщеніе для ея дикой фантазіи. Есть существа, у которыхъ фантазія имѣетъ гораздо болѣе вліянія на сердце, нежели какъ думаютъ объ этомъ. Татьяна была изъ такихъ существъ. Есть женщины, которымъ стоитъ только показаться восторженнымъ, страстнымъ, и онѣ ваши; но есть женщины, которыхъ вниманіе мужчина можетъ возбудить къ себѣ только равнодушіемъ, холодностью и скептицизмомъ, какъ признаками огромныхъ требованій на жизнь или какъ результатомъ мятежно и полно пережитой жизни: бѣдная Татьяна была изъ числа такихъ женщинъ...

Разговоръ Татьяны съ няней — чудо художественнаго совершенства! Это цѣлая драма, проникнутая глубокой истиной. Въ ней удивительно вѣрно изображена русская барышня въ разгарѣ томящей ее страсти. Сдавленное внутри чувство всегда прорывается наружу, особенно въ первый періодъ еще новой, еще неопытной страсти. Кому открыть свое сердце!—сестрѣ?—она не такъ-бы поняла его. Няня вовсе не пойметъ: но потому-то и открываетъ ей Татьяна свою тайну, или, лучше сказать, потому-то и не скрываетъ она отъ няни своей тайны.

Татьяна вдругъ рѣшается писать къ Онѣгину: *порывъ наивный и благородный;* но его источникъ не въ сознаніи, а въ безсознательности: бѣдная дѣвушка не знала, что дѣлала. Послѣ, когда она стала знатной барыней, для нея совершенно исчезла возможность такихъ наивно-великодушныхъ движеній сердца... Письмо Татьяны свело съ ума всѣхъ русскихъ читателей, когда появилась третья глава „Онѣгина“. *Мы, вмѣстѣ со всѣми, думали въ немъ видѣть высочайшій образецъ откровенія женскаго сердца.* Самъ поэтъ, кажется, безъ всякой ироніи, безъ всякой задней мысли и писалъ, и читалъ это письмо. Но съ тѣхъ поръ много воды утекло... Письмо Татьяны прекрасно и теперь, хотя уже отзывается немножко какой-то дѣтскостью, чѣмъ-то „романическимъ“. Иначе и быть не могло; языкъ страстей былъ такъ новъ и недоступенъ нравственно-нѣмотствующей Тать-

янѣ; она не умѣла-бы ни понять, ни выразить собственныхъ своихъ ощущеній, если-бы не прибѣгла къ помощи впечатлѣній, оставленныхъ на ея памяти плохими и хорошими романами, безъ толку и безъ разбора читанными ею...

Посѣщеніе Татьяной опустѣлаго дома Онѣгина (въ седьмой главѣ) и чувства, пробужденныя въ ней этимъ оставленнымъ жилищемъ, на всѣхъ предметахъ котораго лежалъ такой рѣзкій отпечатокъ духа и характера оставившаго его хозяина, — принадлежитъ къ лучшимъ мѣстамъ поэмы и драгоцѣннѣйшимъ сокровищамъ русской поэзіи. Татьяна не разъ повторила это посѣщеніе:

И въ молчаливомъ кабинетѣ,
Забывъ на время все на свѣтѣ,
Осталась, наконецъ, одна,
И долго плакала она.
Потомъ за книги принялася.
Сперва ей было не до нихъ;
*Но показался выборъ ихъ*
*Ей страненъ.* Чтенью предалася
Татьяна жадною душой:
*И ей открылся міръ иной.*
. . . . . .
И начинаетъ понемногу
Моя Татьяна понимать
Теперь яснѣе, слава Богу,
Того, по комъ она вздыхать
Осуждена судьбою властной...
. . . . . .
Ужель загадку разрѣшила,
Ужели *слово* найдено?...

Итакъ, *въ Татьянѣ, наконецъ, совершился актъ сознанія: умъ ея проснулся.* Она поняла, наконецъ, что есть для человѣка интересы, есть страданія и скорби, кромѣ интереса страданій и скорби любви. Но поняла-ли она, въ чемъ именно состоятъ эти другіе интересы и страданія, и если поняла, послужило-ли это ей къ облегченію ея собственныхъ страданій? Конечно, поняла, но только умомъ, головой, потому что есть идеи, которыя надо пережить и душой, и тѣломъ, чтобъ понять ихъ вполнѣ, и которыхъ нельзя изучить въ книгѣ. И потому *книжное знакомство съ этимъ новымъ міромъ скорбей если и было для Татьяны откровеніемъ, это откровеніе произвело на нее тяжелое, безотрадное и безплодное*

*впечатлѣніе; оно испугало ее, ужаснуло и заставило смотрѣть на страсти, какъ на гибель жизни, убѣдило ее въ необходимости покориться дѣйствительности, какъ она есть, и если жить жизнью сердца, то про себя, въ глубинѣ своей души, въ тиши уединенія, во мракѣ ночи, посвященной тоскѣ и рыданіямъ.* Посѣщеніе дома Онѣгина и чтеніе его книгъ приготовили Татьяну къ перерожденію изъ деревенской дѣвочки въ свѣтскую даму, которое такъ удивило и поразило Онѣгина...

Теперь перейдемъ прямо къ объясненію Татьяны съ Онѣгинымъ. *Въ этомъ объясненіи все существо Татьяны выразилось вполнѣ.* Въ этомъ объясненіи высказалось все, что составляетъ сущность русской женщины съ глубокой натурой, развитой обществомъ,—все: *и пламенная страсть, и задушевность простого, искренняго чувства, и чистота, и святость наивныхъ движеній благородной натуры, резонерство и оскорбленное самолюбіе, и тщеславіе добродѣтелью, подъ которой замаскирована рабская боязнь общественнаго мнѣнія, и хитрые силлогизмы ума, свѣтской моралью парализовавшаго великодушныя движенія сердца...* Рѣчь Татьяны начинается упрекомъ, въ которомъ высказывается желаніе мести за оскорбленное самолюбіе:

Онѣгинъ, помните-ль тотъ часъ,
Когда въ саду, въ аллеѣ насъ
Судьба свела, *и такъ смиренно*
*Урокъ вашъ выслушала я?*
*Сегодня очередь моя.*
Онѣгинъ, я тогда моложе,
Я лучше, кажется, была,
И я любила васъ; и что же?
Что въ сердцѣ вашемъ я нашла?
Какой отвѣтъ? Одну суровость.
Не правда-ль? Вамъ была не новость
Смиренной дѣвочки любовь?
И нынче—Боже!—стынетъ кровь,
Какъ только вспомню взглядъ холодный
И эту проповѣдь...

Въ самомъ дѣлѣ, Онѣгинъ былъ виноватъ передъ Татьяной въ томъ, что онъ не полюбилъ ее тогда, когда она была моложе и лучше, и любила его! Вѣдь для любви только и нужно, что молодость, красота и взаимность! Вотъ понятія, заимствованныя изъ плохихъ сентиментальныхъ романовъ! Нѣмая деревенская дѣвочка съ дѣтскими мечтами—

и свѣтская женщина, испытанная жизнью и страданіемъ, обрѣтшая слово для выраженія своихъ чувствъ и мыслей, какая разница! И все-таки, по мнѣнію Татьяны, она болѣе способна была внушить любовь тогда, нежели теперь, потому что она тогда была моложе и лучше... Какъ въ этомъ взглядѣ на вещи видна русская женщина!

Основная мысль упрековъ Татьяны состоитъ въ убѣжденіи, что Онѣгинъ потому только не полюбилъ ее тогда, что въ этомъ не было для него очарованія соблазна; а теперь приводитъ къ ея ногамъ жажда скандалезной славы... Во всемъ этомъ такъ и пробивается страхъ за свою добродѣтель...

Татьяна не любитъ свѣтъ и за счастье почла-бы навсегда оставить его для деревни; но, пока она въ свѣтѣ—его мнѣніе всегда будетъ ея идоломъ, и страхъ его суда всегда будетъ ея добродѣтелью...

А счастье было такъ возможно,
Такъ близко!... Но судьба моя
Ужъ рѣшена. Неосторожно,
Быть можетъ, поступила я;
Меня съ слезами заклинаній
Молила мать; для бѣдной Тани
Всѣ были жребіи равны...
Я вышла замужъ. Вы должны,
Я васъ прошу, меня оставить;
Я знаю: въ вашемъ сердцѣ есть
И гордость, и прямая честь.
*Я васъ люблю* (къ чему лукавить?),
*Но я другому отдана,—*
*И буду вѣкъ ему вѣрна.*

Послѣдніе стихи удивительны—подлинно „конецъ вѣнчаетъ дѣло!“ Вотъ истинная гордость женской добродѣтели! „Но я другому отдана“, — именно *отдана*, а не *отдалась*! Вѣчная вѣрность—кому, и въ чемъ? Но у насъ какъ-то все это клеится вмѣстѣ: поэзія — и жизнь, любовь и бракъ по разсчету, жизнь сердцемъ—и строгое исполненіе внѣшнихъ обязанностей, внутренно ежечасно нарушаемыхъ... Жизнь женщины по премуществу сосредоточена въ жизни сердца, любить—для нея жить, а жертвовать—значитъ любить. Для этой роли создала природа Татьяну; но общество пересоздало ее...

*В. Г. Бѣлинскій.*

## Въ чемъ заключается трагизмъ Бориса Годунова?

(Онъ не былъ геніемъ, какъ требовало его положеніе).

„Борисъ Годуновъ“ Пушкина — совсѣмъ не драма, а развѣ эпическая поэма въ разговорной формѣ. Дѣйствующія лица вообще, слабо очеркнутыя, только говорятъ, и мѣстами говорятъ превосходно; но они не живутъ, не дѣйствуютъ. Слышите слова, часто исполненныя высокой поэзіи, но не видите ни страстей, ни борьбы, ни дѣйствій.

Это одинъ изъ первыхъ и главныхъ недостатковъ драмы Пушкина; но этотъ недостатокъ—не вина поэта: его причина—въ русской исторіи, изъ которой поэтъ заимствовалъ содержаніе своей драмы. Русская исторія до Петра Великаго тѣмъ и отличается отъ исторіи западно-европейскихъ государствъ, что въ ней преобладаетъ чисто-эпическій, или, скорѣе, квіетическій характеръ, тогда какъ въ тѣхъ преобладаетъ характеръ чисто-драматическій.

До Петра Великаго въ Россіи развивалось *начало семейственное и родовое*; но *не было и признаковъ развитія личнаго:* а можетъ-ли существовать драма безъ сильнаго развитія индивидуальностей и личностей? Что составляетъ содержаніе шекспировскихъ драматическихъ хроникъ? — борьба личностей, которыя стремятся къ власти и оспариваютъ ее другъ у друга. Это бывало и у насъ: весь удѣльный періодъ есть не что иное, какъ ожесточенная борьба за великокняжескій и за удѣльные престолы; въ періодъ Московскаго царства мы видимъ сряду трехъ претендентовъ такого рода; но все-таки не видимъ никакого драматическаго движенія. Въ періодъ удѣловъ одинъ князь свергалъ другого и овладѣвалъ его удѣломъ; потомъ, побѣжденный имъ, снова уступалъ ему его владѣніе, потомъ опять захватывалъ его; но въ удѣлѣ отъ этого ровно ничего не измѣнялось: перемѣнялись лица, а ходъ и сущность дѣлъ оставались тѣ-же, потому что ни одно новое лицо не приносило съ собой никакой новой идеи, никакого новаго принципа. Отсюда объясняется, почему народонаселеніе того или другого княжества, того или другого города, съ одинаковою ревностью билось и за стараго князя противъ новаго, и за новаго противъ стараго. И

одному Богу извѣстно, чѣмъ-бы кончилась для Руси эта усобица, если-бы такъ кстати не подоспѣли татары. Съ одной стороны, ихъ жестокое и позорное иго гибельно подѣйствовало на нравственную сторону русскаго племени, а съ другой — было для него благодѣтельно, потому что чувствомъ общей опасности и общаго страданія связало разъединенныя русскія княжества и способствовало развитію государственной централизаціи черезъ преобладаніе московскаго княженія надъ всѣми другими. Единство болѣе внѣшнее, нежели внутреннее, но тѣмъ не менѣе все-же оно спасло Россію!

Іоаннъ III, котораго не безъ основанія нѣкоторые историки называютъ великимъ, былъ творцомъ неподвижной крѣпости Московскаго царства, положивъ въ его основу идею восточнаго абсолютизма, столь благодѣтельнаго для абстрактнаго единства созданной имъ новой державы. *И этотъ великій, повидимому, переворотъ совершился тихо и мирно, безъ всякихъ потрясеній.* Іоаннъ III обнаружилъ въ этомъ дѣлѣ геніальную односторонность, переходившую почти въ ограниченность, твердую волю, силу характера; онъ постоянно стремился къ одной цѣли, дѣйствовалъ неослабно, но *не боролся, потому что не встрѣтилъ никакого дѣйствительнаго и энергичнаго сопротивленія.* Дѣло обошлось безъ борьбы, и, такимъ образомъ, одно изъ самыхъ драматическихъ событій древней русской исторіи совершилось безъ всякаго драматизма.

*Драматизмъ*, какъ поэтическій элементъ жизни, заключается *въ столкновеніи и ошибкѣ противоположно и враждебно направленныхъ другъ противъ друга идей, которыя проявляются какъ страсть, какъ пафосъ.* Идея самодержавнаго единства Московскаго царства, въ лицѣ Іоанна III торжествующая надъ умирающею удѣльною системою, встрѣтила въ своемъ, безусловно побѣдоносномъ, шествіи не противниковъ сильныхъ и ожесточенныхъ, на все готовыхъ, а развѣ нѣсколько безсильныхъ и жалкихъ жертвъ. Роды удѣльныхъ князей, потомковъ Рюрика, скоро выродились въ простую боярщину, которая предъ престоломъ была покорна наравнѣ съ народомъ, но которая стала между престоломъ и народомъ не какъ посредникъ, а какъ непроницаемая ограда, раздѣлившая царя съ народомъ.

Разрядныя книги служатъ неоспоримымъ доказательствомъ, что въ древней Россіи личность никогда и ничего не значила, но все значилъ родъ, и *торжество боярина было торжествомъ цѣлаго рода боярскаго.* Такимъ образомъ, удѣльная борьба княжескихъ родовъ переродилась въ дворскую борьбу боярскихъ родовъ.

Но эта борьба не представляетъ никакого содержанія для драматическаго поэта, потому что при дворѣ московскомъ одинъ родъ торжествовалъ надъ другимъ въ милости царской, но ни одинъ изъ торжествующихъ родовъ не вносилъ ни въ думу, ни въ администрацію никакой новой идеи, никакого новаго принципа, никакого новаго элемента. Новый любимецъ вездѣ гналъ своихъ прежнихъ противниковъ и ихъ родичей, постригалъ ихъ насильно въ монахи, сажалъ въ тюрьмы, разсылалъ по дальнимъ городамъ — то въ позорную неволю, то въ почетную опалу. И такимъ образомъ боролись и мѣнялись лица, а не идеи. Подобная борьба и подобныя смѣны могли много значить для боярскихъ родовъ, для дворской интриги и крамолы, но для государства онѣ ровно ничего не значили; историческая-же драма можетъ брать содержаніе только изъ государственной жизни...

Чѣмъ-бы Годуновъ ни достигъ престола, — злодѣйствомъ-ли, какъ въ этомъ увѣренъ Карамзинъ, или только смѣлымъ и гибкимъ умомъ безъ преступленія,—во всякомъ случаѣ, *онъ также не внесъ въ русскую жизнь никакого новаго элемента,* и его возвышеніе, равно какъ и его паденіе ничего не значили для будущихъ судебъ русскаго народа: безъ Годунова все пошло-бы такъ-же точно, какъ и съ Годуновымъ. У Самозванца были разные политическіе замыслы, которые могли-бы измѣнить ходъ нашей исторіи; но эти замыслы были не что иное, какъ удалыя мечты человѣка рѣшительнаго, пылкаго, умнаго, но, что называется, безъ царя въ головѣ, а потому они и кончились такъ, какъ слѣдовало кончиться мечтамъ. Шуйскій хотѣлъ изъ боярщины образовать аристократію; но какъ это желаніе было плодомъ не мысли, а трусости и низости, — оно и кончилось бѣдою для Шуйскаго и ровно ничѣмъ не кончилось для государства... Итакъ, вотъ сряду три лица, которыя уже по необыкновенности употребляемыхъ ими способовъ для достиженія верховной власти должны были-бы внести

въ государственную жизнь новыя основанія и которыя ровно ничего не внесли въ нее, и прошли въ исторіи безъ слѣда, какъ будто-бы ихъ и не было...

Итакъ, если въ „Борисѣ Годуновѣ“ Пушкина почти нѣтъ никакого драматизма, — *это вина не поэта, а исторіи, изъ которой онъ взялъ содержаніе для своей „эпической драмы“*. Можетъ быть, отъ этого онъ и ограничился только одною попыткою въ этомъ родѣ.

А между тѣмъ, Борисъ Годуновъ, можетъ быть, больше, чѣмъ какое нибудь другое лицо русской исторіи, годился-бы если не для драмы, то хоть для поэмы въ драматической формѣ, — для поэмы, въ которой такой поэтъ, какъ Пушкинъ, могъ-бы развернуть всю силу своего таланта и избѣжать тѣхъ огромныхъ недостатковъ и въ историческомъ, и въ эстетическомъ отношеніи, которыми наполнена драма Пушкина. Для этого поэту необходимо было нужно *самостоятельно проникнуть въ тайну личности Годунова и поэтическимъ инстинктомъ разгадать тайну его историческаго значенія*, не увлекаясь никакимъ авторитетомъ, никакимъ вліяніемъ. Но Пушкинъ рабски во всемъ послѣдовалъ Карамзину, — и изъ его драмы вышло что-то похожее на мелодраму, а *Годуновъ его вышелъ мелодраматическимъ злодѣемъ, котораго мучитъ совѣсть и который въ своемъ злодѣйствѣ нашелъ себѣ кару*. Мысль нравственная и почтенная, но уже до того избитая, что таланту ничего нельзя изъ нея сдѣлать!..

У Карамзина ни въ чемъ нѣтъ средины: у него нѣтъ людей, а есть только или герои добродѣтели, или злодѣи. Этотъ мелодраматизмъ простирается до того, что одно и то-же лицо у него сперва является свѣтлымъ ангеломъ, а потомъ чернымъ демономъ. Таковъ Грозный: пока имъ управляютъ, какъ машиною, Сильвестръ и Адашевъ, онъ—сама добродѣтель, сама мудрость; но умираетъ царица Анастасія—и Грозный вдругъ является бичомъ своего народа, безумнымъ злодѣемъ. Историкъ пересказываетъ всѣ ужасы, сдѣланные Грознымъ, и взводитъ на него такіе, которыхъ онъ и не дѣлалъ, заставляя его убивать два раза, въ разныя эпохи, однихъ и тѣхъ-же людей. Жертвы Грознаго часто говорятъ ему передъ смертью эффектныя рѣчи, какъ будто-бы переведенныя изъ Тита Ливія.

*Такого-же мелодраматическаго злодѣя сдѣлалъ Карамзинъ и изъ Бориса Годунова.* Подверженный увлеченію, которое больше всего вредитъ историку, онъ объ убіеніи царевича Димитрія говоритъ утвердительно, какъ о дѣлѣ Годунова, какъ будто-бы въ этомъ уже невозможно никакое сомнѣніе.

*Юноша* Годуновъ, прекрасный лицомъ, свѣтлый умомъ, блестящій краснорѣчіемъ, зять палача Малюты Скуратова, *и въ рядахъ опричнины умѣлъ остаться чистымъ отъ разврата, злодѣйства и крови.* Черта характера необыкновеннаго!

Но въ ней еще не видно строгой и глубокой добродѣтели: по крайней мѣрѣ, *послѣдующая жизнь Годунова не подтверждаетъ этого.* Будучи царемъ, онъ недолго сдерживалъ порывы своей подозрительности, и скоро сдѣлался мучителемъ и тираномъ.

Вообще, если онъ при Грозномъ не запятналъ себя кровью,—*въ этомъ видно больше ловкости, умѣнія и разсчета, нежели добродѣтели.*

Годуновъ былъ необыкновенно уменъ, и потому не могъ не гнушаться злодѣйствомъ, свершеннымъ безъ нужды и безъ причины.

Впрочемъ, мы этимъ не хотимъ сказать, чтобы Годуновъ былъ лицемѣрный злодѣй; нѣтъ, мы хотимъ только сказать, что можно, въ одно и то-же время, не быть ни злодѣемъ, ни героемъ добродѣтели и не любить злодѣйства въ одно и то-же время, по чувству и по разсчету...

*Карамзинскій Годуновъ—лицо совершенно двойственное,* подобно Грозному: онъ и уменъ и ограниченъ, и злодѣй и добродѣтельный человѣкъ, и ангелъ и демонъ.

Онъ убиваетъ законнаго наслѣдника престола, сына своего перваго благодѣтеля и брата своего второго благодѣтеля, мудро правитъ государствомъ и, принимая корону, клянется, что въ его царствѣ не будетъ нищихъ и убогихъ, и что послѣднею рубашкою будетъ онъ дѣлиться съ народомъ. И честно держитъ онъ свое обѣщаніе: онъ дѣлаетъ для народа все, что только было въ его средствахъ и силахъ сдѣлать. А между тѣмъ народъ хочетъ любить его—и не можетъ любить! Онъ приписываетъ ему убіеніе царевича; онъ видитъ въ немъ умышленнаго виновника всѣхъ

бѣдствій, обрушившихся надъ Россіею; взводитъ на него обвиненія самыя нелѣпыя и безсмысленныя, какъ, напримѣръ, смерть датскаго царевича, нареченнаго жениха его милой дочери. Годуновъ все это видитъ и знаетъ.

Пушкинъ безподобно передалъ жалобы карамзинскаго Годунова на народъ:

Мнѣ счастья нѣтъ. Я думалъ свой народъ
Въ довольствіи, во славѣ успокоить,
Щедротами любовь его снискать:
Но отложилъ пустое попеченье:
Живая власть для черни ненавистна,
Они любить умѣютъ только мертвыхъ.
Безумны мы, когда народный плескъ,
Иль ярый вопль тревожитъ сердце наше.
Богъ насылалъ на землю нашу гладъ;
Народъ завылъ, въ мученьяхъ погибая;
Я отворилъ имъ житницы; я злато
Разсыпалъ имъ; я имъ сыскалъ работы:
Они жъ меня, бѣснуясь, проклинали!
Пожарный огнь ихъ домы истребилъ;
Я выстроилъ имъ новыя жилища:
Они жъ меня пожаромъ упрекали!
Вотъ черни судъ: ищи-жъ ея любви!

Это говоритъ царь, который справедливо жалуется на свою судьбу и на народъ свой. Теперь послушаемъ голоса если не народа, то цѣлаго сословія, которое тоже, кажется, не безъ основанія жалуется на своего царя:

. . . . . онъ правитъ нами,
Какъ царь Иванъ (не къ ночи будь помянутъ).
Что пользы въ томъ, что явныхъ казней нѣтъ,
Что на полу кровавомъ всенародно
Мы не поемъ каноновъ Іисусу,
Что насъ не жгутъ на площади, а царь
Своимъ жезломъ не подгребаетъ углей?
Увѣрены-ль мы въ бѣдной жизни нашей!
Насъ каждый день опала ожидаетъ,
Тюрьма, Сибирь, клобукъ, иль кандалы,
А тамъ, въ глуши голодна смерть, иль петля.
. . . . . .
Вотъ — Юрьевъ день задумалъ уничтожить.
Не властны мы въ помѣстіяхъ своихъ.
Не смѣй согнать лѣнивца! Радъ, не радъ,
Корми его. Не смѣй переманить
Работника! Не то — въ Приказъ холопій.
Ну, слыхано-ль хоть при царѣ Иванѣ

Такое зло? А легче-ли народу?
Спроси его. Попробуй самозванецъ
Имъ посулить старинный Юрьевъ день,
Такъ и пойдетъ потѣха.

Въ чемъ-же заключается источникъ этого противорѣчія въ характерѣ и дѣйствіяхъ Годунова? Чѣмъ объясняетъ его нашъ историкъ и, вслѣдъ за нимъ, нашъ поэтъ? *Мученіями виновной совѣсти!..* Вотъ что̀ заставляетъ говорить Годунова поэтъ, рабски вѣрный историку:

Ахъ, чувствую: ничто не можетъ насъ
Среди мірскихъ печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина развѣ совѣсть.
Такъ, здравая, она восторжествуетъ
Надъ злобою, надъ темной клевотою;
Но если въ ней единое пятно,
Единое случайно завелося,
Тогда бѣда: какъ язвой моровой,
Душа сгоритъ, нальется сердце ядомъ,
Какъ молоткомъ стучитъ въ ушахъ упрекомъ,
И все тошнитъ, и голова кружится,
И мальчики кровавые въ глазахъ...
И радъ бѣжать, да некуда... ужасно!
Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста.

*Какая жалкая мелодрама!* Какой мелкій и ограниченный взглядъ на натуру человѣка! Какая бѣдная мысль — заставить злодѣя читать самому себѣ мораль, вмѣсто того, чтобы заставить его всѣми мѣрами оправдывать свое злодѣйство въ собственныхъ глазахъ! На этотъ разъ историкъ сыгралъ съ поэтомъ плохую шутку... И вольно-же было поэту дѣлаться эхомъ историка, забывъ, что ихъ раздѣляетъ другъ отъ друга цѣлый вѣкъ!.. Оттого-то, въ философскомъ отношеніи, этотъ взглядъ на Годунова сильно напоминаетъ собою добродушный пафосъ сумароковскаго „Димитрія Самозванца“...

Прежде всего замѣтимъ, что Карамзинъ сдѣлалъ великую ошибку, позволивъ себѣ до того увлечься голосомъ современниковъ Годунова, что въ убіеніи царевича увидѣлъ неопровержимо и несомнѣнно доказанное участіе Бориса...

Но, — скажутъ намъ, — убѣжденіе Карамзина оправдывается единодушнымъ голосомъ современниковъ Годунова, убѣжденіемъ всего народа въ его время; а вѣдь *гласъ Божій — гласъ народа*!

Такъ; но здѣсь *главный фактъ есть не убѣжденіе тогдашняго народа въ преступленіи Годунова, а готовность, расположеніе народа къ этому убѣжденію*, — расположеніе, причина котораго заключалась въ нелюбви, даже въ ненависти народа къ Годунову.

За что-же эта ненависть къ человѣку, который такъ любилъ народъ, столько сдѣлалъ для него, и котораго самъ народъ сначала такъ любилъ, повидимому?—

Въ томъ-то и дѣло, что *тутъ съ обѣихъ сторонъ была лишь „любовь повидимому“* — и въ этомъ заключается трагическая сторона личности Годунова и судьбы его. Если-бы Пушкинъ видѣлъ эту сторону, тогда, вмѣсто характера въ половину мелодраматическаго, у него вышелъ-бы характеръ простой, естественный, понятный и вмѣстѣ съ тѣмъ трагически-высокій. Правда, и тогда у Пушкина не было-бы драмы въ строгомъ значеніи этого слова; но за то была-бы превосходная драматическая поэма, или эпическая трагедія.

Карамзинъ и Пушкинъ видятъ въ этой, повидимому, незаслуженной ненависти народа къ Годунову, кару за его преступленіе. Слабость и нерѣшительность мѣръ, принятыхъ Годуновымъ противъ Самозванца, они приписываютъ смущенію виновной совѣсти. Это взглядъ чисто-мелодраматическій и въ историческомъ, и въ поэтическомъ отношеніи, особенно въ примѣненіи къ такому необыкновенному человѣку, каковъ былъ Борисъ! Въ поэмѣ Пушкина, самъ Годуновъ объясняетъ причину народной къ себѣ ненависти такъ:

Живая власть для черни ненавистна,
Они любить умѣютъ только мертвыхъ.
Безумны мы, когда народный плескъ,
Иль ярый вопль тревожитъ сердце наше.

Это оправданіе — не голосъ истины, а голосъ оскорбленнаго самолюбія, не твердая рѣчь великаго человѣка, а плаксивая жалоба неудавшагося кандидата въ геніи, раздосадованнаго неудачею. Нѣтъ, народъ никогда не обманывается въ своей симпатіи и антипатіи къ живой власти: его любовь, или его нелюбовь къ ней—высшій судъ! Гласъ Божій — гласъ народа!

Изъ всѣхъ страстей человѣческихъ, послѣ самолюбія, самая сильная, самая свирѣпая — *властолюбіе*. Можно на-

вѣрное сказать, что ни одна страсть не стоила человѣчеству столько страданій и крови, какъ властолюбіе.

Во времена просвѣщенныя и у народовъ цивилизованныхъ властолюбіе является всегда въ соединеніи съ честолюбіемъ, такъ что иногда трудно рѣшить, которая изъ этихъ страстей господствующая въ человѣкѣ, и властолюбіе кажется только результатомъ честолюбія.

Во времена варварскія, у народовъ необразованныхъ, властолюбіе имѣетъ другое значеніе, потому что соединяется не только съ честолюбіемъ, но еще съ чувствомъ самосохраненія: гдѣ, не будучи первымъ, такъ легко погибнуть ни за что, тамъ всякому вдвойнѣ хочется быть первымъ, чтобы никого не бояться, но всѣхъ страшить.

Но такъ какъ каждому изъ всѣхъ или многихъ невозможно быть первымъ, то право перваго естественнымъ ходомъ исторіи вездѣ утвердилось потомственно въ одномъ родѣ, на основаніи права въ прошедшемъ, или преданія.

Время освятило и утвердило это право за немногими родами.

Это отняло у всѣхъ и у многихъ всякую возможность губить другъ друга и цѣлый народъ притязаніями на верховное первенство. Предъ правомъ избраннаго Провидѣніемъ рода умолкла зависть, смирилось властолюбіе: родъ признанъ высшимъ надо всѣми по праву свыше, и равные между собою охотно повинуются высшему предъ всѣми ими.

Но когда царствующій родъ прекращается, послѣ наслѣдственнаго владычества въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, и когда право высшей власти захватываетъ человѣкъ, вчера бывшій равнымъ со всѣми передъ верховною властью, а сегодня долженствующій начать собою новую династію, тогда, естественно, разнуздывается у всѣхъ страсть властолюбія. Каждый думаетъ: если *онъ* могъ быть избранъ, почему-же *я* не могъ? Чѣмъ *онъ* лучше меня, и почему не *я* лучше его? Но счастливый властолюбецъ силою и хитростью заставляетъ молчать всѣхъ и все: страсти умолкаютъ, но до времени, до случая...

Естественно, *у кого нѣтъ, въ отношеніи пріобрѣтенія верховной власти, освященнаго вѣками права законнаго наслѣдія — тому, чтобы заставить въ себѣ видѣть не похитителя власти, а властелина по праву, остается опереться только на*

*право личнаго превосходства надъ всѣми, — на право генія.* Только на условіи этого права толпа согласится безусловно признать владычество человѣка, который, въ гражданскомъ отношеніи, еще вчера стоялъ наравнѣ съ нею. *Было-ли за Годуновымъ это право? — Нѣтъ!* — И вотъ гдѣ разгадка его историческаго значенія и его исторической судьбы: *онъ хотѣлъ играть роль генія, не будучи геніемъ, и за то палъ трагически и увлекъ за собою паденіе своего рода...*

Такой человѣкъ есть лицо трагическое; такая участь есть законное достояніе трагедіи. И что-бы могъ сдѣлать Пушкинъ изъ своей трагедіи, если-бы взглянулъ на идею Бориса Годунова съ этой точки! Въ какой-бы сферѣ человѣческой дѣятельности ни проявился геній, онъ всегда есть олицетвореніе творческой силы духа, вѣстникъ обновленія жизни. Его назначеніе — ввести въ жизнь новые элементы и чрезъ это двинуть ее впередъ, на высшую ступень. Явленіе генія — эпоха въ жизни народа. Генія уже нѣтъ, а народъ долго еще живетъ въ формахъ жизни, имъ созданной, долго — до новаго генія. Такъ Московское царство, возникшее силою обстоятельствъ при Іоаннѣ Калитѣ и утвержденное геніемъ Іоанна III, жило до Петра Великаго. Тотъ не геній въ исторіи, чье твореніе умираетъ вмѣстѣ съ нимъ: геній по пути исторіи пролагаетъ глубокіе слѣды своего существованія, долго послѣ своей смерти.

Борисъ Годуновъ былъ человѣкъ необыкновенно умный и способный. Царедворецъ жестокаго царя, онъ умѣлъ попасть къ нему въ милость, не замаравъ себя ни каплею крови, ни однимъ безчестнымъ поступкомъ. Но это умѣніе объясняется отчасти ловко разсчитанною женитьбою на дочери палача, Малюты Скуратова. Въ этой чертѣ выказывается ловкій царедворецъ, но генія еще не видно. Всякій, даже самый ограниченный, но хитрый человѣкъ сумѣлъ-бы разсчесть выгоды такого брака въ царствованіе Грознаго; но геній, можетъ быть, и не рѣшился-бы на такой разсчетъ, тая въ себѣ огромные замыслы на будущее: титулъ зятя палача Малюты Скуратова былъ ненавистенъ тому народу, владыкою котораго впослѣдствіи сдѣлался Годуновъ. Повторяемъ: разсчетъ былъ тонкій, хитрый, но не геніальный; въ немъ виденъ *придворный интриганъ, а не будущій великій государь...*

Годуновъ дѣлается зятемъ палача, а по смерти Грознаго — членомъ верховной думы, и Грозный ему въ особенности, мимо старшихъ бояръ, завѣщалъ блюсти царство. Никакія вѣдьмы не предсказывали этому новому Макбету его будущаго величія; но его головѣ было отъ чего закружиться и безъ предсказаній! Это фантастическое счастье онъ могъ принять за лучшее изъ всѣхъ предсказаній! Онъ уничтожилъ верховную думу и оффиціально былъ названъ правителемъ государства: только для вида подавалъ голосъ въ царской думѣ, но рѣшалъ всѣ дѣла самовластно, принималъ пословъ, договаривался съ ними и давалъ ихъ свитѣ цѣловать свою руку... На тронѣ сидѣлъ царь по имени, молчальникъ и молельщикъ въ сущности, который вручилъ своему родственнику и любимцу всю власть свою, „избывая мірскія суеты и докуки...“ Чего не доставало Годунову? — только престола... И онъ достигъ его.

Какъ правитель и какъ царь, Годуновъ обнаружилъ много ума и много способности, но нисколько генія. Въ томъ и другомъ случаѣ, это былъ не больше, какъ умный и способный министръ, но не Сюлли, не Кольберъ, которые умѣли открыть новые источники государственной силы тамъ, гдѣ никто не подозрѣвалъ ихъ: нѣтъ, это былъ министръ, который съ успѣхомъ велъ государство по старой, уже проложенной колеѣ, на основаніи сохраненія statu quo. Насильственная смерть царевича, — кто-бы ни былъ ея причиною, — уже бросила на него тѣнь подозрѣнія въ глазахъ народа, и это подозрѣніе всѣми силами возбуждали и поддерживали враги его — бояре, которые, естественно, никакъ не могли простить ему присвоенія того, на что каждый изъ нихъ считалъ себя точно въ такомъ-же, какъ и онъ, правѣ. Какъ правитель, Годуновъ не могъ вносить новыхъ элементовъ въ жизнь государства, которымъ управлялъ не отъ своего имени. Подобная попытка могла-бы разстроить всѣ его планы и погубить его. *Но, когда онъ сдѣлался царемъ, тогда онъ непремѣнно долженъ былъ явиться реформаторомъ-зиждителемъ, чтобы заставить и народъ, и враговъ своихъ — бояръ — забыть, что еще недавно былъ онъ такимъ-же, какъ и они, подданнымъ.* Но что-же онъ сдѣлалъ для Россіи, сдѣлавшись ея царемъ?—и какимъ царемъ—самовластнымъ, воля котораго для народа была воля Божія! Чего-бы нельзя

было сдѣлать съ такою властью, подкрѣпляемою геніемъ! Но, *и сдѣлавшись царемъ, Годуновъ остался тѣмъ-же умнымъ и ловкимъ правителемъ, какимъ онъ былъ и при Ѳеодорѣ.* Надъ окружающими его боярами онъ имѣлъ личныхъ преимуществъ не больше, какъ настолько, чтобы оскорбить своимъ превосходствомъ ихъ самолюбіе, ихъ ограниченность и посредственность, но не настолько, чтобы покорить ихъ превосходствомъ, заставить ихъ пасть предъ нимъ, какъ предъ существомъ высшаго рода... Онъ ловко разыгралъ комедію, по счастливому выраженію Пушкина, «морщившись передъ короною, какъ пьяница передъ чаркою вина»; онъ заставилъ себя избрать, а не самъ объявилъ себя царемъ, онъ долго обнаруживалъ какой-то ужасъ къ мысли о верховной власти, и долго заставлялъ себя умолять. *Но эта комедія даже черезчуръ тонко была разыграна, и въ ней проглядываетъ не образъ великаго человѣка, который всегда прямо идетъ къ своей цѣли, даже и тогда, когда идетъ къ ней не прямою дорогою а образъ „маленькаго великаго человѣка“, смѣлаго интригана.*

Это сейчасъ-же и обнаружилось, какъ скоро ибраніе было рѣшено, и вѣнчаніе осталось только обрядомъ, который неопасно было и отложить на время.

Когда Сикстъ V былъ избранъ конклавомъ, онъ вдругъ выпрямился и, противъ обыкновенія, самъ запѣлъ „Te Deum“: въ этой поспѣшности виденъ великій человѣкъ, достигшій своей цѣли и принимающій власть не какъ нищій копейку, съ низкими поклонами, но съ увѣренностью и гордостью силы, сознающій свое право на власть.

Сикстъ не началъ разсыпаться въ обѣщаніяхъ: буду-де таковъ-то и таковъ, сдѣлаю то и другое; а сейчасъ началъ быть и дѣлать, никому не угрожая, ни къ кому не подлаживаясь и заставляя трепетать тѣхъ, которые никого не трепетали и которыхъ всѣ трепетали...

Не такъ поступилъ Годуновъ. При вѣнчаніи на царство, онъ клянется быть отцомъ народа, показываетъ свою рубашку, говоря, что всегда будетъ готовъ раздѣлить ее съ послѣднимъ своимъ подданнымъ... Кто просилъ, кто требовалъ отъ него этихъ обѣщаній и клятвъ? И что значатъ они, что видно въ нихъ, если не чрезмѣрная радость о достиженіи давно желанной цѣли, если не благодарность, рожденная этой радостью, — благодарность за блестящее

бремя не по силамъ, за великій титулъ не по достоинству, за высшую власть не по заслугѣ?.. *Не такъ принимаетъ подобную власть геній, великій человѣкъ: онъ беретъ ее какъ что-то свое, принадлежащее ему по праву, никому не кланяясь, никого не благодаря, никому не дѣлая обѣщаній, не давая клятвъ въ порывѣ дурно скрытаго восторга.* Вскорѣ послѣ Годунова въ русской исторіи снова повторилось зрѣлище обѣщаній и клятвъ: ничтожный Шуйскій, въ благодарность за корону, которой онъ сознавалъ себя внутренно недостойнымъ, предлагалъ боярщинѣ права, которыхъ она отъ него не просила и взять не хотѣла... Но вотъ Годуновъ—царь. Ласкамъ народу нѣтъ конца, милости на всѣхъ льются рѣкою... Первый изъ русскихъ царей, обратилъ онъ свое непосредственное, прямое, а не черезъ бояръ, вниманіе на массу народа, на его низшій и, слѣдовательно, самый обширный слой... Это была какая-то нѣжная, родственная заботливость, въ которой былъ виденъ больше отецъ, нежели царь... Народъ долженъ былъ боготворить Годунова, и Годуновъ долженъ-бы быть самымъ народнымъ изъ всѣхъ бывшихъ до него царей русскихъ... Въ такомъ случаѣ, что ему тайная злоба и зависть, темная крамола боярщины! Онъ могъ спокойно презирать ее: на стражѣ его стояла лучшая и надежнѣйшая изъ всѣхъ швейцарскихъ и другихъ возможныхъ гвардій—любовь народная... и въ самомъ дѣлѣ, народъ славилъ царя благодушнаго, ласковаго, правосуднаго, милостиваго, доступнаго... Народъ даже старался, силился полюбить Годунова—и никакъ не могъ... Если у него и была на минуту любовь къ Годунову, то въ головѣ только, а не въ сердцѣ: *умъ и воображеніе народа удивлялись Годунову, а сердце молчало, упрямясь согласиться съ умомъ и воображеніемъ*... Но вотъ прошла и минута этой надуманной, такъ сказать, головной любви; Борисъ удвояетъ свои благодѣянія народу, а народъ, принимая ихъ, клянетъ Бориса... Еще прежде его царствованія, когда еще онъ былъ только правителемъ, тѣнь убитаго царевича начала его преслѣдовать: Борисъ дѣлаетъ счастливый отпоръ наглому нашествію на Россію крымскаго хана, проникшаго до стѣнъ самой Москвы, а народъ говоритъ, что самъ Борисъ призвалъ хана, чтобы отвратить общее вниманіе отъ смерти царевича, и дешевою цѣною прославиться избавителемъ отечества... Царица

родила дочь: заговорили, что она родила сына, а Борисъ подмѣнилъ его дѣвочкою; а когда маленькая царевна умерла, прошелъ слухъ, что Годуновъ отравилъ ее, боясь, чтобы Ѳедоръ не передалъ ей престола... Въ Москвѣ начались пожары: Борисъ казнилъ поджигателей и помогъ погорѣвшимъ; а народъ обвинилъ его самого въ зажигательствѣ и жалѣлъ о казненныхъ, какъ о невинныхъ жертвахъ... Годуновъ сталъ преслѣдовать распускателей этихъ слуховъ и казнить ихъ: ничего худшаго не могъ онъ выдумать — это значило согласиться въ справедливости слуховъ... Ясно, что слухи эти распускали бояре; но народъ ловилъ ихъ жаднымъ ухомъ...

Но вотъ вѣнчаніе на царство ослѣпило народъ: и Борисъ, и самъ народъ приняли удивленіе за любовь... Комедія продолжалась только одинъ годъ: Борисъ не выдержалъ своей роли и сорвалъ съ себя маску, не имѣя силы дольше носить ее. *Интриганъ становится тираномъ* и напоминаетъ собою Грознаго. У него есть свой Малюта Скуратовъ: это— презрѣнный, подлый рабъ его — Семенъ Годуновъ. Лаская и награждая явно, онъ мучитъ и казнитъ тайно, и все по поводу слуховъ, все по подозрѣнію въ ненависти къ царю и злыхъ противъ него умысловъ. Бѣльскаго, уже разъ сосланнаго въ ссылку, онъ ссылаетъ снова, выщипавъ ему всю бороду по одному волоску: какое татарское наказаніе!.. Тюрьмы были набиты биткомъ; шпіонство сдѣлалось не только выгоднымъ, но и почетнымъ ремесломъ... Явныхъ казней было мало; большею частью все умирали скоропостижно: этотъ человѣкъ не умѣлъ быть даже тираномъ открыто, какъ Грозный, и тиранствовалъ во мракѣ, тайкомъ... Открывается страшный голодъ въ Россіи; народъ гибнетъ тысячами, шайки разбойниковъ грабятъ и рѣжутъ безнаказанно; Борисъ строго наказываетъ скупщиковъ хлѣба, сыплетъ на народъ деньгами, даетъ пріютъ голоднымъ и нищимъ, посылаетъ отряды противъ разбойниковъ; строитъ башню Ивана Великаго, чтобъ дать народу работу; словомъ, онъ честно, вѣрно выполняетъ свою клятву—дѣлитъ съ народомъ послѣднюю рубашку свою... И все напрасно, все тщетно!.. Проносятся слухи о Самозванцѣ; наконецъ, Самозванецъ уже поддерживается Польшею, идетъ въ Россію, къ нему передаются русскіе толпами; а Годуновъ ничего

не дѣлаетъ, ничего не предпринимаетъ, онъ только собираетъ и жжетъ манифесты Самозванца и требуетъ отъ Шуйскаго клятвы, что царевичъ точно умеръ.

Какой жалкій царь! Онъ могъ-бы раздавить Самозванца — и палъ подъ его ударами. Подозрѣваютъ, что онъ отравилъ себя ядомъ: можетъ быть, но такъ-же можетъ быть, что онъ умеръ скоропостижно отъ страшнаго напряженія силъ, вслѣдствіе внутреннихъ волненій. Въ обоихъ случаяхъ онъ умеръ малодушно. Первое извѣстіе о Самозванцѣ Годуновъ принялъ даже очень холодно: это можетъ служить доказательствомъ не одному тому, что онъ былъ увѣренъ въ смерти царевича, но и тому, что онъ былъ невиненъ въ ней; въ то-же время это служитъ доказательствомъ, *какъ мало былъ онъ дальновиденъ, какъ худо понималъ свое положеніе*. Онъ-бы долженъ былъ знать, что тѣнь царевича самый ужасный врагъ его во всякомъ случаѣ, былъ онъ убійцею царевича или нѣтъ: въ первомъ случаѣ, эта тѣнь была его неизбѣжною карою за преступленіе; во второмъ — она была превосходнымъ предлогомъ для народной ненависти. Бояре могли знать невинность Годунова: но если народъ не любилъ его — этого было уже слишкомъ достаточно, чтобъ для народа преступленіе его было яснѣе дня. Пока царевичъ жилъ въ Угличѣ съ матерью, — на него никто не обращалъ вниманія: вѣдь онъ былъ плодомъ седьмого брака Грознаго, и личный характеръ его матери не возбуждалъ ни участія, ни уваженія; Грозный хотѣлъ ее отослать отъ себя и жениться въ восьмой разъ, но смерть помѣшала ему выполнить это намѣреніе. Когда-же царевичъ былъ убитъ и народная ненависть запылала, — младенецъ, святой мученикъ, сдѣлался предметомъ народнаго благоговѣнія...

*На всѣхъ дѣйствіяхъ Бориса, даже самыхъ лучшихъ, лежитъ печать отверженія.* Всѣ дѣла его неудачны, не благодатны, потому что всѣ они выходили изъ ложнаго источника. Любовь его къ народу была не чувствомъ, а разсчетомъ, и потому въ ней есть что-то ласкательное, льстивое, угодничество, и потому народъ не обманулся ею и отвѣтилъ на нее ненавистью. Удивительное существо—народъ! Почти всегда невѣжественный, грубый, ограниченный, слѣпой, — онъ непогрѣшительно истиненъ и правъ въ своихъ инстинк-

тахъ; если онъ иногда обманывается съ этой стороны, то на одну минуту — не болѣе, и кто не любитъ его по внутренней, живой, сердечной потребности любить его,—тотъ можетъ осыпать его деньгами, умирать за него, — онъ будетъ имъ превозносимъ и восхваляемъ, но любимъ никогда не будетъ. Если-же кто любитъ его не по разсчету, а по внутренней, инстинктивной потребности любить, тотъ можетъ идти вопреки всѣмъ его желаніямъ, — и за это народъ будетъ его осуждать, будетъ на него роптать, и въ то-же время будетъ любить его.

Борисъ Годуновъ не былъ человѣкомъ ничтожнымъ и даже обыкновеннымъ; напротивъ, это былъ человѣкъ ума великаго, который цѣлою головою стоялъ выше всего своего народа. Борисъ былъ даже выше многихъ предразсудковъ своего времени: первый изъ царей русскихъ, рѣшился онъ выдать дочь за иностраннаго и иновѣрнаго принца; говорятъ, хотѣлъ и сына женить на иностранной принцессѣ; это вовлекло-бы Россію въ болѣе живыя и плодотворныя отношенія съ Европою, нежели въ какихъ она была до того времени, и потому имѣло-бы огромное вліяніе на ея будущую судьбу. Борисъ уважалъ просвѣщеніе, тщательно, сколько было въ его средствахъ, воспитывалъ дѣтей своихъ, особенно сына; хотѣлъ основать въ Москвѣ университетъ, и послалъ въ Европу за учеными людьми. Уже одно то, что онъ понялъ необходимость опереться преимущественно на любовь народа, показываетъ, какъ уменъ былъ этотъ несчастный любимецъ счастія.

*Но всѣ предпріятія его не состоялись, именно потому* (а не почему-нибудь другому), *что у него былъ только умъ и даровитость, но не было геніальности,* — тогда какъ судьба поставила его въ такое положеніе, что геніальность была ему необходима.

*Будь онъ законный, наслѣдный царь,* — онъ былъ-бы однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ царей русскихъ: тогда ему не было-бы никакой нужды быть реформаторомъ, и оставалось-бы только хранить statu quo, улучшая, но ее измѣняя его,—а для этого и безъ геніальности достало-бы у него ума и способности—и онъ много сдѣлалъ-бы полезнаго дляРоссіи.

Но онъ былъ *выскочка* (parvenu), *и потому долженъ былъ быть геніемъ, или пасть — и палъ...*

Ведя Русь по старой колеѣ, онъ самъ не могъ не споткнуться на той колеѣ, потому что старая Русь не могла простить ему того, что видѣла его бояриномъ прежде, чѣмъ увидѣла царемъ своимъ. Чтобъ утвердиться самому на престолѣ и упрочить его за своимъ потомствомъ, — ему надо было преобразовать, перевоспитать Русь, внести въ ея жизнь новые элементы. Но для этого у него не было никакой идеи, никакого принципа. Онъ былъ только умнѣе своего времени, но не выше его.

Въ немъ самомъ жила старая Русь, доказательство — его тиранія и борода Бѣльскаго...

А между тѣмъ онъ чувствовалъ, что, по его положенію, ему необходимо быть преобразователемъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ человѣкъ не геніальный, думалъ, что для этого достаточно прибавить кое-что новаго. И вотъ онъ учреждаетъ въ Москвѣ патріаршій престолъ, и сажаетъ на него не лучшаго, а преданнѣйшаго изъ духовныхъ лицъ, который и короновалъ его впослѣдствіи.

Это нововведеніе было совершено въ духѣ того времени: новое доказательство, что Годуновъ не былъ выше своего времени и ничего не видѣлъ за нимъ...

Другое нововведеніе было еще болѣе въ современномъ ему духѣ, и по тому самому было вредно для Россіи того вѣка и для новой Россіи, и гибельно для самого Годунова: мы говоримъ о томъ законѣ Годунова, который увѣковѣченъ русскою пословицею: „Вотъ тебѣ, бабушка, Юрьевъ день!“

Этимъ нововведеніемъ Годуновъ раздражилъ обѣ стороны, которыхъ оно касалось — и помѣщиковъ, и крестьянъ. Первые жаловались, что они не могутъ теперь выгнать изъ своего помѣстья лѣниваго или развратнаго холопа, и обязаны кормить его за то, что онъ ничего не дѣлаетъ, или за то, что онъ воруетъ и пьетъ. Вторые — говоря языкомъ римскаго права, изъ personae сдѣлались res. Значитъ, до Годунова у насъ не было крѣпостнаго сословія, и въ этомъ отношеніи не мы у Европы, а Европа у насъ могла-бы съ большею для себя пользою позаимствоваться. Вмѣсто крѣпостнаго права, у насъ было только помѣстное право — право владѣть землею и обрабатывать ее руками пролетаріевъ, на свободныхъ съ ними условіяхъ, обратившихся въ обычай. Этотъ новый законъ былъ такъ въ духѣ тѣхъ вре-

менъ, что утвердился и укоренился надолго — до временъ Екатерины, уничтожившей даже слово „рабъ“ и измѣнившей положеніе этого сословія. И вотъ чѣмъ пережилъ себя Годуновъ въ потомствѣ...

*У великаго человѣка и сердце великое.* Идя своею дорогою и опираясь на свою силу, онъ ничего не боится; онъ разитъ своихъ враговъ, но не мститъ имъ; въ ихъ паденіи для него заключается торжество его дѣла, а не удовлетвореніе обиженнаго самолюбія. Петръ Великій умѣлъ карать враговъ своего дѣла и умѣлъ прощать личныхъ враговъ, если видѣлъ, что они ему не опасны. Его кара была актомъ правосудія, а не дѣломъ личнаго мщенія, и онъ каралъ открыто, среди бѣлаго дня, но не отравлялъ во мракѣ; принявъ публично доносъ, публично изслѣдовалъ дѣло и публично наказывалъ, если доносъ оказывался справедливымъ. Когда бунтъ стрѣлецкій заставилъ его воротиться изъ путешествія,—кровь стрѣльцовъ лилась рѣкою въ глазахъ грознаго царя, и онъ не боялся показаться тираномъ, потому что не былъ имъ. *Не такъ дѣйствовалъ Годуновъ.* Сперва онъ крѣпился, надѣясь ласкою и милостью обезоружить тайныхъ враговъ и прекратить неблагопріятные о себѣ толки; но, видя, что это не дѣйствуетъ, — не вытерпѣлъ, и тогда настала эпоха террора, шпіонства, доносовъ, пытокъ и скоропостижныхъ смертей... У Годунова не было великаго сердца, и потому онъ не могъ не мучиться подозрѣніями, не бояться крамолы, не увлекаться личнымъ мщеніемъ и, наконецъ, не сдѣлаться тираномъ. Словомъ, *онъ былъ только замѣчательный, а не великій человѣкъ, умный и талантливый администраторъ, но не геній.*

Итакъ, вѣрно понять Годунова исторически и поэтически, — значитъ понять *необходимость его паденія равно въ обоихъ случаяхъ* — виновенъ-ли онъ былъ въ смерти царевича, или невиненъ. А необходимость эта основана на томъ, что *онъ не былъ геніальнымъ человѣкомъ, тогда какъ его положеніе непремѣнно требовало отъ него геніальности.* Это просто и ясно.

*В. Г. Бѣлинскій.*

## Психологія злыхъ страстей.

### „Скупой рыцарь".

Скупость сведена здѣсь къ *жаждѣ власти, господства надъ людьми* и къ убѣжденію, *что богатство есть вѣрнѣйшее средство достиженія этой цѣли.* Баронъ, прежде всего, *честолюбецъ*, а потомъ уже скупецъ, превратившійся, наконецъ, въ скрягу.

Показано, какъ напряженное, поглощающее всего человѣка *стремленіе къ цѣли* переходитъ *въ фанатическую любовь къ средству*, которое въ концѣ-концовъ заслоняетъ собою самую цѣль.

Весь душевный процессъ — превращенія барона въ скупца — можно сказать, *изслѣдованъ* Пушкинымъ во всѣхъ его тайникахъ; раскрытъ его *патологическій* характеръ; объяснено важное въ психологіи человѣка явленіе, состоящее въ томъ, что *одно сознаніе возможности обладать желаемымъ способно замѣнить собою самый фактъ обладанія;* ясно очерчена *роль воображенія* въ этомъ процессѣ. И все это, съ исчерпывающей полнотой психологическаго анализа, съ изумительной проницательностью діагноза, съ необычайной ясностью и силою выраженія, сдѣлано въ знаменитомъ монологѣ барона на пространствѣ всего 118 стиховъ! Здѣсь геніальна уже одна художественная лаконичность.

Размѣры этой геніальности станутъ для насъ яснѣе, если мы обратимъ вниманіе еще на то, что вѣдь тутъ художественно изслѣдована не одна только скупость, но и другія страстныя состоянія души, по своей природѣ аналогичныя скупости. Діагнозъ, поставленный поэтомъ, и результаты, къ которымъ онъ пришелъ, таковы, что сохраняютъ свою силу и въ отношеніи другихъ страстей того же порядка.

Такъ, напр., человѣкъ, преслѣдующій (и совершенно искренно) цѣли служенія общему благу, пользѣ государства, прогрессу отечества и т. п., стремится, скажемъ, прежде всего *къ власти*, понимаемой имъ какъ средство, которое дастъ ему возможность осуществить свою высшую цѣль. Тутъ происходитъ *подстановка* одной цѣли (ближайшей, власти) на мѣсто другой (отдаленной, общаго блага и пр.). Эта

подстановка, если продолжится долго, способна повлечь за собою перенесеніе страстнаго отношенія человѣка отъ главной цѣли на второстепенную, на цѣль—средство: человѣкъ начинаетъ *влюбляться* въ самую власть и самъ не замѣчаетъ, какъ становится жертвою страсти честолюбія и властолюбія. Въ сущности, онъ уже хочетъ власти—для власти. Но процессъ можетъ пойти еще дальше. Вѣдь власть не дается даромъ,—ее нужно пріобрѣсти, напр. заслугами, интригами, деньгами и т. д. И вотъ опять—подстановка ближайшихъ цѣлей и перенесеніе на нихъ или одну изъ нихъ помысловъ и страстнаго чувства. Въ концѣ концовъ, достигнувъ одной изъ ближайшихъ цѣлей, которая въ началѣ была средствомъ для достиженія другихъ очередныхъ цѣлей, напр., дослужившись до большого чина и большого оклада, человѣкъ на этомъ и успокаивается, превратившись изъ фанатика (если онъ былъ таковымъ) общественнаго блага въ фанатика чина, оклада и почета. И ему порою кажется, что онъ обладаетъ властью, что ему стоитъ только захотѣть, и онъ явится во всеоружіи власти. На самомъ же дѣлѣ онъ уже и *не хочетъ ея*,—ему достаточно „сего сознанія“, какъ говоритъ скупой баронъ у Пушкина.

Отдѣльные стихи и выраженія въ монологѣ Скупого должны быть признаны классическими формулами для опредѣленія этихъ сложныхъ и темныхъ душевныхъ движеній. Таковы, напр.:

Что не подвластно мнѣ? Какъ нѣкій демонъ,
*Отселѣ править міромъ я могу*;
Лишь захочу — воздвигнутся чертоги;
Въ великолѣпные мои сады
Сбѣгутся нимфы рѣзвою толпою;
И музы дань свою мнѣ принесутъ,
И вольный геній мнѣ поработится...

Это—„формула“ для игры воображенія, направленнаго на отдаленную цѣль—*могущество*; но намъ ясно, что отношеніе скупца (или одержимаго иною страстью) къ этой цѣли—чисто платоническое. Говоря психологически, это уже не цѣль, а развѣ только «идеалъ», который на то и идеалъ, чтобы не быть достигнутымъ, чтобы о немъ только грезить.

Мнѣ все послушно, я же — ничему;
*Я выше всѣхъ желаній; я спокоенъ*;

*Я знаю мощь свою; съ меня довольно*
*Сего сознанья...*

Превосходная „формула“, опредѣляющая ту *иллюзію*, въ силу которой скупецъ (или иной „одержимый“) не замѣчаетъ, что онъ вовсе не повелитель предмета своей страсти (въ данномъ случаѣ—богатства), а рабъ этой страсти и только „сторожевой песъ“ ея предмета. Онъ — настоящій мономанъ (хотя бы и не въ точномъ психіатрическомъ смыслѣ слова). Страсть убила въ немъ всѣ другія желанія, искалѣчила его душу. Это искалѣченіе или опустошеніе души ошибочно принимается имъ за нѣкій подъемъ духа, который будто бы воспарилъ выше всякихъ желаній и слабостей человѣческихъ, точно онъ, скупой, — великій мудрецъ, а не психопатъ. Эта иллюзія и служитъ причиною того, что человѣкъ считаетъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ однимъ лишь *сознаніемъ достижимости желаній*, самое же достиженіе ихъ ему не нужно...

Изъ всего сказаннаго явствуетъ, что страсть скупости, какъ она изображена и истолкована Пушкинымъ, принадлежитъ къ числу *соціальныхъ страстей*—наряду съ властолюбіемъ, честолюбіемъ и т. п.

## „Каменный гость“.

Здѣсь воспроизведена другая страсть, — та сложная и темная страсть, которою бываютъ одержимы мужчины, и происхожденіе которой теряется въ глубокой доисторической древности. Ея источникъ—въ тѣхъ отдаленныхъ временахъ, когда впервые стали вырабатываться, путемъ конкурренціи и подбора, тѣ физическіе и психическіе признаки, въ силу которыхъ мужчина является „хищникомъ любви“, покорителемъ женскихъ сердецъ, кумиромъ женщинъ. Важнѣйшія изъ психическихъ свойствъ „донъ-жуановскаго“ типа, это, съ одной стороны, — смѣлость, наглость, настойчивость, съ другой—способность „героя“ самому увлекаться и готовность затрачивать на любовныя предпріятія всѣ свои душевныя силы—умъ, краснорѣчіе, находчивость и т. д.; не послѣднее мѣсто въ ряду этихъ качествъ занимаетъ такъ-называемое „рыцарство“ натуры, — очень условное „благородство“ характера.

Мужчина, щедро надѣленный этими качествами и не-

лишенный внѣшней красоты или, по крайней мѣрѣ, привлекательности, легко можетъ стать *рабомъ любовной страсти*, стать жертвою своего рода „маніи“—одерживать побѣды надъ женскими сердцами, „похищать любовь“.

Эта специфическая страсть имѣетъ свою психологію, во многомъ отличную отъ психологіи другихъ страстей. Одна изъ ея особенностей состоитъ въ томъ, что тутъ нѣтъ отдаленной, такъ сказать, „идеальной“ цѣли, какъ у скупца—могущество, власть надъ людьми; здѣсь нѣтъ того „платоническаго“ отношенія къ цѣли, которое столь часто наблюдается въ психологіи другихъ, преимущественно соціальныхъ, страстей. Хищнику любви не довольно одного сознанія достижимости цѣли: ему необходимо самое достиженіе, безъ чего онъ будетъ считать игру проигранною. Съ этой стороны разсматриваемая страсть, имѣющая физіологическое основаніе, роднится съ такими физіологическими страстями, какъ обжорство, гастрономія, пьянство. Но, при всемъ томъ, цѣль стремленій „хищника любви“, т. е. обладаніе женщиной, сама по себѣ не представляетъ для него всей своей заманчивости, если ея достиженіе слишкомъ легко, если оно не сопряжено съ затрудненіями, препятствіями, борьбой. „Донъ-Жуана“ въ высокой степени увлекаетъ и занимаетъ сама *борьба* изъ-за женщины, сама *охота* на женщину. Тутъ ясно сказывается дѣйствіе особаго *инстинкта*,—отдаленнаго и перерожденнаго наслѣдія зоологической борьбы самцовъ и человѣческой — доисторической—борьбы половъ. Съ этой стороны „донъ-жуанство“ входитъ въ группу тѣхъ страстей, въ основѣ которыхъ лежитъ какой-либо *инстинктъ*, унаслѣдованный отъ первобытной древности; такова, напр., страсть *охотника* и страсть *бродяжничества*. Вышеразсмотрѣнныя страсти,—зависть, скупость, властолюбіе и др., — въ эту группу не войдутъ; если въ ихъ психологіи и найдутся слѣды дѣйствія того или иного инстинкта, то всетаки ихъ нельзя разсматривать, какъ пробужденный инстинктъ, превратившійся въ страсть.

Въ психологіи „донъ-жуанства“, какъ страсти, весьма видную роль играютъ *эстетическія* и *артистическія наклонности*, какъ это замѣчается и въ нѣкоторыхъ другихъ страстяхъ, основанныхъ на инстинктѣ, напр., въ *охотничьей*. Ища борьбы, стремясь къ своей цѣли такъ, чтобы попутно упра-

жнялись „донъ-жуанскія“ качества, человѣкъ, одержимый этою страстью любовнаго хищничества, становится спеціалистомъ „науки страсти нѣжной“, виртуозомъ любви, гастрономомъ любовныхъ ощущеній. Въ немъ развиваются вкусы и таланты артиста въ веденіи любовной интриги, онъ является превосходнымъ актеромъ, отлично входящимъ въ свою роль, онъ овладѣваетъ „паѳосомъ“ любовной „поэзіи“, выступаетъ вдохновеннымъ „импровизаторомъ любовной пѣсни“.

Для всего этого въ „Каменномъ гостѣ“ даны исчерпывающія художественныя выраженія.

Вотъ, напр., „формула“ любовной „гастрономіи“:

. . . . . Бѣдная Инеза!
Ея ужъ нѣтъ! Какъ я любилъ ее!
. . . . . .
. . . . . Странную пріятность
Я находилъ въ ея печальномъ взорѣ
И помертвѣлыхъ губкахъ. Это странно.
. . . . . .
. . . . . Мало было
Въ ней истинно-прекраснаго. Глаза,
Одни глаза, да взглядъ... такого взгляда
Ужъ никогда я не встрѣчалъ! А голосъ
У ней былъ тихъ и слабъ, какъ у больной...

Въ сценѣ III-ей (у памятника командора) хищникъ является настоящимъ артистомъ любовной интриги и поэтомъ любви.

Напр.:

Мнѣ, мнѣ молиться съ вами, Донна-Анна?
Я не достоинъ участи такой.
Я не дерзну порочными устами
Мольбу святую вашу повторять;
Я только издали съ благоговѣньемъ
Смотрю на васъ, когда, склонившись тихо,
Вы кудри черныя, на мраморъ блѣдный
Разсыплете—и мнится мнѣ, что тайно
Гробницу эту ангелъ посѣтилъ!
Въ смущенномъ сердцѣ я не обрѣтаю
Тогда моленій. Я дивлюсь безмолвно
И думаю: счастливъ, чей хладный мраморъ
Согрѣтъ ея дыханіемъ небеснымъ
И окропленъ любви ея слезами.

Переодѣтый монахомъ хищникъ не только отлично играетъ свою роль, осторожно подходя къ любовнымъ излія-

ніямъ, но даже возвышается до паѳоса, до высокой поэзіи,—и *въ эту минуту* самъ вѣритъ тому, что говоритъ.

Сцена IV-ая—классическое изображеніе всѣхъ, вѣками испытанныхъ, пріемовъ и уловокъ хищниковъ любви. Тутъ и возбужденіе женскаго любопытства, и краснорѣчивыя увѣренія, будто онъ, никогда никого не любившій настоящей любовью, только теперь позналъ ее, и, наконецъ, замѣчательный по своей смѣлости, обезоруживающій недовѣріе жертвы аргументъ:

Когда бъ я васъ обманывать хотѣлъ,
Признался ль я, сказалъ бы я то имя,
Котораго не можете вы слышать?
Гдѣ жъ видны тутъ обдуманность, коварство?

Можно смѣло сказать: въ четырехъ небольшихъ сценахъ „Каменнаго гостя“ явленіе мужского хищничества въ любви изображено и психологически объяснено исчерпывающимъ образомъ (разумѣется, въ смыслѣ *художественнаго* истолкованія). Но этого мало: въ пьесѣ дана не только *психологія* „донъ-жуанства“, но и его *этика*. Основанія для справедливаго приговора надъ хищникомъ любви указаны весьма отчетливо: Донъ-Жуана нельзя трактовать какъ „злодѣя“ или человѣка безнравственнаго: онъ—самъ нѣкоторымъ образомъ жертва своихъ „талантовъ“. Какъ художественное дарованіе предопредѣляетъ карьеру художника, научный складъ ума—дѣятельность ученаго, такъ и вышеуказанные качества и „таланты“ Донъ-Жуана заранѣе опредѣляютъ его отношенія къ женщинамъ (предполагая, конечно, отсутствіе условій, парализующихъ это хищничество). Донъ-Жуанъ не виноватъ, что родился хищникомъ любви, что въ немъ скрытый мужской инстинктъ этого хищничества превратился въ страсть. Въ этомъ смыслѣ онъ невмѣняемъ. Помимо этого, смягчающимъ его вину обстоятельствомъ служитъ то, что, собственно говоря, женщины сами такъ и норовятъ попасть въ его сѣти. Онѣ любятъ мужское хищничество и охотно избираютъ роль жертвы. Натура и типъ Донъ-Жуана остались бы невыясненными, въ частности же не были бы даны необходимыя предпосылки для правильнаго нравственнаго сужденія о немъ, если бы Пушкинъ не изобразилъ, рядомъ съ нимъ, двухъ женскихъ характеровъ, Лауру и Донну-Анну. Обѣ онѣ—типичныя представительницы той *женствен-*

*ности*, которая однимъ фактомъ своего существованія въ извѣстной мѣрѣ оправдываетъ донъ-жуанство и обезоруживаетъ слишкомъ суровый приговоръ надъ нимъ. Оба явленія — *мужское хищничество въ любви* и *крайнее развитіе женственности*, со всѣми ея „чарами“, соблазнами и слабостями — совершенно параллельны и соотносительны; они другъ друга обусловливаютъ, и ихъ корни одинаково уходятъ въ глубокую доисторическую древность...

Итакъ, данныя Пушкинымъ основанія для нравственнаго приговора надъ хищникомъ любви клонятся отчасти въ пользу послѣдняго. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что онъ долженъ остаться безнаказаннымъ. Виноватъ ли или нѣтъ хищникъ въ своемъ хищничествѣ,—все равно *хищничество должно быть осуждено и покарано*. Пушкинъ, слѣдуя легендѣ, вводитъ карающій элементъ въ образъ статуи командора. Хищникъ погибаетъ. Въ нашей критической литературѣ были высказаны сужденія pro и contra этого пріема. Не осуждая его безусловно, я присоединяюсь къ тѣмъ, которые находили его недостаточнымъ. Бѣлинскій писалъ: „Самымъ естественнымъ наказаніемъ Донъ-Жуану могла бы быть истинная страсть къ женщинѣ, которая или не раздѣляла бы этой страсти, или сдѣлалась ея жертвою“. Еще болѣе дѣйствительною карою были бы нравственныя мученія отъ угрызеній совѣсти, чувство жалости къ жертвамъ и горькое сознаніе, что настоящей любви и счастья онъ, Донъ-Жуанъ, не зналъ. Если появленіе статуи и провалъ въ преисподнюю символизируютъ эту кару, то это выходитъ именно только *символъ идеи возмездія*, а не психологическое раскрытіе самого возмездія, что̀ собственно и было бы нужно.

*Д. Н. Овсянико-Куликовскій.*

---

## Гриневы, отецъ и сынъ.

Старый Гриневъ—одно изъ замѣчательнѣйшихъ и типичнѣйшихъ лицъ въ нашей литературѣ, несмотря на то, что ему отведено въ „Капитанской дочкѣ“ второстепенное мѣсто

и что онъ обрисованъ авторомъ немногими, хотя и геніальными чертами.

*Андрей Петровичъ*—яркій представитель лучшей части нашего помѣстнаго дворянства, организованнаго и воспитаннаго Петромъ Великимъ въ суровой школѣ военныхъ походовъ и иныхъ „несносныхъ трудовъ“ и жертвъ, которыми строилась и крѣпла его имперія.

Пушкинъ не скрываетъ темныхъ сторонъ стараго Гринева: его самовластныхъ привычекъ, его суроваго, нѣсколько деспотическаго обращенія съ семьей и съ крестьянами, его наивнаго и невѣжественнаго взгляда на просвѣщеніе и науку, благодаря которому онъ могъ принять за образованнаго педагога даже Бопре. Всѣ эти недостатки сглаживаются здравымъ смысломъ Гринева, его практическимъ умомъ, его умѣньемъ повелѣвать, его способностью крѣпко держать въ рукахъ и свои семейныя дѣла, и несложныя хозяйственныя, и административныя дѣла своей деревни. Какъ мужъ, отецъ и помѣщикъ, Гриневъ мало отличался отъ своихъ предковъ, хотя и завелъ въ домѣ учителя-француза. Онъ унаслѣдовалъ ихъ патріархальный взглядъ и неизмѣнно руководствовался имъ въ жизни. Онъ былъ грознымъ властелиномъ жены, хотя любилъ и уважалъ ее по-своему и ужъ, конечно, никому не далъ бы ее въ обиду. Онъ заботливо относился къ участи своего сына, но былъ далекъ, въ отношеніи къ нему, отъ всякой сентиментальности. По всей вѣроятности, крестьяне не имѣли основанія жаловаться на него, хотя, разумѣется, онъ ужъ никоимъ образомъ не потакалъ ихъ слабостямъ и не склоненъ былъ довольствоваться ролью добраго барина, живущаго исключительно для своихъ „мужичковъ“. Онъ, безъ сомнѣнія, высоко ставилъ себя надъ *чернымъ* народомъ и невольно относился съ нѣкоторымъ презрѣніемъ даже къ вѣрному Савельичу, въ твердомъ убѣжденіи, что между „подлыми“ людьми и „бѣлой костью“ лежитъ непроходимая бездна. Но неспроста тотъ же самый Савельичъ такъ искренно любилъ своего строгаго господина: подъ его суровой внѣшностью онъ умѣлъ разглядѣть и понять и справедливое отношеніе къ нуждамъ крестьянъ, и неподдѣльное сочувствіе къ ихъ радостямъ и горю. Къ тому же, Савельичъ и другіе „подданные“ стараго Гринева, несмотря на почтительность, которую они должны

были высказывать своему барину, прекрасно понимали, что они близкіе ему люди, ибо они были съ Гриневымъ одного поля ягоды. Ихъ взгляды, понятія, вкусы, привычки все это во многомъ совпадало, а потому и суровое, но толковое управленіе Андрея Петровича не тяготило, какъ не тяготитъ дѣтей строгая, но разумная власть отца.

Одна изъ главныхъ особенностей стараго Гринева—*чувство собственнаго достоинства,* вытекающее у него изъ глубокаго и крѣпко засѣвшаго уваженія къ предкамъ и званію дворянина. Гриневъ никогда не забываетъ о своемъ дворянскомъ происхожденіи и о своей связи со всѣмъ родомъ Гриневыхъ. Его сословная и родовая гордость не пустая спесь и не смѣшной предразсудокъ, а путеводная нить, при помощи которой онъ выходитъ изъ всѣхъ житейскихъ испытаній, не утрачивая самообладанія. Эта гордость дѣлаетъ его выносливымъ въ трудныя минуты, облагораживаетъ его стремленія и временами возвышаетъ до истиннаго героизма. Воспоминанія о пращурѣ, казненномъ при Іоаннѣ Грозномъ за правое дѣло, и объ отцѣ, погибшемъ при Биронѣ вмѣстѣ съ Волынскимъ и Хрущевымъ,—вотъ что составляетъ предметъ гордости стараго Гринева. Онъ равнодушно, даже нѣсколько высокомѣрно, относится къ близкому родству съ вліятельнымъ и блестящимъ майоромъ гвардіи, офицеромъ Семеновскаго полка, княземъ Б., но онъ въ высшей степени дорожитъ принадлежностью къ старому, честному дворянскому роду, запечатлѣвшему кровью вѣрность долгу и чести.

*Честь и нелицемѣрная преданность престолу и родинѣ,*— вотъ къ чему сводится весь нравственный кодексъ стараго Гринева. Воспитавшись въ школѣ, созданной Преобразователемъ, Гриневъ усвоилъ себѣ самый возвышенный взглядъ на значеніе царской службы. Онъ видѣлъ въ ней не путь къ наживѣ и карьерѣ, а священный долгъ каждаго дворянина и средство къ выработкѣ ума и характера молодого человѣка. Никѣмъ не побуждаемый, двѣнадцать лѣтъ спустя послѣ освобожденія дворянъ отъ обязательной службы, онъ, по собственному почину, отправляетъ сына на дальнюю окраину понюхать пороху и тянуть невеселую армейскую лямку. Онъ былъ твердо убѣжденъ, что пребываніе въ Оренбургской крѣпости принесетъ его сыну громадную пользу

и превратитъ его изъ недоросля, маменькина сынка, въ человѣка долга и серьезнаго взгляда на жизнь. Когда Гриневъ узнаетъ объ обвинительномъ приговорѣ императрицы надъ его сыномъ, онъ приходитъ въ отчаяніе не потому, что сынъ оказался въ числѣ опальныхъ, а потому, что онъ былъ признанъ измѣнникомъ, нарушившимъ присягу и перешедшимъ на сторону Пугачева. Не горькая участь сына, а его мнимая низость,—вотъ что убивало стараго Гринева. Онъ справился бы со своимъ горемъ, если бы его сынъ поплатился жизнью, отстаивая правое, святое дѣло, но онъ никогда не могъ бы примириться съ подлымъ поступкомъ сына, хотя бы этотъ поступокъ и не повлекъ за собою никакого наказанія. Кто не помнитъ прекрасныхъ словъ стараго Гринева, произнесенныхъ послѣ того, какъ онъ узналъ, что императрица, изъ уваженія къ его заслугамъ и преклоннымъ лѣтамъ, помиловала его мнимо-преступнаго сына и, избавивъ его отъ позорной казни, повелѣла сослать въ Сибирь на поселеніе. „Какъ! повторялъ, выходя изъ себя Андрей Петровичъ: сынъ мой участвовалъ въ замыслахъ Пугачева! Боже праведный, до чего я дожилъ! Государыня избавляетъ его отъ казни! Отъ этого развѣ мнѣ легче? Не казнь страшна: пращуръ мой умеръ на лобномъ мѣстѣ, отстаивая то, что почиталъ святыней совѣсти, отецъ мой пострадалъ вмѣстѣ съ Волынскимъ и Хрущевымъ. Но дворянину измѣнить своей присягѣ, соединиться съ разбойниками и убійцами, съ бѣглыми холопьями!.. Стыдъ и срамъ нашему роду!..“ Въ этихъ словахъ сказывается и печаль отца, и доблесть гражданина; они проливаютъ яркій свѣтъ на стараго Гринева и привлекаютъ къ нему наше сочувствіе. Эти слова доказываютъ, что Гриневъ, въ случаѣ надобности, не остановился бы для спасенія родины передъ самыми тяжелыми жертвами, и что его преданность Россіи, коронѣ и долгу была не пустымъ звукомъ, а несокрушимымъ убѣжденіемъ. Если бы судьба столкнула его съ Пугачевымъ, онъ умеръ бы такою же прекрасной смертью, какъ и капитанъ Мироновъ.

Глубоко знаменательными являются наставленія, которыя даетъ Андрей Петровичъ сыну при отъѣздѣ на прощанье: „Служи вѣрно, кому присягнешь: на службу не напрашивайся, отъ службы не отказывайся; не гоняйся за лаской начальника; береги платье съ нову, а честь смолоду“.

Каждое изъ этихъ четырехъ правилъ составляетъ основной догматъ личной морали Гринева, и въ нихъ, какъ нельзя лучше, отражается весь его нравственный обликъ.

„Служи вѣрно, кому присягнешь“. Чтобы понять цѣль, съ которою старый Гриневъ говорилъ это своему сыну, нужно имѣть въ виду время, когда совершаются событія „Капитанской дочки“. То было время дворцовыхъ переворотовъ, неожиданныхъ возвышеній и столь же неожиданныхъ паденій; то было смутное время, когда у русскихъ людей еще были въ памяти и присяга Іоанну VI, уничтоженная присягой Елизаветѣ Петровнѣ, и присяга Петру III, уничтоженная присягой Екатеринѣ II. Гриневъ видѣлъ въ присягѣ не простой обрядъ, не одну формальность, а дѣло великое и святое, имѣющее значеніе въ жизни. Смыслъ его наставленія таковъ: „Будь вѣренъ тому, кому поклянешься служить. Не думай, что можно играть присягой. Если для соблюденія ея окажется нужнымъ пожертвовать собою,—ни передъ чѣмъ не останавливайся. Лучше провести свой вѣкъ въ нищетѣ, лучше погибнуть въ Сибири или на плахѣ, чѣмъ запятнать себя измѣной и клятвопреступленіемъ“.

„Слушайся начальниковъ, за ихъ лаской не гоняйся; на службу не напрашивайся; отъ службы не отговаривайся“. И въ этихъ наставленіяхъ старый Гриневъ остался себѣ вѣренъ. Посылая сына на службу, онъ стремился не къ тому, чтобы тотъ попалъ въ „случайные“ люди, нахваталъ всякими правдами и неправдами чиновъ и орденовъ. Гриневъ, конечно, считалъ бы себя счастливымъ, если бы его сынъ выдѣлился изъ ряда вонъ своими заслугами, но онъ не хотѣлъ видѣть его среди искателей, пролагающихъ себѣ дорогу къ почестямъ посредствомъ покровительства разныхъ „милостивцевъ“. Онъ внушаетъ сыну прежде всего строгое исполненіе долга. Своими только что приведенными наставленіями онъ желаетъ сказать вотъ что: „Не старайся избѣгать трудныхъ и опасныхъ порученій и ставь исполненіе служебныхъ обязанностей выше соображеній о карьерѣ и расположенія людей, власть имущихъ. Умѣй жертвовать собою, если того потребуетъ служба; но не бросайся въ опасности, очертя голову. Будь храбрымъ, но не будь искателемъ приключеній, не будь выскочкой и не унижайся до происковъ и лести“. „Береги честь смолоду“. Въ этомъ послѣднемъ и

главномъ правилѣ Гринева объединяются всѣ его наставленія. Честь—это его святыня и сокровище, которымъ онъ дорожитъ всего болѣе и которое онъ совѣтуетъ сыну блюсти отъ молодыхъ ногтей. Честь—главный двигатель всѣхъ чувствъ и поступковъ Гринева. Руководствуясь всегда и во всемъ честью, онъ умѣлъ цѣнить ее и въ другихъ. Когда къ нему пріѣзжаетъ въ домъ Марья Ивановна, онъ, несмотря на все свое предубѣжденіе противъ дѣвушки, на которой его сынъ самовольно задумалъ жениться, радушно встрѣчаетъ бѣдную сироту, какъ только узнаетъ, что ея отецъ былъ повѣшенъ Пугачевымъ и всенародно обличалъ его въ самозванствѣ. Исповѣдуя культъ чести, какъ вѣрности служебному и сословному долгу, старый Гриневъ невольно и безсознательно привилъ этотъ культъ своему сыну и тѣмъ самымъ спасъ его отъ паденія и ошибокъ въ Бѣлогорской крѣпости и при столкновеніи съ Пугачевымъ. Молодой Гриневъ—плоть отъ плоти и кость отъ кости своего отца.

Различіе между ними сводится къ различію между отцами и дѣтьми, къ различію двухъ смежныхъ поколѣній. Между обоими Гриневыми много общаго, но Гриневъ-сынъ уже не носитъ отпечатка той суровости и простоты нравовъ, которыми отличается его отецъ. Онъ уже не приметъ какого-нибудь Бопре за человѣка, свѣдущаго во всѣхъ наукахъ. Гриневъ-отецъ съ великимъ трудомъ могъ написать дѣловое письмо, а его сынъ занимался литературой и оставилъ въ назиданіе потомству „семейныя записки“. У Петра Андреевича уже не было самовластныхъ привычекъ его отца. Вѣкъ Екатерины II наложилъ на него свой отпечатокъ и придалъ его нравственной физіономіи, въ связи съ воспитаніемъ и съ нѣкоторыми событіями жизни, тѣ особенности, которыя его отличаютъ отъ Гринева-отца. Отъ отца Петръ Андреевичъ унаслѣдовалъ и безсознательно перенялъ мужество, твердость, сознаніе долга, чувство чести и умѣнье повелѣвать. Но на немъ сказалось и вліяніе его доброй и нѣжной матери. Въ немъ нѣтъ ни дряблости, ни сентиментальности; но его характеръ гораздо мягче отцовскаго. Пушкинъ не описываетъ семейной жизни Петра Андреевича,—но кто и самъ не догадается, что она рѣзко отличалась отъ семейной жизни Андрея Петровича, что Гриневъ-сынъ уже

не такъ смотрѣлъ на жену, какъ Гриневъ-отецъ на Авдотью Васильевну, и Марья Ивановна, несмотря на свою кротость, пользовалась, какъ жена и мать, несравненно большимъ значеніемъ, чѣмъ старуха Гринева. Въ молодости Андрея Петровича былъ невозможенъ такой романъ, какой пережилъ его сынъ. Тѣ тонкія и сложныя чувства, которыя столь часто волновали душу Петра Андреевича, были непонятны его отцу. Молодой Гриневъ соединялъ въ себѣ хорошія качества своихъ родителей, и эти качества развивались въ немъ подъ вліяніемъ хотя и незатѣйливаго, но благопріятнаго для него домашняго быта, въ которомъ не послѣднюю роль играло вліяніе добродушнаго, безкорыстно преданнаго дядьки Савельича. Юноша, выросшій, подобно Гриневу, подъ яблонями, между скирдами и природой, въ гигіенически и нравственно здоровой атмосферѣ, не могъ не впитать въ себя съ самаго дѣтства много хорошаго. Ему не могъ повредить даже легкомысленный Бопре. Да вѣдь и Бопре, собственно говоря, несмотря на всѣ свои недостатки, былъ добрый малый.

Житейская школа, пройденная Петромъ Андреевичемъ въ началѣ его службы, какъ нельзя лучше способствовала развитію тѣхъ добрыхъ задатковъ, которые ему дала семья, выпустившая его въ свѣтъ неиспорченнымъ, крѣпкимъ и сильнымъ юношей.

Петръ Андреевичъ говоритъ о своихъ ученическихъ годахъ шутливымъ тономъ, какъ и подобаетъ человѣку, сдѣлавшемуся образованнымъ благодаря самому себѣ и прекрасно понимающему пробѣлы своего воспитанія. Петръ Андреевичъ отзывается о немъ безъ горечи, съ добродушнымъ юморомъ, ибо въ прежнія времена не онъ одинъ, а всѣ дворяне, за весьма немногими счастливыми исключеніями, учились если и не на мѣдныя деньги, то весьма немного. Было бы, однако, опрометчиво судить о томъ, что дала Гриневу семья, по первой главѣ его воспоминаній. Правда, онъ росъ дома недорослемъ, лазя по голубятнямъ и играя въ чехарду съ дворовыми мальчишками, но онъ вступалъ въ жизнь уже вовсе не такимъ невѣжественнымъ, какъ можно предполагать, принимая за чистую монету все, что онъ говоритъ о своемъ дѣтствѣ и отрочествѣ въ первой главѣ романа. Поступая на службу, онъ умѣлъ читать

и писать и настолько владѣлъ русскимъ языкомъ, что, безъ всякой посторонней помощи, могъ писать стихи.

Гриневъ зналъ не много, но онъ былъ уменъ и любознателенъ, воспріимчивъ и, познакомившись со Швабринымъ, пользуется запасомъ его французскихъ книгъ, съ жадностью читаетъ и перечитываетъ ихъ, а затѣмъ и самъ начинаетъ пробовать свои силы по части переводовъ и сочинительства. Писательскій недугъ былъ свойственъ нашимъ самоучкамъ прошлаго столѣтія, и Гриневъ занималъ между ними не послѣднее мѣсто; не даромъ его стихи удостоивались похвалъ самого Сумарокова: для своего времени они были, дѣйствительно, недурны.

Молодой Гриневъ всею своею жизнью доказалъ, что онъ усвоилъ себѣ основное правило отцовской морали: „береги честь смолоду“. Въ его жизни были промахи и увлеченія, но не было поступковъ, за которые ему приходилось бы краснѣть на старости лѣтъ и въ которыхъ ему тяжело было бы впослѣдствіи сознаться. Онъ строго осуждаетъ свое поведеніе въ симбирскомъ трактирѣ, гдѣ онъ держалъ себя, какъ мальчишка, вырвавшійся на волю. Но если принять во вниманіе, что ему не было въ то время и семнадцати лѣтъ и что встрѣча съ Зуринымъ была дебютомъ его самостоятельности на житейскомъ поприщѣ. то нужно быть уже черезчуръ суровымъ ригористомъ, чтобы усмотрѣть въ проигрышѣ и попойкѣ пылкаго юноши что-нибудь особенно предосудительное. Такіе случаи бывали со всѣми, не исключая самыхъ выдающихся людей. Но уже въ симбирскомъ трактирѣ сказались три хорошія основныя черты характера Гринева: его умѣнье жить своимъ умомъ, его доброта и его благородство. Проигравъ значительную для себя сумму Зурину и прекрасно понимая, что Зуринъ игралъ не совсѣмъ чисто, Гриневъ немедленно расплачивается съ нимъ и съ негодованіемъ отвергаетъ наивное предложеніе Савельича ускользнуть куда-нибудь отъ денежнаго расчета. Когда Савельичъ отказывается выдать сто рублей, Гриневъ рѣшительно и круто обрываетъ его и разъ навсегда опредѣляетъ свои отношенія къ дядькѣ, какъ отношенія господина къ слугѣ. Онъ дѣлаетъ это, однако, не безъ внутренней борьбы, ибо искренно любитъ Савельича. Вотъ побужденія, въ силу которыхъ Петръ Андреевичъ заговорилъ съ Савельичемъ

строгимъ и властнымъ тономъ, и, нужно отдать ему справедливость, онъ употреблялъ этотъ тонъ лишь тогда, когда простодушный дядька предлагалъ ему нѣчто, дѣйствительно, несообразное. Савельичъ бывалъ въ такихъ случаяхъ правъ съ своей точки зрѣнія,—съ точки зрѣнія сохраненія барскаго добра и барской шеи,—но Гриневъ тоже былъ правъ, ибо его представленія о чести были совсѣмъ иныя, чѣмъ у Савельича. Поставивъ на своемъ, Гриневъ сознаетъ, однако, что поступилъ въ Симбирскѣ дурно и „выѣхалъ изъ него съ безпокойною совѣстью и безмолвнымъ раскаяніемъ". Онъ чувствуетъ себя виноватымъ передъ Савельичемъ и, послѣ нѣкотораго колебанія, проситъ у него прощенія. Въ этомъ, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, Петръ Андреевичъ остался вѣренъ привязанности къ Савельичу и желанію сохранить за собою самостоятельность, и можно только удивляться тому такту, съ какимъ юный Гриневъ велъ себя со своимъ дядькой: и въ Симбирскѣ, и на постояломъ дворѣ при столкновеніи изъ-за заячьяго тулупа, и впослѣдствіи онъ умѣлъ держать Савельича въ должномъ повиновеніи, не нарушая въ своихъ отношеніяхъ къ нему ни того довѣрія, ни той искренности, съ которыми онъ относился къ нему съ самаго дѣтства. Савельичъ былъ добрымъ слугой своего господина, и его господинъ передъ нимъ не оставался въ долгу. Вспомнимъ хотя бы ту сцену, въ которой онъ проситъ своего дядьку отвезти Марью Ивановну въ деревню къ старикамъ Гриневымъ.

— Другъ ты мой, Архипъ Савельевичъ! Не откажи, будь мнѣ благодѣтелемъ; въ прислугѣ я нуждаться не стану, а не буду спокоенъ, если Марья Ивановна поѣдетъ дорогой безъ тебя.

Вотъ какимъ языкомъ говорилъ Гриневъ со своимъ дядькой въ самыя важныя минуты своей жизни!

Въ Бѣлогорской крѣпости молодой Гриневъ сталкивается со Швабринымъ и, несмотря на то, что Швабринъ и старше, и гораздо опытнѣе, держитъ себя съ нимъ, какъ равный съ равнымъ. Недостатокъ жизненнаго опыта повелъ къ тому, что Гриневъ не понялъ Швабрина сразу и обращался съ нимъ такъ же довѣрчиво, какъ со всѣми другими. Только съ теченіемъ времени онъ сталъ смутно догадываться, что Швабринъ дурной человѣкъ и что отъ него слѣдовало бы

стоять подальше. Несмотря на то, онъ продолжалъ откровенничать съ нимъ и нежданно-негаданно нарвался на дерзкую выходку, оскорбительную для любимой дѣвушки. Дуэль со Швабринымъ впервые показываетъ намъ Гринева, какъ мужественнаго и рыцарски-благороднаго юношу. Дуэль была, конечно, важнымъ событіемъ въ жизни Гринева, но и она не раскрыла ему глазъ на Швабрина, хотя Марья Ивановна дала ему понять, что выходка Швабрина была не только грубою, непристойною насмѣшкой, но и низкою обдуманною клеветой. Когда Гриневъ оправился отъ раны и когда къ нему явился Швабринъ со своими извиненіями, онъ искренно простилъ его, объясняя себѣ его клевету досадой оскорбленнаго самолюбія и отвергнутой любви. Онъ окончательно отшатнулся отъ Швабрина только тогда, когда убѣдился, что Швабринъ написалъ на него доносъ отцу. Отношенія Гринева къ Швабрину обрисовываютъ Петра Андреевича, какъ не особенно проницательнаго, неопытнаго, но прямого, искренняго, довѣрчиваго, смѣлаго и незлопамятнаго юношу, способнаго на месть въ минуты гнѣва и всегда готоваго проявить великодушіе по отношенію къ наказанному врагу. Той чуткости сердца, которою отличается Марья Ивановна и которая помогала ей инстинктомъ отгадывать людей, у него не было. Столкновеніе со Швабринымъ было для него своего рода школой пониманія людей. Понявъ Швабрина, Гриневъ попрежнему относился къ нему порыцарски. Описывая свой отъѣздъ изъ Бѣлогорской крѣпости вмѣстѣ съ Марьей Ивановной, вырванной изъ рукъ Швабрина, Гриневъ говоритъ: „У окошка комендантскаго дома я видѣлъ стоящаго Швабрина. Лицо его изображало мрачную злобу. Я не хотѣлъ торжествовать надъ уничтоженнымъ врагомъ и обратилъ глаза въ сторону“. Эта черта даетъ ясное понятіе о благородномъ сердцѣ Гринева, никогда и ни при какихъ условіяхъ не утрачивавшаго чувства утонченнаго великодушія.

Любовь къ Марьѣ Ивановнѣ и знакомство съ добрымъ и почтеннымъ семействомъ капитана Миронова имѣли на Гринева самое благотворное вліяніе. Въ его натурѣ не было такой глубины, какою отличалась натура его невѣсты. Марья Ивановна была дальновиднѣе его и имѣла надъ нимъ всѣ преимущества ума и характера. Гриневъ былъ во всѣхъ

отношеніяхъ ниже Марьи Ивановны, но онъ умѣлъ цѣнить и понимать ее и въ полномъ смыслѣ слова завоевалъ свое счастье съ нею. Она предпочла его богатому и родовитому Швабрину не за одну наружность и не по капризу, а сознательно и по весьма вѣскимъ соображеніямъ. Марью Ивановну привлекали въ Гриневѣ его мужество, его душевная чистота и непосредственность, его отзывчивость на все хорошее, его отвращеніе къ окольнымъ путямъ.

Искренность, смѣлость, великодушіе и чувство чести составляютъ основныя черты характера Гринева. Они спасали его отъ паденія и дѣлали его достойнымъ сыномъ стараго Гринева. Гриневъ не разъ обнаруживалъ способность отстаивать свои убѣжденія даже до смерти. Только благодаря счастливой случайности, Гриневъ не взлетѣлъ на висѣлицу, вмѣстѣ съ капитаномъ Мироновымъ и Иваномъ Игнатьевичемъ, но онъ умѣлъ смотрѣть въ глаза смерти съ безтрепетнымъ мужествомъ. „Очередь была за мною, разсказываетъ онъ о первой встрѣчѣ съ самозванцемъ въ Бѣлогорской крѣпости,—я глядѣлъ смѣло на Пугачева, готовясь повторить отвѣтъ великодушныхъ моихъ товарищей... „Вѣшать его“, сказалъ Пугачевъ, не взглянувши на меня. Я сталъ читать про себя молитвы, принося Богу искреннее раскаяніе во всѣхъ моихъ прегрѣшеніяхъ и моля его о спасеніи всѣхъ близкихъ моему сердцу“. Гриневъ, чуждый всякой аффектаціи и желанія рисоваться, съ такою же простотой повѣствуетъ о своемъ душевномъ настроеніи послѣ неожиданнаго избавленія отъ смерти, какъ и о томъ, какъ онъ готовился къ ней. „Пугачевъ далъ знакъ, и меня тотчасъ развязали и оставили... Въ эту минуту не могу сказать, чтобы я обрадовался своему спасенію. Не скажу, однакожъ, чтобы я о немъ сожалѣлъ“. Такою же искренностью и простотой дышетъ разсказъ Гринева о его бесѣдѣ съ Пугачевымъ послѣ оргіи самозванца, свидѣтелемъ которой ему пришлось быть.

Въ первыхъ двухъ главахъ „Капитанской дочки“ мы видимъ молодого Гринева сначала подросткомъ, а затѣмъ юношей, умѣвшимъ доказать дядькѣ, что онъ уже не ребенокъ. Въ дальнѣйшихъ главахъ романа поэтъ показываетъ намъ, какъ развивается и крѣпнетъ характеръ этого юноши подъ вліяніемъ людей, съ которыми столкнула его судьба,

подъ вліяніемъ любви и грозныхъ событій пугачевщины. Между шестнадцатилѣтнимъ Гриневымъ, который посматривалъ, облизываясь, какъ его мать снимала пѣнки съ медоваго варенья, и восемнадцатилѣтнимъ Петромъ Андреевичемъ, „впервые вкусившимъ сладость молитвы, изліянной изъ чистаго, но растерзаннаго сердца“ въ казанской тюрьмѣ,— цѣлая бездна. Онъ, если такъ можно выразиться, растетъ и развивается на глазахъ читателя „Капитанской дочки“, превращаясь въ теченіе двухъ лѣтъ изъ зеленаго подростка въ зрѣлаго молодого человѣка. И не удивительно: въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ Гриневъ переживаетъ столько, сколько другіе не переживаютъ въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій. Столкновенія съ такими противоположными людьми, какъ Мироновы, съ одной стороны, а Пугачевъ и Швабринъ—съ другой, романъ съ Марьей Ивановной, дуэль, тяжкая болѣзнь, чтеніе, зрѣлища мятежа и тѣхъ страшныхъ, но вмѣстѣ облагораживающихъ впечатлѣній, которыми оно сопровождалось (вспомнимъ казнь Ивана Кузьмича и Ивана Игнатьевича), судъ и тюрьма—все это не могло не оказать на впечатлительнаго юношу большого вліянія и не имѣть для него воспитательнаго значенія.

Нравственный обликъ Гринева дорисовывается общимъ тономъ его *семейственныхъ записокъ*, ихъ спокойнымъ, трезвымъ отношеніемъ къ людямъ и событіямъ, ихъ добродушнымъ юморомъ, ихъ свѣтлымъ и примиряющимъ взглядомъ на жизнь. Пушкинъ, видимо, хотѣлъ, чтобы между строкъ романа виднѣлся привлекательный образъ бывалаго, умнаго и честнаго старика, много видѣвшаго и испытавшаго на своемъ вѣку и не безъ гордости и удовольствія разсказывающаго въ часы досуга о своемъ прошломъ дѣтямъ и внукамъ. „Капитанская дочка“ знакомитъ насъ подробно съ молодостью Гринева, она же даетъ намъ понятіе объ его покойной и счастливой старости.

Пушкинъ нигдѣ не прикрашиваетъ Гринева. Ставя его лицомъ къ лицу съ Пугачевымъ, онъ не плѣнился возможностью сдѣлать изъ него Шарлоту Корде, въ родѣ Парани изъ „Пугачевцевъ“ графа Саліаса, прекрасно понимая, что этого нельзя было сдѣлать, не впадая въ фальшь. Пушкинъ вывелъ въ лицѣ Гринева одного изъ русскихъ людей второй половины прошлаго вѣка. Такіе люди, какъ Петръ Ан-

дреевичъ, тогда бывали и могли быть. Поэтъ нимало не думалъ о томъ, чтобы ставить своего героя въ красивыя позы и заставлять его продѣлывать чудеса храбрости. Въ „Капитанской дочкѣ“ выходитъ постоянно такъ, что Гриневъ, несмотря на свое мужество и готовность къ самопожертвованію, иногда кажется (но только кажется) какъ бы пассивнымъ лицомъ, котораго спасаютъ то Савельичъ, то Пугачевъ, то Марья Ивановна. Гриневъ скороталъ свой вѣкъ въ своемъ родовомъ имѣніи и, подобно отцу, не сдѣлалъ блестящей карьеры. Ненасытное честолюбіе и жажда власти были ему совершенно чужды, и онъ остался въ тѣни. Къ тому же онъ былъ слишкомъ совѣстливъ, чтобы пролагать дорогу къ почестямъ, не брезгая никакими средствами. Онъ не уронилъ бы себя ни на какомъ посту, но онъ не былъ человѣкомъ призванія, увлекающаго своихъ избранниковъ къ предназначенному для нихъ жребію, и могъ вполнѣ удовлетвориться тою скромною сферою дѣятельности помѣщика и семьянина, которая выпала на его долю. Не трудно догадаться, что онъ толково управлялъ своими крестьянами и былъ образцовымъ въ своемъ родѣ мужемъ и отцомъ, посвящая свои досуги, подобно Болотову, литературнымъ занятіямъ, къ которымъ онъ пристрастился еще въ Бѣлогорской крѣпости.

*Черняевъ.*

---

## Женскіе типы Пушкина.

(Ольга Ларина. — Старуха Ларина. — Донна Анна де Сильва. — Черкешенка.—Дочь мельника. — Ксенія. — Марія Кочубей. — Лаура. — Марина Мнишекъ.—Капитанская дочь.—Татьяна Ларина.—Василиса Егоровна.—Авдотья Васильевна.—Няня Татьяны).

Внутренній міръ женщины гораздо сложнѣе внутренняго міра мужчины. Мужчины живутъ болѣе умомъ, чѣмъ чувствомъ. Женщины обладаютъ болѣе тонкой душевной организаціей. Онѣ способны къ болѣе глубокому чувству, причемъ это чувство выливается въ безконечно разнообразныя и своеобразныя формы. Женщины отличаются большей чуткостью къ чужому чувству, большей отзывчивостью и сердечностью, чѣмъ мужчины. Если прибавить къ этому,

что женщины поэтичнѣе и мягче мужчинъ, болѣе скрытны и стыдливо прячутъ свою внутреннюю жизнь отъ посторонняго наблюденія, то станетъ вполнѣ понятнымъ, почему такъ трудно разгадать женщину.

Для того, чтобы заглянуть во внутренній міръ женщины, надо обладать нѣжной поэтической душой, мягкимъ сердцемъ и недюжинной наблюдательностью. Женскіе типы удаются только очень великимъ писателямъ. Даже Гоголь вывелъ въ своихъ произведеніяхъ только неглубокія женскія натуры. Ему пришлось наблюдать такихъ женщинъ, предъ величіемъ которыхъ онъ преклонялся, но онъ чувствовалъ себя не въ силахъ воплотить ихъ въ художественномъ образѣ, вполнѣ справедливо считая, что для того, чтобы вѣрно изобразить свѣтлый типъ, надо подняться на высоту этого типа. Только Пушкинъ, своимъ вдохновеннымъ взоромъ проникавшій каждое явленіе, добираясь до его сути, могъ понять настоящую женщину. Въ своихъ произведеніяхъ онъ нарисовалъ цѣлую галлерею выпуклыхъ женскихъ типовъ, составляющихъ украшеніе русской литературы.

Въ этой галлереѣ женскихъ типовъ съ особенной силой проявляется замѣчательная всесторонность таланта Пушкина. Эти типы нельзя подвести подъ одну рубрику. Пушкинъ подмѣтилъ и воплотилъ самые типическіе женскіе характеры, отъ односторонніхъ натуръ до самыхъ многостороннихъ, такъ что можно, пожалуй, сказать, что женскіе типы Пушкина характеризуютъ собой почти всю прекрасную половину человѣческаго рода.

Пушкинъ предпочиталъ, однако, глубокіе типы. Рисовать поверхностно женщинъ онъ не любилъ. Это, во-первыхъ, слишкомъ легко, а, во-вторыхъ, всѣ глупые романы изобилуютъ подобными типами.

У Пушкина мы находимъ всего два типа пустой, легкомысленной женщины. Первый — Ольга Ларина въ романѣ „Евгеній Онѣгинъ“. Ольга хороша, какъ куколка, но ея красота шаблонна и лишена всякой оригинальности. Черты ея лица не одухотворены ни умомъ, ни чувствомъ. Въ ея голубыхъ глазахъ нѣтъ внутренней красоты. Ея маленькая головка неспособна мыслить. У Ольги нѣтъ ни своихъ мыслей, ни своихъ желаній. Въ ея умѣ никогда не возникнетъ вопроса, который заставилъ бы ее задуматься. Она

смотритъ на все окружающее равнодушно, словно ей все понятно. Она живетъ такъ, какъ ей приказываетъ мать.

Всегда скромна, всегда послушна,

и поэтому

Всегда, какъ утро, весела.

Она любитъ ухаживанія и комплименты, не разбирая, сколько правды въ нихъ. Когда Онѣгинъ, въ отместку Ленскому, пріударилъ за Ольгой,—одинъ пошлый мадригалъ, притворная нѣжность и пожатіе руки вскружили Ольгѣ головку. Она не могла цѣнить серьезнаго человѣка, ей было безразлично, кто будетъ ея мужемъ, лишь бы онъ ее лелѣялъ. Послѣ смерти Ленскаго, обладавшаго большимъ, многообѣщающимъ поэтическимъ даромъ, она скоро утѣшилась и вышла замужъ за блестящаго улана.

Ольга является точной копіей своей матери. Старуха Ларина въ молодости была пустой, легкомысленной барышней, благоговѣла предъ героями англійскихъ романовъ, о которыхъ разсказывала ей кузина.

Бывало, писывала кровью
Она въ альбомы нѣжныхъ дѣвъ,
Звала Полиною Прасковью
И говорила нараспѣвъ;
Корсетъ носила очень узкій,
И русскій Н, какъ N французскій,
Произносить умѣла въ носъ...

Выйдя замужъ за провинціальнаго помѣщика, она потосковала, но скоро примирилась со своей судьбою, занялась хозяйствомъ и сдѣлалась самой прозаической и самой практической женщиной.

Корсетъ, альбомъ, княжну Полину,
Стишковъ чувствительныхъ тетрадь
Она забыла—стала звать
Акулькой прежнюю Селину
И обновила, наконецъ,
На ватѣ шлафоръ и чепецъ...

Близко къ Ольгѣ подходитъ Донна Анна де Сильва изъ трагедіи „Каменный гость“. Это недалекая, слабохарактерная женщина, безъ собственной воли, легко подпадающая подъ вліяніе энергичнаго мужчины. Она строго придерживается свѣтскихъ приличій. Выйдя замужъ безъ любви, она тѣмъ не менѣе ежедневно посѣщаетъ гробницу мужа,

смерть котораго ее очень мало опечалила. По долгу чести (ея собственное выраженіе) она ненавидитъ его убійцу. Но поклоненіе Донъ-Жуана сразу смягчаетъ ее. Она сознаетъ, что „вдова должна и гробу быть вѣрна“. Но два-три комплимента Донъ-Жуана сразу плѣняютъ ея сердце. Она сейчасъ же назначаетъ Донъ-Жуану свиданіе. Донъ-Жуанъ очень смѣлъ, говоритъ горячо и пылко, но въ его словахъ, конечно, нѣтъ ни тѣни правды. Однако, Донна-Анна принимаетъ все за чистую монету и уже на первомъ свиданіи награждаетъ Донъ-Жуана поцѣлуемъ. Такое энергичное вступленіе обѣщало не менѣе энергичное продолженіе.

Особенно охотно Пушкинъ останавливался надъ типами, воплощавшими все лучшее, что есть въ женской натурѣ. Галлерея этихъ типовъ открывается черкешенкой въ поэмѣ „Кавказскій плѣнникъ“, дочерью мельника въ драмѣ „Русалка“ и Ксеніей въ трагедіи „Борисъ Годуновъ“.

Эти три дѣвушки проникнуты замѣчательной поэзіей и возбуждаютъ удивленіе читателя предъ ихъ милой женственностью. Черкешенка, дочь мельника и Ксенія цѣликомъ сотканы изъ чувства. Въ ихъ душѣ нѣтъ мѣста холодной разсудочности, безпощадному *рефлексу*. Онѣ дѣйствуютъ подъ вліяніемъ непосредственнаго чувства, которому отдаются всѣмъ своимъ существомъ. Потерявъ своего жениха, Ксенія не перестаетъ тосковать. Она не разстается съ портретомъ покойнаго, цѣлуетъ его, обливаетъ слезами. Ея жалобы дышатъ трогательной, чисто-дѣвичьей грустью. Чувствуется изъ словъ Ксеніи, что вся ея душа плачетъ. Ксенія—простая дѣвушка. Въ ней нѣтъ ничего оригинальнаго. Но она рождена для того, чтобы осчастливить другого. Полюбить—значило для нея всю себя отдать любимому существу. Ея любовь способна дойти до самопожертвованія.

Въ этой способности къ глубокому чувству заключается высокая красота.

Еще сильнѣе развита эта способность въ дочери мельника.

Для послѣдней любовь и жизнь являются синонимами. Полюбивъ, она уже не можетъ разлюбить. Ее любовь доходитъ до высшаго, возможнаго напряженія. Она не думаетъ столько о своемъ счастіи, сколько о счастіи любимаго человѣка. Она старается во всемъ угодить князю. Когда онъ говоритъ ей, что его тяготитъ какое-то горе, она умоляетъ

его открыть свою тайну, говоря, что ей „больно не грустить одной грустью“. Его приказанія для нея законъ:

„Тайну мнѣ повѣдай“,

проситъ она:

„Позволишь, буду плакать, не позволишь —
„Ни слезкой я тебѣ не досажу“.

Несмотря на различіе въ имущественномъ положеніи молодыхъ людей, дочь мельника любитъ князя вполнѣ безкорыстно. Изъ всего ея поведенія видно, что она за все время знакомства съ княземъ не просила у него ни одного подарка. Отецъ довольно откровенно высказываетъ ей, что она должна пользоваться своимъ положеніемъ, но она не обращаетъ вниманія на его слова. Въ разлукѣ съ княземъ она сама не своя. Разныя черныя мысли лѣзутъ ей въ голову, она боится за князя. Женитьба князя производитъ на нее страшное впечатлѣніе. Нечего говорить, что этого удара не могутъ смягчить подарки князя. Мысль, что князь думалъ отдѣлаться отъ нея деньгами, оскорбляетъ дѣвушку. Для нея жизнь потеряла всякую цѣль, и она бросается въ Днѣпръ.

Черкешенка долго не могла полюбить. Она слыла въ своемъ аулѣ неприступной красавицей. Многіе джигиты тщетно добивались ея руки. Но подъ неприступной наружностью черкешенки скрывалось золотое сердце, созданное для самой пылкой любви. Оно заговорило при первомъ удобномъ случаѣ. Черкешенка полюбила плѣннаго русскаго офицера. Ея любовь поражаетъ читателя своей глубиной, силой и свѣжестью. Характерно, что чувство къ плѣннику зародилось въ ней въ формѣ жалости. Ее поразилъ жалкій видъ плѣнника, его несчастье. Она принесла ему хлѣба и чихиря. Чувство состраданія постепенно перешло у нея въ любовь. Любовь, вызываемая не минутнымъ увлеченіемъ, не физической красотой, а тѣмъ прекраснымъ и въ высшей степени гуманнымъ чувствомъ, какимъ является соболѣзнованіе чужому горю, отличается особеннымъ постоянствомъ и особенной силой. Черкешенка любитъ плѣнника до самозабвенія, до самопожертвованія. Отецъ и братъ хотятъ ее продать въ чужой аулъ немилому, но черкешенка убѣждена, что не сумѣетъ перенести разлуки, и твердо рѣшила, или умолить отца, или лишить себя жизни. Когда она узнаетъ,

что плѣнникъ не можетъ ее полюбить, такъ какъ любитъ другую, въ ней не просыпается и тѣни ревности. Ея горе не знаетъ предѣловъ. Она страдаетъ неимовѣрно, такъ какъ на свое несчастье всей душой привязалась къ недостойному плѣннику, который принималъ ласки черкешенки, не будучи въ состояніи ее полюбить, и открылъ ей глаза только тогда, когда уже не было возврата. Личное несчастіе дѣлаетъ ее чуткой къ чужому страданію. Она понимаетъ, что́ долженъ чувствовать плѣнникъ въ разлукѣ съ красавицей, плѣнившей его сердце. Дорожа счастіемъ плѣнника больше чѣмъ своимъ, она рѣшила освободить его изъ плѣна и отослала его на сѣверъ:

„Найди ее, люби ее!“

Этими словами она напутствуетъ плѣнника.

Сознаніе совершеннаго подвига наполняетъ ея душу особымъ сладкимъ чувствомъ, которое, однако, не можетъ заглушить ея страшныхъ мукъ.

„О чемъ же я еще тоскую,
О чемъ унынiе мое?“—

спрашиваетъ она самое себя. Когда плѣнникъ предлагаетъ ей бѣжать съ нимъ, она отказывается, понимая, что это только порывъ благодарности. Затѣмъ бросается въ воду, не чувствуя себя въ силахъ перенесть свое несчастіе.

Образы Ксеніи, дочери мельника, черкешенки трогаютъ читателя своей нѣжной привлекательностью, своей хрупкой женственностью и силой своего чувства. Но въ то же время читатель долженъ сознаться, что натура этихъ трехъ дѣвушекъ слишкомъ односторонняя, вполнѣ понятное явленіе при ихъ низкомъ умственномъ уровнѣ. Въ жизни этихъ трехъ дѣвушекъ нѣтъ другихъ интересовъ, кромѣ любви. Онѣ живутъ цѣликомъ въ области чувства. Любятъ онѣ главнымъ образомъ *по физической потребности*, причемъ привлекаетъ ихъ физическая красота. Только черкешенка полюбила плѣнника изъ чувства состраданія.

Гораздо интереснѣе образъ Маріи, созданный Пушкинымъ въ поэмѣ „Полтава“. Красота Маріи не поддается описанію. Пушкинъ приходитъ въ лирическій восторгъ, когда говоритъ о ней. При своей необыкновенной красотѣ, Марія очень скромна, ея скромность прославилась на всю

Украйну. Но эта скромность обманчива. Марія жила богатой внутренней жизнью. У нея было пылкое романтическое воображеніе, съ которымъ соединялась замѣчательная сила характера. Марія могла полюбить только человѣка выдающагося. Физическая красота въ ея глазахъ не играла большой роли. Она полюбила сѣдого старика, и полюбила его за сильный характеръ, за бурную судьбу, за умъ, за разговоръ, блещущій остроуміемъ, за юношескій жаръ. Ей импонировало могущество Мазепы, тотъ почетъ, которымъ его окружали, то вліяніе, которое онъ имѣлъ на окружающихъ людей. Она не задумалась связать съ нимъ свою судьбу. Когда родители отказали сватамъ, посланнымъ Мазепой, она бѣжала къ своему возлюбленному. Ея не пугалъ позоръ. Любовь побѣдила въ ней ту скромность, которой она славилась, побѣдила дѣвичью стыдливость. Она считала, что счастье совмѣстной жизни съ великимъ человѣкомъ достойно и великой жертвы.

Но любовь къ Мазепѣ жила въ ней только до тѣхъ поръ, пока Мазепа не убилъ ея отца. Смерть отца произвела на Марію сильное впечатлѣніе, хотя она на настойчивый вопросъ Мазепы и отвѣтила, что готова для него пожертвовать отцомъ;—но она тогда не подозрѣвала, какъ близка эта жертва. Въ противномъ случаѣ, можно съ увѣренностью сказать, она дала бы Мазепѣ отрицательный отвѣтъ. Узнавъ о смерти отца, Марія сошла съ ума. Ее придавили два факта: фактъ насильственной смерти отца и тотъ фактъ, что убійцей отца явился ея любовникъ. Она не совсѣмъ разгадала Мазепу. Она не знала:

Что онъ не вѣдаетъ святыни,
Что онъ не помнитъ благостыни,
Что онъ не любитъ ничего,
Что кровь готовъ онъ лить какъ воду,
Что презираетъ онъ свободу,
Что нѣтъ отчизны для него.

Она считала его благороднымъ человѣкомъ, она не думала, чтобы онъ могъ пасть такъ низко, чтобы онъ могъ не пощадить отца своей любовницы. Мысль, что она обманулась, мысль, что держа ее въ своихъ объятьяхъ, Мазепа думалъ о казни ея отца, ужасомъ поразила Марію. Встрѣтивъ въ безумномъ видѣ Мазепу, Марія въ началѣ было

узнала его, но потомъ рѣшила, что это не онъ. Ее преслѣдовала мысль о его подлости.

„Я принимала за другого
„Тебя, старикъ,

говоритъ она:

„Твой взоръ насмѣшливъ и ужасенъ,
„Ты безсердеченъ—онъ прекрасенъ;
„*Въ его глазахъ блеститъ любовь,*
„Въ его рѣчахъ такая нѣга!
„Его усы бѣлѣе снѣга,
„А на твоихъ засохла кровь".

Лаура въ „Каменномъ гостѣ" нѣсколько напоминаетъ Марію. Лаура очень живая, бойкая дѣвушка, энергичная, смѣлая и горячая. Она пикантнѣе Маріи, и это объясняется ея воспитаніемъ, ея общественнымъ положеніемъ. Какъ пѣвица, она ведетъ вольную жизнь, она окружена мужчинами и мѣняетъ любовниковъ, какъ перчатки. Ея любовь игривѣе, но не такъ сентиментальна, какъ любовь Маріи. Тѣмъ не менѣе она способна къ глубокому чувству. Она любитъ Донъ-Жуана, и даже разлука не можетъ охладить ея любви. Она особенно охотно исполняетъ пѣсню, сочиненную ея возлюбленнымъ, и вкладываетъ въ свое пѣнье столько чувства, сколько не вкладываетъ ни въ одну другую пѣснь. Донъ-Карлосъ нравится ей только потому, что напоминаетъ Донъ-Жуана. А Донъ-Жуана она полюбила за его сильный характеръ, за смѣлость, за энергію. Лаура беззаботна, не любитъ заглядывать въ будущее, любитъ минуту наслажденія, но при всей ея женственности она обладаетъ сильнымъ характеромъ. Но эта сила совсѣмъ другая, чѣмъ сила Маріи. Марія способна пойти наперекоръ всѣмъ предразсудкамъ, послѣдовать за влеченіемъ своего сердца.

Сила характера Лауры заключается въ томъ, что она *способна на преступленіе.* Когда Донъ-Карлосъ обзываетъ ее дурой, она готова приказать его зарѣзать. Въ ея жилахъ течетъ кровь чистой испанки. Она способна безтрепетно видѣть кровь. Убійство Донъ-Карлоса не производитъ на нее никакого впечатлѣнія. Ее безпокоитъ только, какъ Донъ-Жуанъ скроетъ трупъ.

Отъ этихъ, полныхъ женственной прелести, типовъ перейдемъ къ типамъ, въ которыхъ менѣе развита эта способ-

ность любить, и въ характерѣ которыхъ доминирующую роль играютъ другія черты, другія чувства. Яркій типъ женщины, ищущей не любви, а блестящаго положенія, во всѣхъ поступкахъ руководствующейся разсудочными соображеніями, данъ Пушкинымъ въ трагедіи „Борисъ Годуновъ“, въ типѣ Марины Мнишекъ.

Марина Мнишекъ выдающаяся красавица, всѣ мужчины съ перваго взгляда влюбляются въ нее. Но подъ чудной женственной наружностью въ ней скрывается желѣзный мужской характеръ. Марина обладаетъ недюжиннымъ умомъ зрѣлаго и опытнаго мужчины. Ея здравый, ясный умъ съ особенной силой проявляется въ бесѣдѣ съ Самозванцемъ. Она лучше Самозванца видитъ ту опасность, которая ему угрожаетъ. Она понимаетъ, что успѣхъ Самозванца зависитъ отъ быстроты дѣйствій, что каждое замедленіе можетъ ему дорого стоить. Рѣчь Марины дышетъ остроуміемъ, которое минутами доходитъ до язвительнаго сарказма. Такова ея насмѣшка надъ Григоріемъ, когда она узнаетъ, что онъ Самозванецъ. Марина издѣвается надъ Самозванцемъ, насмѣхается надъ его довѣрчивостью, высказываетъ удивленіе, какъ онъ не открылся предъ ея отцомъ изъ дружбы, передъ королемъ отъ радости.

„Или еще предъ паномъ Вишневецкимъ
„Изъ вѣрнаго усердія слуги“.

Когда Григорій клянется, что никому своей тайны не откроетъ, Марина издѣвается надъ его клятвой, и ея слова пропитаны ядомъ змѣи.

„Клянешься, Ты! Итакъ, должна я вѣрить.
„О, вѣрю я! но чѣмъ, нельзя ль узнать,
„Клянешься, ты? Не именемъ ли Бога,
„Какъ набожный пріемышъ іезуитовъ?
„Иль честію, какъ витязь благородный,
„Иль, можетъ быть, единымъ царскимъ словомъ,
„Какъ царскій сынъ? Не такъ ли! Говори.“

Уму Марины не уступаетъ ея хитрость. Марина хитра, какъ дипломатъ. Какъ ловко она вывѣдываетъ у Григорія его тайну! Она высказываетъ свои взгляды на отношенія жены къ мужу. Она заявляетъ Григорію, что сознаетъ свое человѣческое достоинство, что хочетъ быть не рабой мужа, а его товарищемъ, его другомъ:

„Я рѣшилась
„Съ твоей судьбой, и бурной, и невѣрной,
„Соединить судьбу мою; то въ правѣ
„Я требовать, Димитрій, одного:
„Я требую, чтобъ ты души своей
„Мнѣ тайныя открылъ теперь надежды,
„Намѣренья и даже опасенья;
„Чтобъ объ руку съ тобой могла я смѣло
„Пуститься въ жизнь—не съ дѣтской слѣпотой,
„Не какъ раба желаній легкихъ мужа.
„Наложница безмолвная твоя,
„Но какъ тебя достойная супруга,
„Помощница московскаго царя".

Мотивъ прекрасный. Она-де не изъ женскаго любопытства хочетъ вывѣдать у Григорія его тайну, а для того, чтобы раздѣлить съ нимъ радость и горе.

Марина чужда всякой сентиментальности, *даже больше:* ей какъ будто недоступно понятіе „любовь". Она не способна любить. Она выйдетъ замужъ только по разсчету. Эта прозаическая практичность въ дѣвушкѣ, поэтически красивой, даже непріятно поражаетъ читателя.

Главнымъ двигателемъ жизни Марины, главнымъ мотивомъ ея дѣвичьихъ грезъ является *честолюбіе.* Она знаетъ себѣ цѣну, сознаетъ свою красоту и намѣрена продать себя за дорогую цѣну. Графская или княжеская корона не можетъ ее удовлетворить. Она мечтаетъ о *царской.* Въ ней нѣтъ и тѣни любви къ Самозванцу, но она отдаетъ ему свою руку, она продаетъ себя за титулъ московской царицы. Ея объясненіе съ Самозванцемъ напоминаетъ торговую сдѣлку. Она не хочетъ слышать рѣчей любви. Она вѣритъ, что ее можно любить, она обѣщаетъ быть женой Самозванца только тогда, когда онъ взойдетъ на престолъ.

Въ этой практичности молодой дѣвушки уже отражается убогость ея нравственныхъ понятій. И дѣйствительно, въ Маринѣ при всей ея красотѣ, при всемъ ея умѣ нѣтъ нравственнаго благородства. Напримѣръ, она не можетъ понять того глубокаго и возвышеннаго чувства, которое руководитъ Самозванцемъ, когда онъ ей открывается. Самозванецъ считаетъ своимъ долгомъ открыться избранницѣ своего сердца. Онъ хочетъ, чтобы она его любила такимъ, какъ онъ есть. Самозванецъ готовъ отказаться отъ престола, онъ готовъ жить въ бѣдности со своей возлюбленной. Холодная, разсу-

дочная Марина видитъ въ этомъ безуміе влюбленнаго юноши.

Наконецъ, въ произведеніяхъ Пушкина мы находимъ два типа высшей красоты, въ которыхъ гармонично развиты всѣ духовныя силы. Это Татьяна Ларина въ романѣ „Евгеній Онѣгинъ“ и Марья Ивановна въ повѣсти „Капитанская дочка“. Обѣ эти дѣвушки воплощаютъ въ себѣ идеалъ русской женщины. Татьяна Ларина получила модное, французское воспитаніе. Но оно не успѣло ее испортить. Подъ вліяніемъ русской няни, прекрасно знавшей народную поэзію, Татьяна не только сохранила связь съ народной почвой, но прониклась народнымъ духомъ и усвоила народное міровоззрѣніе.

Татьяна стояла несравненно выше всей окружающей среды. Еще въ дѣтствѣ она инстинктивно чувствовала отсутствіе общности даже со своими родителями. Въ то время, какъ всѣ окружающіе жили мелкой растительной жизнью, Татьяна отличалась вдумчивой серьезностью. Она никогда не играла съ подругами, всегда думала. Изъ ея письма къ Онѣгину мы видимъ, что въ ея умѣ происходила сложная работа. Ее давила пустота окружающей жизни, у нея были широкіе духовные запросы. Она мечтала о полезной дѣятельности на благо ближнему. Какъ всѣ дѣвушки, она мечтала о своемъ героѣ, но герой этотъ мало походилъ на шаблонныхъ героевъ всѣхъ сентиментальныхъ дѣвушекъ. Онъ долженъ былъ отличаться выдающимся умомъ, имѣть ясные и здравые взгляды на жизнь. Татьяна надѣялась, что онъ ей поможетъ разрѣшить тѣ мучительные вопросы, которые давили ея умъ, что онъ выведетъ ее на широкую дорогу, по которой они пойдутъ рука объ руку, совершая добро.

Пока что, Татьяна старалась дѣлать то, что было въ ея силахъ. Она помогала бѣднымъ, и въ эту минуту ей казалось, что надъ ней склонился ея идеалъ и шепчетъ ей на ухо слова одобренія.

У Татьяны былъ правильный и ясный взглядъ на всѣ вещи. Она была чужда всякой *суетности*. Ее не могла удовлетворить роскошь, окружавшая ее послѣ замужества. Придворные балы, домашніе пріемы, всѣ удовольствія свѣтской жизни не могли удовлетворить ее.

„Что въ нихъ?“ спрашиваетъ Татьяна, и говоритъ:

„Сейчасъ отдать я рада
„Всю эту ветошь маскарада,
„Весь этотъ блескъ, и шумъ и чадъ,
„За полку книгъ, за дикій садъ,
„За наше бѣдное жилище;
„За тѣ мѣста, гдѣ въ первый разъ,
„Онѣгинъ, видѣла я васъ,
„Да за смиренное кладбище,
„Гдѣ нынче крестъ и тѣнь вѣтвей
„Надъ бѣдной нянею моей...“

Несмотря на свою молодость, Татьяна отличалась опредѣленностью нравственныхъ понятій и твердостью нравственныхъ принциповъ. Эта черта намъ особо дорога въ Татьянѣ, потому что Татьяна жила въ эпоху общей шаткости убѣжденій и понятій. Въ основѣ нравственныхъ воззрѣній Татьяны лежалъ безконечный альтруизмъ, глубокое уваженіе къ личности каждаго человѣка, къ его правамъ, къ его счастью, къ его душевному покою. Долгъ былъ для Татьяны выше всего. Она отдала свою руку князю и считаетъ себя обязанной сохранить ему вѣрность, хотя любитъ другого. Она не можетъ построить свое счастье на несчастіи другого:

„Я васъ люблю (къ чему лукавить),
„Но я другому отдана
„И буду вѣкъ ему вѣрна“.

Эти золотыя слова она говоритъ Онѣгину въ отвѣтъ на его объясненіе въ любви.

Татьяна лишена всякой жеманности. Ея простота поразительна. Она никогда не руководствуется мнѣніемъ другихъ. Она всегда поступаетъ такъ, какъ ей кажется лучшимъ, такъ чтобы она сама могла быть собой довольна. Полюбивъ Онѣгина, она пишетъ ему письмо. Окружающимъ это можетъ показаться *предосудительнымъ*, но на самомъ дѣлѣ это великолѣпный подвигъ со стороны Татьяны. Если мужчина имѣетъ право писать женщинѣ, которую любитъ, то почему-бы и женщинѣ не писать первой мужчинѣ, котораго она любитъ? Для Татьяны не существуетъ *условныхъ понятій*. Это чисто народная черта. Благодаря своей простотѣ, Татьяна вездѣ на своемъ мѣстѣ, и въ деревенскомъ обществѣ, и въ свѣтѣ.

Всѣ указанныя нами черты характера Татьяны свидѣтельствуютъ о присутствіи въ ней большого природнаго ума.

У Татьяны — здравый умъ, умъ-разумъ. Объ силѣ ея ума лишній разъ свидѣтельствуетъ хотя-бы слѣдующій фактъ.

Скромная сельская дѣвушка, Татьяна сумѣла разгадать такой сложный типъ, какъ Евгеній Онѣгинъ, котораго не понималъ никто въ современномъ обществѣ.

Личность Татьяны залита какимъ-то особымъ свѣтомъ, проникнута какой-то особой поэзіей. Это одинъ изъ самыхъ дивныхъ перловъ въ ожерелiи женскихъ типовъ Пушкина.

Марья Ивановна натура, родственная Татьянѣ. Она не получила никакого серьезнаго умственнаго воспитанія, но тѣмъ не менѣе она очень развита. На нее оказали сильное вліяніе родители, люди простые, но высоконравственные, благородные, добрые. Они развили въ ней религіозное чувство, нравственное благородство и сердечную доброту. Какъ и у Татьяны, у Марьи Ивановны ясные взгляды на жизнь. Она инстинктивно различаетъ людей, разгадывая ихъ характеръ. Она очень привязана къ своимъ роднымъ. Родительское благословеніе для нея дороже всего. Потому она не хочетъ выйти за Гринева, котораго его родители не хотятъ благословить на бракъ. Никакіе доводы Гринева не могутъ заставить ее измѣнить свое рѣшеніе.

У нея, какъ у Татьяны, твердые нравственные принципы. У нея есть какое-то нравственное чутье, которое помогаетъ ей разгадать каждаго человѣка. Марья Ивановна не можетъ объяснить, почему ей не нравится Швабринъ. У нея нѣтъ словъ для выраженія своихъ впечатлѣній.

Она очень наивно разсказываетъ Гриневу, что отказала Швабрину, который къ ней сватался, отказала потому, что не считала для себя возможнымъ поцѣловаться съ нимъ предъ всѣми послѣ вѣнца. Она чувствуетъ къ нему инстинктивное отвращеніе. Она чутьемъ понимаетъ всю его низость и подлость. Она говоритъ, что не хотѣла бы ему понравиться. Она догадывается, что Швабринъ не можетъ сдѣлать человѣка счастливымъ, такъ какъ онъ весь пропитанъ зломъ.

Какъ и Татьяна, Марья Ивановна способна къ глубокому чувству и вмѣстѣ съ тѣмъ отличается замѣчательной простотой. Она откровенно призналась Гриневу, что любитъ его, и даже первая поцѣловала.

Подъ скромной женственной наружностью въ Марьѣ

Ивановнѣ скрывается геройское сердце. Мать называетъ ее трусихой. Выстрѣлъ изъ пушки заставляетъ Марью Ивановну упасть въ обморокъ. Но она героиня въ болѣе высокомъ смыслѣ. Когда Гриневъ осужденъ, эта беззащитная дѣвушка отправляется одна въ трудную дорогу, въ Петербургъ, чтобы изложить государынѣ все свое дѣло и добиться оправданія Гринева.

Такъ развиваются женскіе типы въ произведеніяхъ Пушкина. Эти типы представляютъ непрерывную органическую цѣпь, изображая разныя стадіи въ духовномъ развитіи женщины.

Первое звено этой цѣпи — пустая легкомысленная дѣвушка, послѣднее звено — женщина-идеалъ, женщина со сложной духовной организаціей, съ богатыми духовными силами, достигшими гармоническаго развитія.

Чтобы исчерпать нашу тему и показать всѣ женскіе типы, созданные Пушкинымъ, намъ надо еще сказать нѣсколько словъ о Василисѣ Егоровнѣ Мироновой, объ Авдотьѣ Васильевнѣ Гриневой и о нянѣ Татьяны Лариной. Эти три типа, какъ и Татьяна и Марья Ивановна, являются воплощеніемъ лучшихъ чертъ русской женщины. Для насъ особенное значеніе имѣетъ историческій колоритъ этихъ типовъ.

Авдотья Васильевна—безконечно добрая женщина, всей душой привязанная къ мужу и къ сыну. Она отличается строгой нравственностью. Амурныя похожденія М-ье Роже вызываютъ въ ней негодованіе. Она настаиваетъ на томъ, чтобы его прогнали. Она хорошая хозяйка и вѣчно хлопочетъ по хозяйству. Но она совершенно обезличена, она жалкая, несчастная, забитая женщина. Несмотря на весь свой умъ, благородство, строгія правила, Андрей Петровичъ—деспотъ. Его воля — для нея законъ. Онъ не считается съ запросами и желаніями жены. Жена—его раба, безгласная, безропотная...

Василиса Егоровна представляетъ то, чѣмъ могла бы быть Авдотья Васильевна, если бы свободно развила свои природныя силы. Капитанъ Мироновъ—слабый, безхарактерный человѣкъ, и поэтому Василиса Егоровна является равноправнымъ членомъ семьи. Она энергичная, умная женщина, какъ говорится, бой-баба. Она не только завѣдуетъ хозяйствомъ—вся крѣпость находится подъ ея рукой. Мужъ ни

во что не вмѣшивается. Василиса Егоровна назначаетъ офицерамъ квартиры, творитъ судъ и расправу и подвергаетъ офицеровъ даже аресту. У нея высокое пониманіе слова „жена“. Когда Швабринъ замѣчаетъ ей, что комендантъ крѣпости Мироновъ, а не она,—Василиса Егоровна съ негодованіемъ вскидывается на него. („Развѣ мужъ и жена не одна плоть?“)

Она горячо любитъ мужа. Когда появляется Пугачевъ, и мужъ хочетъ отослать ее въ Оренбургъ, она на-отрѣзъ отказывается. Остается и умираетъ вмѣстѣ съ мужемъ.

Въ лицѣ няни Пушкинъ воплотилъ типъ женщины изъ народа. Въ жизни няни мало было свѣтлыхъ дней. Ей было тринадцать лѣтъ, когда ее выдали замужъ и отвели въ чужую семью, гдѣ она, вѣроятно, не мало слезъ пролила, не много радости видѣла. Но страданія развили въ нянѣ чуткую душу. Она вся проникнута поэтической добротой. Кажется, она жизнь отдала-бы за свою Татьяну. Няня вся прониклась русскимъ духомъ. Она прекрасно знала всю родную поэзію. Послѣ дневныхъ трудовъ, послѣ невзгодъ рабской жизни, она отдыхала душой въ золотыхъ чертогахъ сказки, созерцая поэтическіе образы, созданные мужикомъ-страдальцемъ, созерцая идеалы красоты, идеалы добра, правды и любви. Въ созерцаніи этихъ образовъ няня черпала силы для борьбы съ жизнью, черпала нравственныя идеи, непоколебимыя, неизмѣнныя. До какихъ размѣровъ доходила нравственная мощь этой женщины, мы можемъ заключить изъ того, что подъ ея вліяніемъ сложился такой глубокій характеръ, какъ Татьяна Ларина.

*Н. Г. Григорьевъ.*

Библиотека

**Книгоиздательское Товарищество „ОРОСЪ“.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Екатерининская, 6.

ВАРШАВА, Новый Свѣтъ, 70.

## ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ 15 ВЫПУСКОВЪ СЕРІИ „КОРИФЕИ РУССКАГО СЛОВА“:

| | | | |
|---|---|---|---|
| № 1. | Ломоносовъ, | его жизнь и творчество. | Цѣна — Р. 40 к. |
| № 2. | Державинъ, | „ „ „ „ „ | — „ 50 „ |
| № 3. | Карамзинъ, | „ „ „ „ „ | — „ 35 „ |
| № 4. | Жуковскій, | „ „ „ „ „ | — „ 95 „ |
| № 5. | Грибоѣдовъ, | „ „ „ „ „ | — „ 70 „ |
| № 6. | Пушкинъ, | „ „ „ „ „ | „ 90 „ |
| № 7. | Лермонтовъ, | „ „ „ „ „ | |
| № 8. | Гоголь, | „ „ „ „ „ | |
| № 9. | Крыловъ, | „ „ „ „ „ | |
| № 10. | Тургеневъ, | „ „ „ „ „ | |
| № 11. | Гончаровъ, | „ „ „ „ „ | |
| № 12. | Достоевскій, | „ „ „ „ „ | |
| № 13. | Островскій, | „ „ „ „ „ | |
| № 14. | Ал. Толстой, | „ „ „ „ „ | — „ 45 „ |
| № 15. | Левъ Толстой, | „ „ „ „ „ | |

**Подробный каталогъ Книгоиздательскаго Т-ва „Оросъ“ высылается по первому требованію.**

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

**ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ.**

Поставщиковъ Двора Его Императорскаго Величества.

**С.-Петербургъ:** 1) Гостиный Дворъ, 18. 2) Невскій пр., 13. | **Москва:** 1) Кузнецкій Мостъ, 12. 2) Моховая ул., 22

**и у Акц. О-ва Типографск. Дѣла въ С.-Петербургѣ, 7 Рота, 26.**